

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

КОНАН

И ОСКВЕРНИТЕЛИ
ПРАХА

Леонард
Карпентер

"Не забываемое
приключение,
штурмовое плавание.
Книга меня просто покорила!"

Роберт Адамс,
автор серии
"Кошмары в твоем"

АЗБУКА
ГЛАВА

Annotation

Речь пойдет о тех временах, когда Конан был членом шайки могильных воров, которая опустошала гробницы древних шемитов. Во время дерзкого ограбления царского мавзолея Конан и его товарищи попали в засаду. Осквернителей праха ожидали тюрьма и смерть. Три женщины пытались помочь Конану: уличная танцовщица, вдовствующая королева и восставшая против неё принцесса, но их усилия были напрасными. Чтобы выйти из тюрьмы, Конану пришлось сразиться с самим Повелителем мёртвых, и ставкой в этой схватке была не одна лишь жизнь варвара, но судьба всего Хайборийского мира.

Роман является продолжением новеллы Л. Спрэг де Кампа, Б. Ниберга «Звезда Хоралы»

- [Леонард Карпентер](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
    - [Глава девятая](#)
    - [Глава десятая](#)
    - [Глава одиннадцатая](#)
    - [Глава двенадцатая](#)
    - [Глава тринадцатая](#)
    - [Глава четырнадцатая](#)
    - [Глава пятнадцатая](#)
    - [Глава шестнадцатая](#)
    - [Глава семнадцатая](#)
    - [Глава восемнадцатая](#)
    - [Глава девятнадцатая](#)
    - [Глава двадцатая](#)
-

Леонард Карпентер

Конан и осквернители праха

Глава первая

Ядовитое море

Огненно-голубое небо горело над головой... Под его жгучим куполом расстилалась пустыня восточного Шема, – безлюдный, необозримый край песков и прокаленных солнцем сухих гор, похожих на голые черепа давно умерших великанов. Между горами лежала равнина, белая и спекшаяся, словно под печи. По этой равнине, точно насекомое по раскаленной сковороде, тащилась лошадь со всадником.

Белая кобыла трусила вперед, изнемогая от немилосердной жары. Всадник неподвижно сидел в седле. Он был весь закутан в длинный бурнус. Если бы не толстое шерстяное одеяние, солнце давно выжгло бы из кожи последнюю капельку влаги, а мозг в черепе превратился бы в крошащееся печенье.

Бесформенный бурнус позволял только рассмотреть, что человек был рослым и широкоплечим: ткань скрывала и лицо, и тело, лишь синие глаза блестели в узкой щели. Глаза обшаривали безжизненную равнину внимательным и зорким взглядом охотника. А однажды, повернувшись в седле, всадник оглядел пустыню у себя за спиной с опасливой осторожностью беглеца.

Когда он поворачивался, кобыла сбилась с шага, и наездник ругнулся:

– Кром!.. Не шали, девочка! У меня, чтоб ты знала, нет никакой охоты плестись пешком по этим хреновым пескам!.. – Из складок бурнуса появилась широкая, бронзовая от загара рука и ободряюще погладила шею животного. Всадник наклонился и проговорил на ухо лошади: – Ты умница, девочка. Все хорошо, ты только знай себе шагай. Если наши преследователи еще не совсем сбрендили на этой жаре, они давно уже посчитали нас мертвыми и вернулись домой. А если ты сделаешь доброе дело и догонишь перегруженную клячу Ювиуса, так и камушек наш будет...

Перед его глазами в раскаленном воздухе на миг так и повис призрак золотого кольца, увенчанного великим сапфиром – Звездой Хоралы. Человек раздраженно сморгнул, отгоняя видение. Еще не хватало начать бредить наяву!.. Его взгляд вновь впился в горизонт, колебавшийся и плывший в потоках зноя.

– Вот бы знать, – пробурчал он, – куда, во имя хитроумия Сэта, эта скотина Ювиус намерен нас завести?..

Вообще говоря, в глубине души Конан-киммериец отлично знал куда, и ему это очень не нравилось. Отпечатки копыт, по которым он следовал, вот уже два дня как свернули в сторону от цепочки белых костей, помечавших обычный путь караванов. На горизонте плавали в жарком мареве горы. Может, до них было несколько дней пути, а может – несколько недель. Но в любом случае они оставались вне досягаемости одинокого всадника с весьма скучными съестными припасами. К тому же здесь не было ни холмика, ни высотки, чтобы осмотреть окрестности. И ни клочка тени, чтобы дать отдых усталым, опаленным солнцем глазам. Словом, Конан знал со всей определенностью, куда вел его Ювиус.

На верную смерть.

И удивляться тут было особенно нечему. Сумел же вкрадчивый мерзавец без мыла влезть ему в душу в Угадре – mestечке на краю пустыни. А потом, едва познакомившись, – до бесчувствия напоить коварным местным вином, которое приготавливали из дынь. Тогда-то он и стащил у киммерийца Звезду. Да не просто стащил, но и подбросил на место бесценного перстня дешевые побрякушки, краденые к тому же. А потом – вот это было уже воистину дьявольски хитро! – с потрохами сдал Конана стражникам визиря. С тем чтобы его без проволочек приговорили к удушению на рассвете. И за что? За кражу какой-то дребедени, об которую он и пачкаться бы не стал...

Ювиус, конечно, был законченным негодяем. И притом интриганом, какого нечасто встретишь в занюханном пограничном городишке. Но ни мужества, ни воинского искусства в человечишке не было и в помине. Обычная уличная крыса, которая навряд ли выживет вдали от привычной помойки, посреди враждебной и беспощадной пустыни. Когда Ювиус обнаружил, что Конан удрал из-под стражи, увел лошадь и гонится за ним с явным намерением замочить подлеца, – воришко ударился в панику. И, думая только о том, как бы спастись от страшного киммерийца, галопом помчался безо всякой дороги.

А Конан, жаждавший вернуть Звезду и подгоняемый стражниками, дышавшими ему в затылок, без особых раздумий пустился следом. Тоже неплохо. И вот теперь вор, как явствовало из петлявшего следа, основательно заблудился. И час за часом продолжал бестолково углубляться в огненную духовку пустыни...

– Если жара не прикончит его, это сделаю я, – вслух подытожил киммериец. – Кромом клянусь, как есть поджарю мерзавца! Нечего было красть мое имущество!.. – Тут он призадумался, ибо вопрос о принадлежности Звезды решался отнюдь не так однозначно. Однако

некоторое время спустя Конан все же заверил свою кобылу тоном оскорбленного собственника: – В конце концов, это я, а не он, снял Звезду с пальца проворовавшегося принца!..

Покачиваясь в седле, он щурил глаза, наблюдая за тем, как постепенно менялась местность вокруг. Спекшаяся, точно кирпич, земля уступала место пестрому лоскутному одеялу россыпей потрескавшегося камня. Местами трещины были такими глубокими, что в них вполне могла бы застрять лошадь. В других местах к небу вздымались причудливые башни кристаллической соли, похожие на обломанные клыки каких-то мертвых чудовищ. У подножия башен лежали мертвенно-синие тени. Конану пришлось пустить лошадь шагом.

– Осторожнее, девочка, – предупредил он животное. – Если твои прежние хозяева уж так твердо намерены нас поймать, это, скорее всего, произойдет именно здесь!

С этими словами он еще раз пристально оглядел пройденную пустыню. Никаких признаков погони, впрочем, не было видно.

Впереди волнами перекатывался знойный воздух. Эти колебания не только завораживали, но и не давали никакой возможности рассмотреть толком, что делалось позади. Однако едва заметные следы преследуемого упрямо тянулись в самую глубину жутковатого места, а белая кобыла артачилась, не желая даже шагом нести своего седока неведомо куда. Конан не стал ее заставлять: просто спрыгнул с седла и повел лошадь в поводу. Он осторожно переступал глубокие трещины, заваленные грязноватыми кристаллами соли.

И вдруг... Киммериец изумленно заморгал: перед ним был круглый пруд в глинистых берегах. Пруд переливался в солнечных лучах, как ртуть. Подойдя вплотную, Конан убедился, что это был не мираж. Он опустился на колено и зачерпнул рукой воду. Вода была теплой, и тяжелые капли усеяли его кожу, точно стеклянные бусы. Он поднес ладонь к лицу и, оттянув капюшон, попробовал воду кончиком языка. И тотчас яростно сплюнул: как и следовало ожидать, на вкус вода оказалась вроде скорпионьего яда. Поднявшись с колен, он повел лошадь дальше. Еще некоторое время он отплевывался, но во рту осталась такая горечь, что поневоле пришлось снять с седла полупустой бурдюк и отпить экономный глоток.

По сторонам между тем появлялись все новые пруды. Местами они сливались, местами их соединяли полосы грязи. Башенки соляных кристаллов были уже по пояс идущему человеку. Конан заметил впереди стеклянно-голубое сияние и пришел к выводу, что так блестеть могла

только обширная водная поверхность. Без сомнения, такая же мертвая, как и пруды вокруг. И все же жизнь здесь когда-то была. Об этом свидетельствовали рыбы кости и раковины моллюсков, еще заметные в глине под ногами. Иные из раковин были величиной с человеческий череп и сплошь в шипах, как боевые булавы.

Подняв голову от останков, Конан заметил впереди черную точку. Она выделялась на фоне водной голубизны и притом была темнее и шире, чем бледные призраки соляных столпов. Конан затенил глаза рукой и сосредоточил на ней взгляд. Чем ближе он подбирался, тем определенное превращалась точка в силуэт коренастого человека, привалившегося к брюху мертвой лошади.

По всей видимости, Ювиус пытался уйти так далеко, как только мог унести его конь: он сидел на самом кончике плоского мыса, с трех сторон омываемого ленивыми волнами соленого озера. Блестящая водная гладь тянулась неведомо куда: слепящие миражи не давали рассмотреть ни противоположного берега, ни горизонта. Поверхность морщила едва заметная рябь, и было похоже, что даже очень далеко от берега Конану было бы примерно по пояс.

Спешившийся вор сидел на горке раковин и костей у края мертвого моря, повернувшись лицом к пустыне и к своему преследователю. Он сидел с непокрытой головой, устроившись между окостенело вытянутыми ногами павшего коня. Он сидел так неподвижно, что Конан начал себя спрашивать, жив ли еще Ювиус или уже умер. Но вот приподнялась рука и затенила от солнца глаза, и варвар понял, что видение было вполне реальным. Не какие-нибудь там шуточки песчаных демонов, всегда готовых смутить путешественника.

Конан с мрачной яростью взирал на беглеца, и тут ему бросилось в глаза, до чего странно тот выглядел. Жалкий, загнанный в угол воришко восседал подле раздувшегося лошадиного трупа, точно король на троне! Конан вздохнул, покачав головой отрешенно и... с жалостью. На несчастного глупца было трудно даже как следует сердиться.

Он остановился. Усталая кобыла ткнулась ему в спину и тоже остановилась, повесив голову. Подняв руки, Конан стащил бурнус и бросил его на седло. Теперь сторонний наблюдатель мог бы поподробнее рассмотреть его, облаченного в белую шелковую рубашку, нечто вроде бурой кожаной юбочки и сандалий.

Отвязав от переметных сум большой полупустой бурдюк, Конан взвалил его на плечо, ласково шепнул что-то лошади, потом откупорил бурдюк и полил себе в ладонь. Измученная жаждой кобыла немедленно

подобрала воду губами. Конан повернулся и пошел к сидевшему вору.

Когда под сандалиями захрустели обросшие солью ракушки, он окликнул беглеца:

– Эй, Ювиус!.. Приехал, как я посмотрю? – Он помолчал, ожидая ответа, но ответа не последовало, и он продолжал: – Ну как, созрел поторговаться со мной насчет Звезды Хоралы?

– Поторговаться? О да, конечно!.. – долетел издали хриплый, слабый голос, и красный от солнца лысеющий череп закивал взад-вперед. – Ювиус всегда готов заключать сделки... Даже с кровожадными дикими варварами...

В квакающем голосе слышалась нотка безумия, и Конан решил, что долгое пребывание на жаре, видно, затронуло разум воришки.

– Ну добро!.. – крикнул он, шагая вперед. – То есть надо бы, конечно, порезать тебя на колбаски, посолить и высушить на солнышке за измену. Но, сказать по правде, работа это тяжелая, а я что-то притомился. Так что давай лучше договоримся!

– Да, да, договоримся!.. – Рот Ювиуса был темным провалом посреди обтрепанной бороды. – Давай свои условия!..

– Мне нужно только то, что ты у меня спер, – приближаясь, продолжал Конан. – Мое колечко. Со Звездой Хоралы, знаешь ли. А я взамен дам тебе напиться водички!

Он поднял бурдюк и встряхнул его так, чтобы слышно было бульканье.

– Вода, вода!.. Конечно!.. Хорошая сделка! Драгоценные камни – за воду!.. Кольцо!.. Оно у меня где-то здесь... – Голос сделался неразборчив.

Когда Конан приблизился, Ювиус рылся в куче хлама, вытряхнутой наземь из переметных сум. Его лицо и лысина были жестоко обожжены солнцем, пересохшие, беловатые губы растрескались.

– Я дам тебе напиться воды, сколько поместится в брюхо, – сказал ему киммериец. – А потом, если будешь в состоянии... в чем я, вообще говоря, сомневаюсь... можешь держаться за хвост моей лошади, когда я поеду отсюда...

Больше ничего ему сказать не довелось. Совершенно неожиданно Ювиус вытащил из сумки небольшой заряженный арбалет и выстрелил в Конана. Киммериец ощутил рвущий удар в среднюю часть тела, и по внешней стороне бедра побежали горячие струйки. Он осознал, что ранен в бок. Но он был еще жив!

Почему-то он почти не чувствовал боли: может, стрела прошла вскользь?.. Не медля ни мгновения, он устремился вперед, перепрыгивая через прибрежный мусор и держа наготове кинжал. Бурдюк тяжело хлопал

его по боку. Его еще отделяло от Ювиуса довольно солидное расстояние. Но бежать, чтобы оказаться вне досягаемости арбалета, было дольше.

– Какой выстрел!.. – ликовал между тем Ювиус, пытаясь как можно скорее перезарядить оружие. – Попал ведь, а?.. Теперь надо прикончить!.. Варвар хочет назад свой перстень!.. Воду мне предлагает!.. Ну и дурак!..

Прижав пухлыми ручками приклад к животу, он наконец со щелчком взвел тетиву. И потянулся за лежавшей рядом стрелой, не слишком беспокоясь о том, что его преследователь приближался с каждым прыжком.

– Неужели глупый варвар не видит, – продолжал посмеиваться Ювиус, – что воды у меня полным-полно? Целое озеро, только руку протянуть! На что мне нужен еще и его бурдюк?..

И, поблескивая безумными глазами, он снова поднял арбалет.

Конану еще оставалось пробежать несколько шагов. Он не успевал дотянуться до Ювиуса. Вместо этого он каким-то образом умудрился остановиться на бегу, вложив весь свой разгон в бросок тяжелого кинжала. Сверкнув в воздухе, кинжал попал Ювиусу в грудь и с глухим звуком воткнулся по рукоять. Багроволицый вор ахнул и откинулся навзничь, на труп своей лошади. Арбалет вывалился из руки и выстрелил. Болт воткнулся в песок, подбросив фонтанчик сухих ракушек.

Вот так и умер Ювиус: не сделав более ни движения, не издав ни звука.

У Конана пульсировало в боку, кожу щипало: солнце уже подсушивало кровь. Осмотрев рану, он убедился, что болт в самом деле лишь оцарапал его. Убийственную силу предательского выстрела принял на себя бурдюк, расположенный во всю ширину. Теперь в нем оставались считанные глотки воды. Остальное растряслось на бегу... А он-то решил, что это кровь!

Ругаясь на чем свет стоит, Конан перетянул бурдюк, чтобы сберечь последние остатки бесценной жидкости. Потом подошел к телу Ювиуса. Было ясно, что он недооценил подонка. За что и поплатился. Ювиус, похоже, все эти дни постепенно сходил с ума. Сначала – от беспощадного, казнящего солнца. А потом (может, даже в большей степени) – оттого, что нахлебался воды умирающего моря.

Борода Ювиуса склеилась и поседела от высохшей соли: видно, вор пил морскую воду, не обращая внимания на ее вкус. Когда Конан нагнулся над трупом и вытащил свое оружие, оно вышло из груди мертвеца с жутковатым сухим скрежетом. На лезвии не было крови – только все та же соль, от соприкосновения с которой блестящая сталь уже начала местами

чернеть.

...Но самый жестокий сюрприз поджидал Конана, когда он стал обыскивать мертвого вора в поисках похищенного перстня. Звезды Хоралы нигде не было видно!

Конан перерыл все еще раз. Перетряхнул каждую сумку, каждый кошелек и карман. Прощупал каждый шов, каждую складку... Никакого толку! Задыхаясь от напряжения – ибо на солнцепеке каждое движение требовало невероятных усилий, – он перевернул оба тела, человеческое и конское, чтобы исследовать усыпанный мусором берег под ними. Ничего!

Он постоял над трупом Ювиуса, держа руку на рукояти кинжала и с сомнением разглядывая пухлое брюхо вора... Нет, решил он наконец. Кольцо со знаменитым сапфиром было великовато даже для этой прожорливой глотки. Без толку рыться у него в кишках.

Конан осмотрелся... Узкая, беловатая прибрежная полоса, пруды, причудливые соляные башенки... и с трех сторон – поблескивающая, чуть тронутая рябью водная гладь в туманном мареве миражей. Еще можно было бы обыскать небольшой участок суши на тот случай, если Ювиус, движимый хитростью или сумасшествием, куда-нибудь закинул кольцо. Огромный сапфир вряд ли затерялся бы даже среди этих трещин и кристаллов сверкающей соли. Но что делать с водой?.. Дюйм за дюймом прочесывать дно ядовитого моря?..

Вода была мелкой и прозрачной, словно стекло, а на дне виднелся слой светло-бурого пушистого ила. Конан попробовал ее на вкус, и его едва не стошило. Та же мерзость, что и в прудах. Он извлек из поясного кошеля мелкую монетку, бросил ее в воду и стал смотреть, как она ляжет на дно. Попав в ил, монетка бесследно исчезла.

– Кром!.. – сказал Конан. Он говорил еще долго, но остальная часть его речи ни в коем случае не может быть воспроизведена на этих страницах. В самом деле, – притащиться в ад вроде здешнего, и ради чего?.. Чтобы упустить сокровище, а в довершение всех бед остаться еще и без воды?..

Потом он краем глаза отметил некое движение поблизости. Оказывается, высыхающее море было отнюдь не безжизненно. Какая-то извивающаяся тварь с широко разинутой пастью и змеистым хвостом – нечто вроде ската – с плеском вырвалась из воды и пролетела низко над поверхностью, словно камень, запущенный «блиничками». Потом рыбина гулко плюхнулась обратно и ушла в глубину. К берегу побежали мелкие волны.

Конан последний раз цветисто помянул Крома, потом повернулся и

пошел прочь...

Глава вторая

Могильные воры

Ветер пустыни бесцельно нахлестывал землю, словно возчик, направляющий к дому усталую, ко всему безразличную лошадь. Там, где вздымающийся склон рассекали сразу два глубоких оврага, несомый ветром песок изваял в обнаженных скалах целые ряды тонких шпилей, похожих на причудливые минареты. Когда между ними пролетал заблудившийся ветерок, слышались вздохи и перешептывания.

Из расщелины между двумя шпилями высунулась тупоносая голова ящерицы с медленно моргающими глазами. За головой последовало тело, приземистое, толстое, как у раскормленной домашней курицы. Под слоем солончаковой пыли блестела яркая радужная чешуя. Извиваясь, ящерица сбежала по каменистому склону на самое дно ущелья, где сквозь слой песка торчали бурье скелетики кустов.

Едва ли не из последних сил Конан-киммериец заполз в ущелье, по которому только что пробежала ящерица. Он был весь в пыли и очень ослабел от жажды. На нем еще болтались остатки бурнуса, обрезанного по колено, чтобы не мешал при ходьбе. С плеча свисал сморщеный бурдюк. Когда Конану случилось пить в последний раз, это была густеющая кровь его павшей кобылы. Не удивительно, что он проводил скальную ящерицу алчным взглядом охотника...

Он скатился следом за чешуйчатой тварью, уже не памятя ни о какой осторожности. Попытавшись схватить ящерицу, он всем телом рухнул на нее сверху, ударился о песок и больно ободрался о длинные, как ножи, колючки куста. Сунув под себя руки, Конан нашарил чешуйчатое бьющееся тельце, сцепил его и вытащил добычу на свет Божий.

В руках у него был лишь сужавшийся к концу хвост. Хвост еще слабо подергивался. Конан поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как все остальное удирало под кучу камней в нескольких шагах от него.

От жажды в голове стоял шум. Конан присмотрелся к оторванному хвосту. Он показался ему сухим и ороговевшим, но какую-то капельку жидкости из него все же можно было выжать. Он приложил хвост к губам и стиснул его в кулаке...

И тут совсем рядом с ним раздался голос!

– Как по-вашему, это человек или нет? – густым насмешливым басом

спрашивал мужчина, восседавший на мохнатом горбу верблюда. «Корабль пустыни» неподвижно стоял возле каменной стены каньона. – Может, это песчаный троглодит, порождение бесплодных пустынь?..

Всадник, закутанный в дорожный плащ, был коренастым, белокожим и светловолосым. Несомненно, северянин, хотя сладковзвучная шемитская речь без запинки лилась из его уст.

– А я, Огар, слыхал еще и другое... – Из-за поворота появился другой верблюд, поменьше, и на спине у него тоже сидел всадник. – Говорят, дикие горные обезьяны иногда похищают человеческую одежду и напяливают ее на себя, особенно когда у них мех выпадает от парши или чесотки...

– Воды!.. – прохрипел Конан, вложив в одно короткое слово всю гамму чувств. Кое-как он поднялся на ноги и прохромал к ближайшему верблюду, не сводя глаз с замызганного бурдюка, висевшего у северянина при седле.

– Эй, погоди-ка! – воскликнул Огар и дернул поводья, так что его пустынный скакун попятился прочь. – Вода, если ты заметил, в здешних местах изрядная редкость! – И он нахмурился, с напускной суворостью глядя на киммерийца с высоты седла. – Мы по роду своих занятий торговцы, а это значит, что просто так мы своего имущества не отдаем. Что ты можешь предложить нам взамен?

К Огару подъезжали все новые всадники. Их было около дюжины. Одни верблюды терпеливо пережевывали жвачку, другие тянулись мордами к пересохшим колючкам. Большинство всадников были курчавые черноволосые шемиты, моложе северянина и его козлобородого спутника. Некоторые посмеивались над жалкой наружностью Конана; их забавляло, как дразнил его Огар. Другие смотрели на него с мрачным видом, стремясь, как все юнцы, выглядеть опасными и крутыми парнями.

– Ты, как я посмотрю, малый не из богатых, – продолжал предводитель. – Возможно, однако, что за право хорошенъко напиться ты заплатишь нам тем, что сообщишь интересные сведения. Так сказать, поможешь честным торговцам, которые заблудились и никак не найдут верной дороги... – Огар хлопнул ладонью по пухлому бурдюку, чтобы был слышен заманчивый плеск. – Не видел ли ты, странствуя по окрестностям, каких-нибудь древних руин или, скажем, могильников? Они могли бы послужить нам... э-э... неплохими ориентирами!

Конан сделал еще шаг вперед. Северянин заставил своего верблюда снова попятиться, втискиваясь между другими. Теперь он смотрел на киммерийца уже по-настоящему зло, и рука его лежала на рукояти изогнутой, как полумесяц, сабли, висевшей на поясе. Остальная банда,

следуя примеру вожака, тоже забречала оружием...

Конан сунул руку под изодранный бурнус, ища кинжал, и... не обнаружил его. Оглянувшись через плечо, он заметил клинок на песке, там же, где валялся брошенный хвост ящерицы. Впрочем, в глазах у него все плыло.

– Стойте! А я ведь знаю этого человека!.. – вдруг подал голос один из шемитов. Говорил тот бородатый, что первым подъехал к Осгару и вместе с ним насмехался над оголодальным, измученным жаждой странником. Теперь он слез с верблюда и пошел прямо к Конану, на ходу вытаскивая затычку из горлышка фляги.

– Держи, старый друг! Наконец-то я узнал тебя, Конан из Киммерии!.. – сказал он, протягивая плашущий бурдючик. Конан, у которого перед глазами стояла пелена, смотрел на него недоверчиво. – Пей! – продолжал шемит. – Это справедливая плата за спасение моей жизни – или, во всяком случае, моей доброй правой руки, – от аренджунских охотников за ворами!

Он вложил горлышко бурдючка в рот полумертвого киммерийца и стал понемногу надавливать. Варвар упал на колени, обеими руками вцепился в бурдючик и жадно присосался к нему, глотая живительную влагу.

– Что это значит, Исараб?.. – Осгар сердито смотрел на своего подручного с высоты верблюжьей спины. – Я еще далеко не обо всем расспросил проходимца!

– Расспрашивать его без толку, – ответствовал Исараб. – Он бы все равно ничего тебе не сказал. Этим киммерийцам хоть кол на голове теша, я-то уж знаю. Почти такие же упрямцы, как и вы, ваниры, – ненавязчиво добавил шемит, не без труда отбирая у Конана бурдючик. – Хватит пока, парень! Пускай сначала впитается, – дружески посоветовал он варвару. – Через некоторое время еще дам.

– Ну так оставь ему весь бурдюк, да и поехали своей дорогой, – нетерпеливо вмешался Осгар. – Надо разведать, что там дальше к востоку.

Исараб прямо смотрел на своего предводителя.

– Невеликое благодеяние бросить его здесь, посреди раскаленной пустыни, – сказал он. – Бурдюк с водой только оттянет смерть. Послушай, надо взять его с нами! Такой спутник, как Конан, в дороге не помешает! – И он хлопнул варвара по плечу.

Тот, оживленный несколькими глотками воды, выпрямлялся на глазах.

– И правда, возьмем его с нами, Осгар, – прозвучал другой голос, женственный, томный. Он принадлежал закутанной всаднице,

восседавшей чуть позади ванира. – Мне кажется, такой здоровяк будет небесполезен в качестве... э-э-э... грузчика!..

Тонкая ручка откинула пропыленное покрывало, открыв оливково-смуглое лицо черноволосой красавицы.

Предводитель недовольно хмурился еще какое-то время, потом передернул плечами. И вдруг обезоруживающе улыбнулся двоим, стоявшим перед ним на песке. Его лицо заросло светлой бородой, и в бороде блеснул золотой зуб.

– Ну и отлично, – сказал он. – Добро пожаловать, Конан, в нашу компанию!

– Спасибо... тебе, Исайаб, – прокаркал Киммериец. – Я не узнал тебя издали... – Он взял шемита за плечо, и дружеский жест был предназначен наполовину для того, чтобы устоять на ногах. На Осгара и других он смотрел безо всякого выражения. – Что касается ответа на твой вопрос, ванир... нет, никаких руин или могил я здесь поблизости не видел.

Выпустив плечо Исайаба, он зашаркал по песку прочь, чтобы подобрать свой кинжал.

Тем временем путешественники стали располагаться на отдых. Верблюды аккуратно подбиравали под себя ноги, укладываясь на землю, и всадники покидали их спины. Исайаб дал Конану напиться еще и угостил сладкими финиками – пожевать, когда почувствует себя лучше. Шемит поинтересовался, как так вышло, что Конан брел по пустыне один и пешком. Киммериец поведал ему свою историю. Медленно, то и дело останавливаясь передохнуть, рассказывал он о своей погоне за похищенной Звездой Хоралы. При этом Конан старался, чтобы его скорбную повесть не услыхал никто посторонний. Исайаб слушал с величайшим вниманием, глубоко сопереживая его горестной утрате.

Когда странники отдохнули и даже немного поспали, Конану выделили золотисто-бурого верблюда с наспех сооруженным седлом. Осгар, державшийся теперь с киммерийцем вполне дружески, велел взять этого верблюда из вереницы выючных животных, за которыми присматривал одноглазый пожилой зуагир.

Конан до того ослабел, что любая помощь была ему кстати, от кого бы она ни исходила. Тем не менее он не мог не задуматься, что поделяет этот караван здесь, в самом сердце пустыни, вдалеке от торных дорог. У путешественников были с собой верблюды совсем без поклажи, а другие несли на своих спинах лишь воду, пищу, дрова для костра и еще кожаные позывающие мешки, в которых, если Конан что-то понимал, хранилось оружие. Подбор людей тоже показался ему странноватым. Сплошные

юнцы, вряд ли успевшие себя как следует зарекомендовать. Только Осгар, Исараб и еще один или два человека выглядели бывальми и уверенными в себе странниками. В общем, купеческих караванов вроде этого Конан еще не видал!

Что же касалось женщины... Если внешность не обманывала, девушка была стигийкой. Но кто видал, чтобы такие холеные красавицы таскались взад-вперед по пустыням? Изящно скрестив ножки, она сидела в тени посапывающего верблюда, пряча от лучей солнца нежную кожу, и расчесывала длинные иссиня-черные волосы. В общем, совсем не такая оторва, которые, бывает, чувствуют себя на равных в обществе самых отъявленных головорезов!

Конан начал кое-что подозревать, но подозрения свои он держал при себе. Другие люди тоже большей частью помалкивали. Потом Осгар приказал двигаться дальше.

Ощущая на себе со всех сторон любопытные взгляды, Конан кое-как вскарабкался на своего верблюда без посторонней подмоги. Прежняя сила быстро возвращалась к нему. Он направил медлительное животное в общий строй, заняв место следом за Исарабом, и вместе со всеми двинулся по расширявшемуся ущелью.

Выбравшись на открытую равнину, всадники рассыпались веером, видимо в соответствии с заранее оговоренным планом. Женщина держалась рядом с Осгаром, а молодые всадники отъехали далеко в стороны так, чтобы оставаться в пределах видимости друг друга, но не намного ближе. Исараб жестом подозвал Конана к себе, так что они вдвоем поехали почти посередине строя.

— Удобный способ прочесывать пустыню, — заметил Конан, убедившись, что никто посторонний не мог их подслушать. Он пустил верблюда рядом с горбатым скакуном своего спасителя, но не настолько близко, чтобы животные начали хватать друг друга за уши.

— Да, — отозвался Исараб. — Сегодня, правда, вдаль видно плохо: поднимается ветер, и половина пустыни летит по воздуху...

Шемит поправил полосатый головной платок, спасаясь от ветра, который и вправду делался резким, а горизонт уже затягивала серая дымка. Конан знал, что подобный ветер вытягивал влагу из человека еще похуже прямых лучей солнца. Ветру было все равно: губить живые существа или иссекать мертвые скалы.

— Твоя правда, сегодня будет трудновато что-то найти, — сказал киммериец, держась вплотную за Исарабом. — Но что хоть они высматривают? Уж не купеческий ли караван? Кого вы собираетесь

грабить, дружище?

– Те, кого мы собираемся обобрать, жаловаться не станут, – таинственно покосившись на него, ответил шемит. – Это те, чья жадность превосходит предел, отпущеный человеку. Те, кто хотел бы сохранить сокровища, в которых более уже не нуждается...

– Так я и думал! Вы – могильные воры!.. Осквернители праха!..

И Конан помимо собственной воли содрогнулся под широким бурнусом.

– В таких словах мало достоинства. Лучше зови нас пустынными искателями сокровищ, – Исараб с улыбкой повернулся к Конану, который ехал с наветренной стороны и, таким образом, несколько прикрывал его от укусов песка. – Но почему ты вздрогнул, о царь воров? Разве ты не встречался с еще большими опасностями в былые времена, когда мы вместе занимались тем же ремеслом, только обращали свое искусство к живым людям?

– Против опасностей, как тебе отлично известно, я вовсе не возражаю, – нахмурился киммериец. – Но разграбление могил... По мне, это занятие для трусов, и к тому же нечистоплотное. Переворачивать могильные камни и рыться среди гниющих костей в надежде отыскать пару каких-нибудь побрякушек! Тьфу!.. К тому же я не люблю связываться с привидениями и проклятиями, а на кладбищах полно и того и другого...

Шемит задумчиво погладил курчавую бороду.

– Я припоминаю одну историю, которую мне некогда рассказывали... – проговорил он затем. – Наверное, я подслушал ее в каком-нибудь гадюшнике, в грязной таверне либо в доме с девками... В подобных местах чего только не наплесут! Так вот, люди говорили о юном варваре с севера, который нарушил могильный покой древнего короля и вырвал преотличный меч из костлявых рук, пытавшихся вернуть отнятое...

– М-да... было дело, – нехотя сознался киммериец. – Только не забывай: я сделал это от отчаяния! Я был чуть не голый в снегу, и за мной гнались волки! У меня другого выбора не было, кроме как залезть в ту гробницу!..

– А что, теперь что-то изменилось? – спросил Исараб.

– И вообще, – продолжал Конан, не обращая внимания на его слова, – глупо это выглядит – прочесывать всю пустыню в поисках древних могил! Каким образом вы собираетесь их найти? – И он обвел рукой безжизненный ландшафт. Спекшаяся глина под ногами верблюдов как раз сменилась сплошными песками, по которым, подгоняя ветром, ручейками текла песчаная поземка. – С чего вы взяли, что здесь когда-либо

жили люди?..

– Что касается прошлого населения... посмотри вот на это! – Исаиаб указал ему на круглый плоский камень, вросший в твердую, как кирпич, глину неподалеку. – Я нисколько не сомневаюсь, что некогда этот камень служил жерновом либо основанием пресса для вина, какие все еще используются у нас на равнинах Шема. Об этом говорит отверстие посередине... – И он в свою очередь обвел рукой горизонт: – Когда-то здесь были сады и тучные нивы, простиравшиеся вон от тех гор и до самого берега спокойного моря!..

Конан невольно проследил взглядом за указующей рукой друга. На мгновение вместо песка и сверкающих на солнце солончаков ему в самом деле померещились те самые «сады и тучные нивы». И легкие облачка над морскими просторами. Он заморгал и тряхнул головой, избавляясь от наваждения.

– Кром!.. – проворчал он.

– Насчет того, как мы отыскиваем богатые могилы, – продолжал Исаиаб, – то искать их наугад, я согласен, в самом деле было бы глупостью. Но Осгар – у него отменный слух... – Тут Исаиаб заговорщицки подмигнул Конану. – Он живет в Шеме и держит гостиницу. Его караван-сарай многим известен и всеми любим. Он дружит со всадниками пустыни, – так кому же, как не ему, знать обо всем, что они находят в песках? Есть у него связи и среди купцов, и среди знати. Уж он сумеет выручить неплохие деньги за любые сокровища, которые мы здесь найдем! В прежние времена он с толком использовал свои познания. Ну, и мне случалось вместе с ним... хм... разрабатывать некоторые весьма прибыльные жилы... – Шемит пожал плечами. – Скажу тебе даже больше: в последнее время неразграбленных склепов осталось маловато. Я имею в виду древние языческие могилы, на которые не распространяются наши религиозные запреты. Но вот некоторое время назад Осгар начал готовить новую экспедицию, по размаху не чета прежним. Дело в том, что пастухи-зуагиры нашли одного полумертвого старика, искавшего драгоценные камни. Перед смертью он успел нашептать им, будто видел в пустыне уголок старинного монумента, только что обнаженного движущимися песками. По его словам, это было царское погребение! Причем в таком месте, где ни о каких могилах и слыхом не слыхивали!.. Старик назвал и примету: краешек каменного карниза, изваянного в виде демона с мордой ящерицы. Слухи об этом проникли в Шем и достигли ушей Осгара. Мой господин хорошо заплатил за то, чтобы подробно выяснить место... – Исаиаб обвел пустыню неожиданно пасмурным взглядом. – Но теперь я готов усомниться, – сказал

он, – есть ли в этой истории хоть какая-то толика правды. А если и есть, то не случилось ли пескам вновь поглотить памятник?..

– А ваша команда, – проворчал Конан, – это, по-видимому, банда опытных искателей могильных сокровищ?..

– Конечно! То есть я говорю об Осгаре, о себе, о кофите Фило и о старом Элохаре. Элохар – это тот, что ведает верблюдами. Остальные – молодые сорвиголовы из Абеддраха. Балбесам и уличным задирам шемитских городов всегда по нраву приключения. Они еще пригодятся: наша работа требует большой... силы...

– А женщина что тут потеряла? – спросил Конан, жмурясь от очередного порыва ветра.

– А, Зефрити! – рассмеялся Исараб. – Осгар рад был бы оставить ее дома, да можно ли надолго оставлять такую девчонку одну? Опять же и ей почему-то очень хотелось с нами поехать. Она стигийка, а их, стигиек, поди разбери. Она, понимаешь ли, танцовщица в его заведении. И живет при нем... – Исараб осклабился, – ...безо всяких обрядов и обетов. И не так чтобы уж совсем не разлей вода!

Конан озадаченно мотнул головой:

– И с такой пестрой компанией вы собираетесь ковыряться в древних могилах?.. Вы хоть знаете, на что там можно нарваться?..

Исараб только отмахнулся:

– Говорю тебе, киммериец, оставь раз и навсегда все свои сомнения! За годы походов мы знаешь каких хитростей набрались! – И он подмигнул. – Все как бы само собой получается. Вот увидишь!

Ветер все усиливался, так что разговаривать сделалось трудно. Постепенно верблюд Конана немного отстал. Пустыня наплывала спереди, понемногу отодвигаясь назад.

– Сворачиваем к югу! – прокричал наконец Исараб, придерживая своего верблюда и указывая рукой. – Фило остановился! Гляди, машет флагком!.. И Осгар во всю прыть скачет по дюнам! Не иначе, что-то нашли!..

Глава третья Мастаба

Всадники на верблюдах собирались все вместе чуть пониже гребня высокой дюны. Жмурясь против жестокого ветра с песком, Конан разглядел нечто темное, торчавшее из склона бархана. Это была часть приземистого прямоугольного строения из черного базальта. Киммериец узнал в строении древнюю *мастабу*. Такими с незапамятных времен прикрывали входы в гробницы.

Сооружение, возведенное человеком, выглядело совершенно не к месту посреди продутой ветром пустыни, и это придавало мастабе еще более зловещий и мрачный вид. Блоки каменной кладки носили отпечаток столетий, но глаз еще мог проследить линии замысловатой резьбы. Три угла, торчавшие из песка, были украшены ухмыляющимися головами ящерицеподобных демонов. Головы торчали в разные стороны, словно рога. По стенам усыпальницы змеились рельефные изображения еще каких-то созданий. Крыша представляла собой четырехгранный пирамиду. По ее ребрам тянулись длинные тела демонов-хранителей. Они сплетались хвостами на самом верху, образуя сломанный шпиль.

Подъехав и осмотревшись, всадники без промедления нашли укрытие с подветренной стороны полузасыпанной мастабы. Верблюды поворачивались к ветру мохнатыми задами и переступали с ноги на ногу, чтобы не застрять в движущемся песке. По приказу Осгара несколько всадников поднялись на самый верх бархана и стали ездить туда-сюда, размахивая платками и подзываая всех остальных.

– Вовремя же мы отыскали это местечко!.. – откидываясь в седле, покричал Исараб Конану. – Песок летит так, что скоро и солнца видно не будет!

В самом деле, пыльные тучи уже превращали ясный день в мрачные желтовато-бурые сумерки. Над вершиной бархана закурился поток песка, напоминавший горизонтальный водопад. По счастью, направление ветра было таково, что мастабу не заносило, а скорее обнажало еще больше прежнего.

– Привязать верблюдов! – деловито распоряжался Осгар, перекрикивая рев бури. – Живее, живее! Складывайте все вещи в одну кучу, не то потеряете!

Двое парней уже растягивали кожаный пол для шатра, остальные полезли на надгробие, чтобы рассмотреть его поподробнее, – благо оно было величиной с дом.

Конан уже слезал с седла, когда Исаиаб вновь окликнул его:

– Молись Эллаэлю, чтобы ветер выдохся к ночи! Осгар все равно заставит нас остаться и рыть, так лучше уж делать это в тишине и покое!

– Вход!.. Я нашел вход!.. – долетел пронзительный вопль одного из юношей, обследовавших полузыпаный фасад мастабы. – Идите сюда, посмотрите!..

Конан присоединился к остальным, поспешившим на зов. По дороге он только остановился переглянуться с одной из черных базальтовых крокодильих голов. Минувшие столетия наполовину стесали ее, но она все так же плотоядно ухмылялась на краю крыши. Конан осторожно обошел ее и стал подниматься вверх по склону песчаного холма.

По ту сторону мастабы он увидел женщину, Зефрити. Как раз когда Конан проходил мимо, она не удержала равновесия, запнулась и поехала вниз. Конан подхватил ее за талию и с легкостью поставил на ноги. Ему понравилось это короткое прикосновение: тело Зефрити было упругим и гибким, да и карие глаза сверкнули из-под капюшона так, что только держись.

– Осторожнее, крошка! – сказал ей варвар. И, повернувшись прочь, натолкнулся на пристальный взгляд Осгара.

На дальней стене мастабы, той, что смотрела в глубь бархана, каменный рельеф был всего отчетливее, и, судя по расположению фигур, было похоже, что они в самом деле обрамляли дверь. Юноша-шемит стоял на коленях и полными горстями отбрасывал песок прочь, стараясь докопаться до входа. Наконец сделалась видна темная ниша.

– Смотрите! Песок не попал внутрь!.. – закричал парень в восторге. Откинув длинные полы одеяния, он нагнулся вперед и глубоко запустил руку в отверстие. Осгар стоял над ним, молча и внимательно наблюдая. Зефрити прижалась к ваниру, завороженно глядя на происходившее. Конан открыл рот, собираясь предостеречь парня, но опоздал.

– А-а-а-ай! – вдруг взвыл юноша, отшатываясь прочь от ниши и тряся в воздухе рукой. На ней висело не менее полудюжины смертоносных рыхих скорпионов, впившихся хвостовыми жалами в обнаженную кожу. Юноша с воплями забился на песке, колотясь собственную руку в надежде сбросить ядовитых тварей. Стоявшие поблизости запрыгали с ноги на ногу, спасаясь от разбегавшихся скорпионов. Кто-то пытался рубить их ножами.

Несите лопаты! – прозвучал повелительный голос Осгара. Ванир

стряхнул с себя насмерть перепуганную любовницу и принял распоряжаться: – Несите лопаты, давитеочных ползунов да откапывайте эту дверь!

Он хладнокровно наблюдал за тем, как отчаянные судороги юноши сменились бледностью и оцепенением. Потом наступил конец, и безжизненное тело обмякло на песке возле его ног.

Отвернувшись, предводитель направлял усилия вооруженных лопатами парней, которые ловили и уничтожали оставшихся скорпионов. При этом Осгар едва удостоил взглядом Зефрити. Молодая стигийка потрясенно следила за тем, как мужчины оттаскивали тело в сторонку...

Расчистка входа оказалась довольно простым делом. Землекопам не было нужды даже отбрасывать песок прочь – достаточно было поддеть его лопатой, и все уносил ветер. Конан с Исарабом присоединились к тем, кто заколачивал в песок доски, укрепляя готовую вновь осыпаться песчаную стену бархана. Ветер между тем крепчал, едва ли не со сверхъестественной силой разбрасывая и наметая кучи песка у стен мастабы. Однако работа шла своим чередом, и скоро в склоне дюны образовалась изрядная впадина.

Люди то и дело всаживали лопаты в песок, стараясь нащупать, что же там дальше, и через некоторое время наткнулись на новое препятствие. Гробницу запирала высокая двустворчатая дверь из бронзы, до блеска отполированной движущимися песками. В отличие от каменных стен, дверь не была украшена ни резьбой, ни фигурным литьем. Лишь там и сям виднелись массивные ромбовидные шишкы. Ни ручек, ни петель не было заметно. Осгар велел принести молот и ударить им в дверь. Раздался низкий гул сродни колокольному, и стало ясно, что металл был прочен и толст.

– Послушайте-ка! Вы слышите? – перекрикивая завывания ветра, подал голос Исараб. – Удары отдаются внутри!.. Эхо гуляет глубоко под землей!

Все стоявшие вокруг согласно кивнули. Действительно, дверь звучала словно гонг. Удары медленно затихали в обширном пустом пространстве.

Осгар позвал еще двоих, и они притащили кожаный мешок с инструментом. Двое мускулистых парней с внешностью законченных взломщиков опустились на колени возле порога и попытались разделить створки дверей, вбивая между ними зубила и клинья. Действовали они очень умело, и вскоре один из них с торжеством оглянулся на Осгара:

– Сейчас откроется! Я слышал, как внутри лопнул запор!..

Все подались вперед и сгрудились перед дверью. Даже Зефрити

несколько оправилась от потрясения, вызванного гибелью несчастного юнца, и с любопытством таращила глаза. Вновь проснувшийся азарт искательницы сокровищ заставил ее шагнуть вперед вместе со всеми, но тут Осгар крепко ухватил ее за плечо и оттащил назад. Это движение не укрылось от Конана. Киммериец оглянулся на Исаиаба: тот неподвижно стоял рядом с ним и смотрел на вход в гробницу.

Внезапно раздавшиеся испуганные вопли и мощный треск заставили Конана вновь обернуться к двери мастабы. Он почувствовал, как под ногами содрогнулся песок, а в ноздри ударила волна отвратительного смрада (которую, по счастью, тотчас же уволок ветер). Конан увидел, как высоченные бронзовые двери... внезапно завалились наружу, на двоих взломщиков, и расплющили обоих в лепешку. За дверями разверзся темный провал.

Тут до варвара дошло, что на самом деле дверь представляла собой металлический монолит. Щель посередине была ловушкой, содержащей какой-то потайной запор. Этот запор сработал от прикосновения зубила. А весу в бронзовой плите было более чем достаточно, чтобы насмерть пришибить несчастных, вздумавших с нею возиться.

Едва стихли стоны и хруст, как раздалось громыхание металлических звеньев и скрежет камня о камень: внутри гробницы заработал какой-то чудовищный механизм. Натянулись бронзовые цепи, прикрепленные к верхним углам упавшей плиты, и потянули ее вверх. Входной проем начал закрываться. Зато стали видны тела двоих взломщиков, превращенные в кровавую кашу.

Исаиаб с криком метнулся вперед и вскочил на поднимавшуюся плиту. Схватив зубило, он всунул его в одно из звеньев цепи, уже исчезавшее в отверстии каменной притолоки. Осгар взревел и прыгнул следом за ним, чтобы заклинить другую цепь рукоятками клещей.

Двою мужчин сделали свое дело и успели отпрыгнуть прочь. Скрежет внутри гробницы продолжался еще несколько мгновений, медленно, натужно, после чего обе цепи не выдержали и лопнули – и громадная дверь снова ухнула вниз, во второй раз сплюшив свои уже бездыханные жертвы. Внутри мастабы что-то с грохотом рухнуло, – вероятно, это свалились тяжелые противовесы.

Несколько оробевшие могильные воры постояли перед входом, ожидая, что еще произойдет. Потом Осгар выступил вперед, показывая в ухмылке золотой зуб.

– Путь открыт! – сказал он. И с торжеством указал на каменные ступени, уводившие внутрь погребения и пропадавшие в темноте.

Спутники ванира разразились криками восторга. Их товарищи, погубленные дверью-ловушкой, были забыты. Вся орава устремилась ко входу, прыгая от радости и восторженно хлопая по плечам своих предводителей. Зефрити откинула капюшон, повисла на шее у любовника и крепко расцеловала его, не обращая внимания на порывы завывающего ветра.

– Факелы!.. Несите факелы и веревки! – прокричал Осгар. – Да и спрячемся от растреклятого ветра!

Один из шемитских наемников, немногословный юноша, друг погибшего от скорпионых укусов, встревоженно прокричал на ухо Осгару:

– Может быть, сначала обустроим лагерь, господин? – И посмотрел в потемневшее небо, непроглядное от песка. – Мы долго трудились сегодня, скоро ночь...

Осгар наградил юношу испепеляющим взглядом и указал рукой на зияющее отверстие входа:

– Глупец! Какая разница там, внутри, день или ночь наверху? – И он хрюкло расхохотался, отчего светлая борода ощетинилась. – В подземельях всегда царит ночь!

Остальные поддержали Осара дружным хохотом. Конан заметил, как покраснели уши у парня.

Члены шайки перекусили на скорую руку и приготовились спуститься внутрь. Под руководством Исаиаба все они вооружились, – правда, не мечами, а ломами, крючьями и молотками. Конан взял себе ломик длиной в руку и повесил на плечо моток крепкой веревки. Парни зажигали факелы и совали за пояс запасные. Старого зуагира оставили присматривать за верблюдами, сгрудившимися за маstabой, – погребение давало хоть и скучное, но все же укрытие от ветра.

Зефрити бегом принесла охапку кожаных мешков. Она сбросила широкий плащ, и шелковая рубашка с облегающими штанишками отнюдь не скрывали роскошной фигуры.

– Это для сокровищ, которые мы найдем внизу! – сказала она. – Возьмите мешки, и мы доверху набьем их богатствами мертвых!

Она обошла всех, каждому вручая мешки и улыбаясь мужчинам. Губы у нее были влажные, глаза так и сверкали. Теперь, когда у нее на голове больше не было капюшона, Конан смог по достоинству оценить точеный нос и нежный подбородок – черты, соответствовавшие классическим канонам стигийской красоты.

Осгар сурово следил за тем, чтобы искатели сокровищ выстроились цепочкой. Юноша, над которым недавно смеялись, заполучил плюющийся

факел. Ему явно хотелось оправдаться, и он встал самым первым. Конан неодобрительно посмотрел на Осгара, но ванир ничего не сказал парню. Следом за факелоносцем встал какой-то уличный головорез, третьим – северянин по имени Фило. Дальше двигались Исараб и Конан, а за ними – остальные шемиты и Осгар с Зефрити.

Внутри мастабы не оказалось обширных чертогов – сплошной камень и только узкая и очень крутая лестница, уводившая вниз. Потолок был высокий, но ширина – едва разойтись двоим. Повсюду лежал неведомо как проникший песок, на котором недолго было и поскользнуться. К тому же ступени под слоем песка были еще и основательно стерты, края их предательски круглились...

– Наверное, здесь столетиями ходили туда-сюда священники и молящиеся, – шепнул Конан Исарабу. – Чего доброго, спустимся, а там – огромный подземный храм!

Шемит только проворчал что-то в ответ, не оглядываясь.

Конан спускался медленно, на всякий случай упираясь обеими руками в противоположные стены и стараясь смотреть не на факелы, покачивающиеся на уровне глаз, а на ступени, скрытые в потемках.

Могильные воры спускались все глубже, и в какой-то момент циклопическую кладку мастабы сменил грязно-зеленоватый камень скального основания, прорубленный и безупречно выглаженный неведомыми мастерами. Потолок оставался все таким же высоким, – несомненно, ради проветривания, но чуткий нюх Конана по-прежнему улавливал затхлый дух древней гробницы. Завывания пустынного ветра превратились в невнятный шепот, раздававшийся далеко над головой. Песок на ступеньках сменился пылью, осевшей за века. Однако сами ступени остались прежними – коварными и крутыми.

Потом спереди долетело громкое восклицание.

– Ступени кончились! – крикнул юноша, шедший первым. – И тут картинки по стенам нарисованы!

Тут и Конан добрался до места, где ступени сменились ровным каменным полом, – впрочем, опять-таки с уклоном дальше вниз. Стены здесь были выбелены гипсом и в самом деле сплошь разрисованы. Кое-где сквозь пыль веков еще просвечивали яркие краски.

Назвать эти «картинки» фресками было нельзя. Скорее, это было письмо, но не рунические письмена, которыми пользовались хайборийские народы, а пиктограммы – достояние более древних цивилизаций Стигии и Кхитая. По стенам ряд за рядом тянулись великолепно раскрашенные фигурки, обладавшие человеческими,

звериными и иными узнаваемыми чертами. Вот только позы их показались Конану уж очень застывшими и донельзя стилизованными. Еще он понял, что на трезвую голову разобрать написанное было решительно невозможно.

Потом ему бросилась в глаза одна особенность, навеявшая жутковатое чувство. Задержавшись возле одной из «картинок», еще не обвалившейся на пол, он присмотрелся к ней в неверном колеблющемся свете. Человекообразные существа, используемые как иероглифы, стояли на двух ногах, носили одежду и держали в руках инструменты. Но у всех без исключения была зеленая кожа и длинные морды наподобие крокодильих! Художник запечатлел эти существа во вполне человеческих позах и положениях. Они повторялись снова и снова. Но Конан тщетно обшаривал стену глазами в поисках хоть кого-нибудь, действительно похожего на человека...

Исайаб оглянулся на него и сказал:

— Люди, построившие эту гробницу, наверное, вели свой род из каких-нибудь болотистых краев. Похоже, они поклонялись крокодилу и считали его своим прародителем, да и себя самих вон как изображали! — Он обращался вроде бы только к Конану, но говорил достаточно громко, так, чтобы услышали все. — И вообще, может, их религия запрещала изображать человека. Откуда нам знать!

Сзади, повелительно раскатившись по тоннелю, долетел мощный голос Осгара:

— Вы там, ну-ка двигайтесь поживее! Пошевеливайтесь! Мы пришли сюда за богатством, а не картинки по стенам разглядывать!

Понукание ванира сделало свое дело, — отряд быстрее пошел вперед и вниз, не увлекаясь более изучением древних письмен. Но Конан все-таки заметил, что в некоторых местах столбцы текста сменялись настоящими рисунками, видимо игравшими роль иллюстраций. Все те же символические крокодилы обрабатывали землю, строили города, спускали на воду корабли, рыли глубокие колодцы... и возводили усыпальницы для своих мертвых.

Конана все больше беспокоила эта крокодиломания, но он заставил себя двигаться вперед вместе со всеми. Боязнь сверхъестественного была у него в крови, однако судьба, как видно, судила ему все время сталкиваться с потусторонними силами и колдовством. Вот и теперь ему волей-неволей пришлось связаться с бандой гробокопателей-самоучек. Что поделаешь, — приходилось загонять подальше страхи, унаследованные от предков, и надеяться, что дурацкое предприятие завершится успешно...

Впереди вдруг что-то произошло, и сразу стало меньше света. Факел, двигавшийся первым, вдруг словно нырнул куда-то и скрылся из виду, а его носитель издал тонкий, дрожащий крик. Один из шедших непосредственно перед Конаном – а именно, крючконосый кофит по имени Фило – протиснулся мимо молодого варвара и в ужасе кинулся по коридору назад.

Конан, наоборот, заглянул вперед, пытаясь рассмотреть через плечо Исараба, что там стряслось. Оказывается, факелоносец наступил на каменную плиту-ловушку – и она опрокинулась под его тяжестью. А теперь с глухим скрежетом вновь стала на место.

Почти сразу же откуда-то снизу, из невидимого колодца под полом коридора, долетел уже знакомый скрежет трущихся друг о друга камней. Только на сей раз к ним прибавились страшные крики провалившегося человека. Достигнув последней степени ужаса, крики резко оборвались. А потом прекратился и скрежет.

Шедшие последними оправились от потрясения и стали спрашивать, что произошло впереди. При этом они отступали назад, не желая подвергаться опасности. Осгар яростно ругался, стараясь предотвратить панику. Оглянувшись, Конан увидел, что гнев ванира был в основном направлен на труса Фило. Осгар держал кофита за шкирку, заставляя снова занять место в строю.

Тем временем шемит, оказавшийся в голове колонны, повернулся к Исарабу.

– Я видел, как он провалился, – сказал парень. – Люк не слишком велик. – Парень передернул плечами с напускным безразличием, хотя при свете факелов его лицо так и блестело от пота. – Я неплохой прыгун и, уж конечно, не трус! Я запросто перескочу на ту сторону!

Исараб смерил шемита глазами, потом коротко кивнул. Юный вор без лишних слов вручил ему свой факел и стащил долгополый бурнус, оставшись в одних штанах и длинной рубахе. Остальным пришлось отступить назад по тоннелю, чтобы дать ему простор для разбега.

Прыгун сжал в зубах конец веревки, повернулся – и припустил во всю прыть.

Он с хорошим запасом перелетел участок пола, поглотивший его приятеля, приземлился с глухим шлепком и, торжествующе улыбаясь, оглянулся на спутников. В следующее мгновение пол под ним начал проваливаться. Юноша пытался ухватиться за каменный край, но ловкости ему не хватило, и он с воплем скрылся из глаз. Каменная плита с тяжелым стуком встала на место...

И вновь послышался скрежет, сопровождаемый жуткими воплями.

Конан и остальные отчаянно налегали на веревку, но вытянуть ее не удавалось. Когда крики утихли, веревка неожиданно подалась. Конец ее был измочален и перетерт.

Осгар протолкался вперед, вполголоса матерясь.

– Другие же здесь проходили! – принял уверяющий Исайаб. – Значит, должен быть какой-то способ обезопасить себя от ловушек!.. – Тут козлобородый шемит внезапно умолк и только смотрел на Конана, который как раз стаскивал свой обтрепанный бурнус.

– Что значит наш брат северянин!.. – радостно заорал Осгар. – Не думает приходить в отчаяние от пары мелких неудач!.. – И он одобрительно хлопнул Конана по плечу. – Спорим, что у киммерийца получится? А, Исайаб?..

– По-моему, он делает глупость, – пробормотал шемит.

Конан обвязался поперек тела веревкой и сунул под нее свой ломик. Потом прижался лопатками к одной стене коридора, а ногами уперся в другую. Подошвы сандалий заскрипели по раскрашенной штукатурке.

Расклинившись таким образом между стенами, киммериец дюйм за дюймом пополз боком, минута опрокидывающейся плиты. Сперва он переставлял ноги, потом, действуя локтями, ерзал спиной. Пока сохранялся нажим, упасть ему не грозило.

Когда он одолел первую плиту, сзади послышался одобрительный ропот. Жители равнин никогда еще не видали подобного приема.

Конану, с его-то ростом, было тесновато в узком тоннеле – он бы предпочел, чтобы коридор был немного шире. К тому же гипс то и дело обваливался из-под ног, того гляди поскользнешься. Перебираясь через вторую щель между каменными плитами, он почувствовал, что устал. Действительно, глупо было заниматься подобными штучками, не прияя в себя как следует после пытки жарой и жаждой в пустыне...

Он заторопился дальше, ибо двигаться вперед было не намного тяжелее, чем висеть на одном месте. Сухожилия под коленями казались ему раскаленными проволоками, ноги готовы были обмякнуть. Конан позволил себе взгляд вниз и пришел к выводу, что, наверное, уже преодолел двойную ловушку. Спустив вниз одну ногу, он осторожно поставил ее на пол. Пол выдержал. Тогда Конан осторожно встал на обе ноги. Исцарапанный, обессиленный, он смог только кивнуть в ответ на дружные вопли восторга, донесшиеся с той стороны.

Вновь обретя способность стоять на ногах, он перетащил к себе с помощью веревки достаточно деревяшек и клиньев, чтобы натянуть опорный канат. С другой стороны работа шла под наблюдением Исайаба.

Когда все было готово, отряд начал переправу. Люди шли по канату, натянутому над полом, придерживаясь за стены руками. Осгар уговаривал Зефрити остаться здесь и подождать их возвращения, но девушка отказалась. Она перебежала по канату куда легче и, конечно, намного грациозней любого из мужчин.

Когда переправили факелы, стало видно, что немного дальше коридор расширялся, превращаясь в галерею, обрамленную резными колоннами. Один из уцелевших шемитов, невысокий, мускулистый парнишка с золотым колечком, поблескивавшим в ухе, отправился было вперед на разведку, но Осгар отозвал его обратно, со всей строгостью напомнив, что впереди могли таиться ловушки еще похуже падающих плит.

– Нашел времечко предупреждать!.. – шепнул Конан Исарабу. – Помоему, он больше боится самодеятельного воровства, чем каких бы то ни было ловушек...

Исараб ответил красноречивым взглядом и занялся подтягиванием веревки.

Осгар держал всех при себе, пока не переправились последние, в том числе Фило – смущенный, прячущий глаза. Потом отряд двинулся дальше.

Теперь они шли медленно и были готовы к любым неожиданностям. Конан застал Исараба за разглядыванием последней по порядку настенной фрески. На этой картине строители усыпальницы расправлялись с пленниками, захваченными на войне. И расправлялись так, что тошно было смотреть. И самое скверное – палачами являлись все те же зеленые твари с мордами крокодилов. Зато жертвы, которых зеленокожие сжигали, рубили и сажали на кол, совершенно определенно были людьми. Настоящими людьми.

– По-видимому, – торопливо проходя мимо картины, тихо сказал Конан Исараб, – табу, воспрещавшее художникам изображать человека, распространялось только на их собственное племя. Наверное, с их точки зрения, представители иных народов были лишены священных звериных душ...

Чертог, в который они между тем вступили, поражал поистине величественными размерами. Вот только насчет богатств, за которыми они охотились, здесь было как-то не густо. По сторонам высился двойной ряд каменных колонн, высоких, округлых, массивных. Искусные камнерезы придали им вид лотосов с корнями, стеблями и листьями. Среди каменных «побегов» прятались змеи и птицы. Высокие сводчатые стены были ярко раскрашены и снабжены скобами для факелов. И ни тебе набитых золотом саркофагов, ни иных драгоценных принадлежностей погребений, могущих

заинтересовать вора! Только пыль и колеблющиеся стены колонн.

– По двое в каждый боковой придел! – распорядился Осгар. – Ищите потайные двери!

И сам начал расхаживать от одной стены к другой, осматривая каменную кладку пристальным взглядом знатока.

Конан с Исарабом остались посередине помещения. Зефрити держалась между ними и теми, кто двигался следом. Она шла легкой, изящной походкой танцовщицы, глаза горели от ужаса и восторга.

Все всматривались и вслушивались самым тщательным образом, но слышали только шорох собственных шагов да потрескивание факелов. Воздух в гробнице был прохладный и затхлый.

– Ага! В конце комнаты что-то есть! – наконец подал голос молодой шемит с кольцом в ухе. – Вижу дверь! А по сторонам ее – две коробки с мумиями!

Надо отдать юноше должное – он не бросился бегом рассматривать свою находку. Он остановился и начал подозрительно осматривать часть покоя, примыкавшую к двери.

Осгар вышел из-за колонны, поднял повыше свой факел и взгляделся в сумерки подземелья. Потом одобрительно хлопнул юношу по плечу.

– Молодец, Азрафель! – сказал он. – Похоже, наши сокровища нас все-таки дождались! Пошли, ты первым выберешь себе награду!

Столь щедрое обещание не заставило Азрафеля утратить душевное равновесие и не принудило его к спешке. Он двинулся вперед так, как считал нужным, – медленно и осторожно.

Подобравшись к дальней стене, они рассмотрели, что она в самом деле обрамляла громадную дверь вроде той, что осталась снаружи. По сторонам виднелись два длинных гроба, поставленных на попа. Эта дверь, как и внешняя, была из бронзы, но, в отличие от нее, изрядно потускнела и обросла зеленью. Особенно пострадали ее края в тех местах, где они соприкасались с каменным косяком. Ярь-мединка наросла здесь толстыми корками, припечатав камень к металлу.

Исараб толкнул Конана локтем в бок:

– По ту сторону, видно, есть сырость, иначе бронза так не сгнила бы!

– Да... – сказал Конан. – А эти гробы... Не нравятся они мне что-то!

Близнецы-саркофаги были серыми от пыли и плесени. Руки древних скульпторов придали им некоторое сходство с существами, чьи останки сохранялись внутри. И на людей эти существа были похожи не более, чем зеленокожие твари, изображенные на стенах. Достаточно было посмотреть на их удлиненные головы с продолговатыми выпуклостями, которые

вполне сошли бы за крокодильи морды, прижатые к груди усопших. При этом, если верить саркофагам, каждая мумия держала в руках дубинку и меч, скрестив их на животе...

Конан и Исараб были единственными, кого хоть как-то насторожил не вполне обычный облик древних гробов, сильно смахивавших на чудовищных стражей двери. Могильные воры торопливо потыкали пол перед саркофагами, не обнаружили в нем западни и с восторженными криками столпились перед дверью. Фило, позабывший все свои страхи, сбросил с плеч овчинную куртку и обмел ею мусор и пыль с одного из саркофагов. Его усилия были вознаграждены красноватым блеском листового золота и искристой радугой самоцветов. Грабители застонали от предвкушения. Еще через мгновение послышался сухой треск старинного дерева: вся орава вооружилась ломиками и принялась взламывать саркофаги.

– Сперва оттащите-ка их подальше от двери и положите на пол! – властно приказал Осгар. – Нам тоже нужен простор для работы!

Мужчины живо опрокинули гробы на пол и поволокли их прочь. Кое-кто, снедаемый нетерпением, на ходу оттирал золотой лист и выколупывал вделанные в дерево аметисты и бирюзу. Так жадные стервятники копошатся над падалью. Очень скоро взглядам предстали и сами мумии, обмотанные льняными повязками.

– Слишком много вас тут! – сказал Осгар. – Исараб, возьми киммерийца и Азрафеля и займись-ка с ними дверью. Главное богатство – за ней!

Говоря таким образом, Осгар одновременно орудовал ножом, умело вспарывая льняные саваны в определенных местах – на груди, на лбу и запястьях. Разрезав повязки, он сейчас же запускал под них свободную руку, извлекая кольца, амулеты и иные драгоценности, немедленно исчезавшие в его кожаном поясном кошеле. Зефрити стояла с ним рядом, взволнованно щебеча по-стигийски, когда ей казалось, будто он что-то пропустил.

– Ты только посмотри, какая чертовщина!.. – вырвалось у Конана, державшегося на всякий случай подальше от распотрошенного саркофага. – По-моему, маменька этой дерымовины в самом деле переспала с крокодилом!..

И он кивнул на огромную, странно уродливую голову, узнаваемую даже сквозь повязки.

– Уж очень ты впечатлительный, киммериец! – хохотнул Осгар. – В здешних местах, чтоб ты знал, жрецы по сию пору шивают вместе куски

звериных и человеческих тел. Выскажи только пожелание, и после твоей смерти они снабдят тебя головой собаки, когтями ястреба и... чреслами быка, дабы в мире мертвых ты ни в чем не знал недостатка!

Замечание Осгара вызвало жеребячий хохот со всех сторон. Зрелище алчных рук, роющихся в мертвых останках, вызывало у Конана все большее отвращение. Брезгливо отвернувшись, он присмотрелся к траченной временем двери. Исараб с Азрафелем уже осторожно ощупывали и выстукивали ее.

В конце концов они пришли к выводу, что, даже если она и была ловушкой для дураков вроде той, внешней, механизм западни скорее всего уже сгнил от сырости. Исараб решил, что вначале следовало счистить нарости по краю и попытаться снять дверь с петель. При этом они будут держаться с боков, чтобы в случае чего их не прихлопнуло.

— Хорошо, только скажи мне такую вещь, — кивнул Конан. — Допустим, механизм все же сработает, но она не рухнет плашмя, а распахнется в стороны? С силой пружин или там противовесов?..

Они обдумали это предположение и решили вначале заклинить низ двери стальными зубилами.

Вскоре они взялись за работу, и между каменными колоннами причудливым эхом раскатились скрежет и звон. Другие воры по одному покидали ограбленные саркофаги и присоединялись к ним. Даже Осгар принял участие и помахал молотом, продемонстрировав недюжинную силу. Правда, в основном он держался поодаль, давая указания факельщикам. По его словам, он следил, не пропустили ли они какой-нибудь потайной люк или иную готовую сработать ловушку. Зефрити сновала туда и сюда, то к Осгару, то к трудившимся возле стены. Она с восторгом следила за тем, как двигалось у них дело. Что касалось других, Конан подметил, что Фило тоже старался держаться в задних рядах. Кофит крепко держал мешочек с золотой фольгой и явно был готов при малейшем признаке тревоги дать деру.

Крепкие мужчины сменяли друг дружку возле двери, но все равно работа шла медленно. Под слоем коросты обнаружился металл почти столь же твердый, как и зеленовато-черный камень по сторонам. Через несколько часов непрерывного труда пол перед дверью был сплошь усеян обломками того и другого.

— А что, если внутренний покой затоплен? — спустя некоторое время спросил Азрафель. — Это, кстати, объясняет, почему дверь так попорчена. Может, мы вскроем ее — и потонем, как крысы!

Но Исараб, размеренно колотивший зубилом с другой стороны двери,

заявил, что как раз пробился нас kvозь и почувствовал холодный сквозняк. На этом разговоры об утоплении были оставлены, и работа длилась еще несколько часов.

– Хватит колупать! – сказал наконец Осгар. – Мы достаточно глубоко обкололи дверь, так что пара мужиков с ломиками должна легко ее высадить! – Он оглядел измученную шайку, и его взгляд остановился на Конане: – Держи лом, киммериец, это дело как раз для тебя! А как насчет...

– Насчет тебя, Осгар! – подхватив тяжелый лом, брошенный ему предводителем, с дерзким вызовом проговорил Конан. – Я-то не подкачуа, но только если по другую сторону будешь стоять ты!

– Что? Ну... то есть да, я же и говорю – тут надо начать двоим самым здоровым... – Впрочем, взгляд Осгара, устремленный на Конана, был прямо-таки кровожадным. – Отлично, киммериец! – сказал он. – Давай вместе! Разом!

Остальные разбежались в стороны, ожидая неизвестно чего. Двое мускулистых северян покрепче расставили ноги и запустили концы ломов в самые глубокие щели по обе стороны двери.

– Раз, два, три!.. – скомандовал Осгар, и они одновременно налегли изо всех сил.

И ничего не произошло.

Осгар вновь досчитал до трех, и вновь оба напрягли могучие мышцы, кривясь и ворча от натуги. И опять ничего. Только с верха двери посыпались зеленоватые хлопья.

– Мананнан!.. – вдруг выругался Конан. – Митра да спалит твоё никчемное сердце на костре из дьяловых костей!.. Шевелись, говорю!..

Наблюдатели так и подскочили от его рыка. Он же с удвоенной силой навалился на рукоятку лома, и Осгар, стоя по другую сторону, что было мочи налег на свой.

Раздался пронзительный скрежет металла, и две половинки дверей одновременно начали поддаваться. Тяжеловесно и медленно они накренились наружу, а потом обрушились на каменный пол с таким звоном и лязгом, что сделалось больно ушам. Восторженных воплей зрителей не слыхать было за этим звоном. Потом, когда смолкло эхо, прекратились и крики. Слишком удивительно было то, что предстало глазам людей.

За дверью плавал туман, подсвеченный зеленоватым сиянием. Источник бледного света находился далеко внизу и был скрыт от взглядов, но факелы сразу померкли. Туман, потревоженный ветерком, вызванным падением дверей, клубился над каменной террасой, обнесенной перилами. С террасы вела вниз широкая лестница, прятавшаяся в тумане.

Щупальца тумана вились, как живые. Потом, к изумлению людей, в зеленоватом облаке и вправду наметилось движение живых существ! Невнятные силуэты, покачиваясь, лезли вверх по ступенькам, и тени бежали перед ними в тумане! Неведомые существа издавали низкий, басовитый, все усилившийся рев.

Могильные воры почти мгновенно отозвались на этот рев криками изумления и испуга... Ибо снизу вверх по ступеням мчались ревущие демоны, те самые чудовища с головами крокодилов. Они возникали из светящейся бездны, точно разбуженные грохотом падающей двери, и в глазах их горела тысячелетняя ненависть. Достигнув площадки, они набросились на воров. Уродливые пасти жутко рычали, доисторические мечи и дубинки так и мелькали в руках.

Людям ничего не оставалось, кроме как приготовиться к бою. Чудовищ были тьмы и тьмы, и двигались они с потрясающей быстротой. Конан сразу узнал в них персонажей настенных фресок из коридора. Удар его лома угодил прямо по оскаленной морде рептилии. Противник киммерийца выронил меч и обхватил раздробленные челюсти когтистыми лапами, которые были почти подобны рукам. Конан воспользовался замешательством зеленокожего, чтобы присоединиться к торопливо удиравшим ворам.

Рев и вопли оглашали чертог. Конан видел, как свалился один из молодых шемитов. Зубастая пасть стиснула правую руку юноши с кинжалом, между тем как другой демон вонзил ему в незащищенный живот покрытый зеленью меч. Зефрити сбили с ног в толчее, одно из страшилищ тотчас ухватило ее за ногу и потащило себе в рот...

Конан вихрем налетел на крокодилоголового, могучим пинком отшвырнул тяжелую тушу к колонне и заставил монстра выронить девушки. Подхватив истерически визжащую стигийку, Конан отбросил ее далеко прочь. В это время Осгар, издавая боевой клич ваниров и размахивая ломом, вырвался из кольца нападавших и присоединился к своим.

У них не было никакой надежды не то что отбиться – даже и отступить в каком-то подобии порядка. Кое-кто совсем утратил оружие, к тому же организованному отступлению мешали колонны, – твари с мордами крокодилов то и дело высекали с боков. Отход сразу превратился в бегство. Конан бежал вместе со всеми, бежал во всю прыть, а позади раздавался рев монстров и крики погибших людей.

Отсветы подземного сияния скоро погасли у них за спиной. По счастью, кое-кто из беглецов сохранил при себе факелы, использовав их как оружие в неравном бою. Светя себе этими факелами, люди стремились

к выходу из подземелья. Ужас подгонял их, но преследователи не отставали. Когда могильные воры влетели в узкий коридор, теснота еще больше затруднила их бегство.

Конану и Осгару пришлось повернуться лицом к монстрам и снова принимать бой. Перед ними мелькали ощеренные крокодильи хари, слюнявые и трубящие, словно сигнальные рога на кораблях. Сперва зеленокожие яростно и безоглядно бросались вперед, но вскоре, наученные горьким опытом, стали уважать свистящие ломики двоих мужчин и Конанов кинжал, сверкавший в коротких, но весьма опустошительных выпадах. Когда наконец киммериец и ванир бросились в узкий тоннель следом за остальными, на полу корчилось и ревело несколько чудищ. Но тех, что перепрыгивали через упавших и бросались в погоню, было несчетное множество...

Скоро беглецы достигли еще одного узкого места – того, где над опрокидывающимися плитами был натянут канат. Азрафель светил, Исараб переправлялся, Зефрити с нетерпением ожидала своей очереди ступить на веревку. Конан повернулся к Осгару с немым вопросом в глазах. Кто первый?..

Мгновение они мерились взглядами, потом Осгар пихнул Конана вперед, а сам, повернувшись, сплющил ломиком крокодилью морду наседавшего монстра.

Конан вскочил на канат. По нему как раз шла Зефрити, но на сей раз легконогую танцовщицу невозможно было узнать. Конан запоздало сообразил, что чудовище, едва не слопавшее девчонку, должно быть, успело попортить ей ступню.

– Давай-ка перебежим побыстрее, – сказал киммериец, подбравшись сзади к стигийке. С этими словами он обхватил Зефрити поперек тела и живо оказался на той стороне. Соступив на пол, он, однако, выругался и без особых церемоний уронил девушку наземь. – Во имя пламени Сэта, какого...

Ему в ладонь впилось драгоценное ожерелье из серебряной проволоки. Оно потемнело от времени, но камни так и сверкали. Рассерженная стигийка выхватила у него добычу и засунула ее обратно под рубашку, туда же, где и прятала. Ухватилась за руку Азрафеля – и была такова.

Обернувшись, Конан при свете удалявшегося факела увидел Осгара, торопливо бежавшего по канату. Ванир прыжком слетел на пол и помчался по коридору, чуть не наступая киммерийцу на пятки. Увы, потомки строителей гробницы, как выяснилось, знали способ обезопасить себя от

подземных ловушек. Мгновением позже Конан увидел их у себя за спиной: монстры преспокойно бежали по каменным плитам, не обращая ни малейшего внимания на веревку...

Когда началась лестница, беглецам поневоле пришлось сгрудиться в кучку: лезть наверх было нисколько не проще, чем спускаться, только на сей раз у шедшего первым не было факела. Единственный источник света был у Азрафеля, и Конан разглядел головного. Он нисколько не удивился, узнав в нем Фило. Кофит проворно карабкался по ступенькам, несмотря даже на то, что мешок с золотом, перекинутый за спину, ему очень мешал.

Кроме Фило, уцелело всего пятеро охотников за сокровищами: Исараб, Азрафель с Зефрити, поспешавшие следом, Конан и сам Осгар, прикрывавший отход. Киммериец слышал, как ванир ругался в потемках и время от времени оборачивался, чтобы вмазать ломиком кому-нибудь из преследователей. А ведь совсем недавно их было более дюжины – молодых, сильных, храбрых, жадных до приключений и могильных богатств. И вот что осталось!..

Потом Фило издал взволнованный вопль, и Конан, вскинув глаза, сразу понял причину. Наверху появилось пятнышко бледно-голубого света: где-то там сияло открытое небо, и путь был свободен. Как видно, они провели в подземелье целую ночь; и вот теперь через порог вовнутрь гробницы вливался благословенный рассвет.

От этого зрелища перехватило дыхание, а за спиной точно выросли крылья. Неуклюжий кофит с удвоенной скоростью устремился вперед. Остальные вдохновенно помчались следом за ним и умудрились-таки на несколько шагов оторваться от трубящих преследователей.

Дверь впереди светилась все ярче, и Конан наконец сообразил, что дневной свет по крайней мере на время ослепит их, выскочивших из почти полного мрака. Прибавив шагу, он поравнялся с передними, а те, в свою очередь, настигли отягощенного золотом Фило. Все же у кофита сохранилось некоторое преимущество; опередив всех, вопя и задыхаясь, он первым вылетел через порог...

И неожиданно пропал в слепящем пятне мутного света, а его радостные крики превратились в затихающий вой.

– Погодите! Постойте!.. – заорал Конан, ловя за плечо Зефрити. Он отчаянно моргал и щурился: утренний свет, казалось, вжигался в самый мозг. Азрафель и Исараб уже замерли на пороге, превратившемся в крутой высокий уступ. Подбежав, Конан как мог защитил ладонью глаза и посмотрел вниз, не в силах поверить.

Пока они путешествовали под землей, ветер продолжал обметать с

могилы песок. И весьма в том преуспел. То, что они приняли за более-менее обычную мастьбу, оказалось всего лишь макушкой, самым верхним пятачком необозримо громадной ступенчатой пирамиды, во всем своем величии высившейся теперь над пустыней...

Далеко внизу прыгало с одной покатой титанической ступени на другую переломанное тело кофита. До отутюженных ветром песков было еще неблизко. Однако там, несколько сбоку, можно было разглядеть привязанных верблюдов. И кричащего, машущего рукой одноглазого Элохара.

Позади вовсю гремело оружие: Осгар давал бой первому из монстров, высунувшемуся с лестницы наверх.

— Сюда, девочка, — сказал Конан, хватая за руку Зефрити и увлекая ее в сторону от двери, по карнизу второго уровня пирамиды. Он заметил веревку, которую одноглазый зуагир позаботился привязать к одной из ухмыляющихся змеиных морд на углу мастьбы. Исайаб уже скользил по ней вниз, и Азрафель собирался последовать за ним. Когда Зефрити взялась за веревку, поврежденная ступня больше ей не мешала. Ловкая танцовщица проворно спускалась с одного уровня на другой без посторонней подмоги. Наконец макушка высокой песчаной дюны приняла всех четверых.

Через несколько мгновений к ним присоединился и Осгар. Ванир с такой поспешностью съехал вниз по веревке, что свалился прямо на своих сотоварищей.

Тут выяснилось, что спешка было совершенно излишней. Наверху пирамиды, там, где только что кишила сверхъестественная жизнь, не было больше заметно никакого движения. Лишь один звук еще гудел над пустыней, словно предостерегающий удар колокола. Это был звон тяжелой бронзовой двери, захлопнутой древними стражами подземелья...

Глава четвертая Равнинны изобилия

– А ты говорил, будто строители того места были обычными людьми, поклонявшимися болотным ящерицам! – сердито сказала Зефрити, поворачиваясь в седле и одаряя Исаиаба ядовитым взглядом. – Вот Конан, тот сразу догадался!.. Правда, Конан?

Киммериец ехал на некотором расстоянии от нее, но взор искусно подведенных глаз был подобен прикосновению, от которого у него ощутимо закололо всю кожу.

Зефрити вертела в кончиках пальцев кольцо. Когда она подняла его, показывая спутникам, они увидели большой розовый сердолик, вделанный в зеленоватое серебро. Перстень был выполнен в виде двух крокодилов, кусающих друг друга за хвосты.

– Невозможно заставить себя носить это кольцо, если знаешь его происхождение! – сказала Зефрити. Она повернула перстень, любуясь игрой солнечных лучей, и напоказ передернула изящными плечиками.

Конан ничего не сказал, но про себя подумал: *не так брезглива ты была, милочка, когда прятала добро под рубашкой.* Исаиаб же, ехавший рядом с Зефрити, с готовностью протянул руку:

– Если эта побрякушка так противна тебе, я с удовольствием ее у тебя...

– Нет, спасибо. – И стигийка сунула перстень обратно в поясной кошелек. – Наше предприятие и так оказалось не слишком доходным...

Это прозвучало как упрек Осгару, возглавлявшему остатки шайки. Однако предводитель промолчал и даже не повернул головы.

Все они теперь ехали на лошадях: и сам ванир, и остальные пятеро уцелевших, в том числе Азрафель и старый зуагир Элохар. Лошади гораздо лучше верблюдов подходили для путешествия по холмам и лугам западного Шема. Не было и нужды возить тяжелую поклажу: песчаная буря разметала большую часть первоначального груза.

Всадники ехали замечательным кедровым лесом. Прохладная тень могучих деревьев перемежалась с открытыми полянами, залитыми ослепительным солнечным светом. Вдоль дороги вился ручеек. Он журчал и искрился на солнце.

Когда пустыня осталась наконец позади, путешественники решили это

отметить. В первом же из западных оазисов они обнаружили шемитский постоянный двор и устроили себе праздник. Праздник заключался в том, что они объелись фруктами и жареными курами и упились вином. А потом отсыпались почти целые сутки.

Однако трудно без конца радоваться просто тому, что остался в живых. Теперь они задумывались о будущем, и на душе скребли кошки – у всех, за исключением Исараба. Этот последний весь день понемножку прикладывался к меху с вином и оттого пребывал в весьма приподнятом расположении духа.

– Б-быть может, добыли мы и нем-много, – заявил он. – Но и делить ведь не на многих приш-шлось! Как обычно, оп-пасности ремесла быстро отсеяли недостойных... и сильно подсократили наше ч-число...

Огар обернулся в седле и посмотрел на козлобородого так, словно хотел заткнуть ему рот. Но было поздно. Азрафель все слышал. И сделал выводы.

– Значит, – воскликнул юноша, – все так, как я и подозревал! Вы с самого начала знали, какие опасности подстерегали в могилах, и все-таки повели нас смерти в пасть, ни о чем не предупредив!..

Темноглазый молодой шемит пришпорил коня, потом сердито дернул поводья. Он обращался с яростными упреками то к Исарабу, то к Огару, и в лучах лесного солнца так и вспыхивала золотая серьга.

– Кое с кем из этих парней я с детства дружил! Это верно, многие были форменные балбесы... но уж не настолько, чтобы заслужить подобную смерть! И ради чего? Ради вашей жадности?..

Огар развернул коня, оказавшись с юношей лицом к лицу. Он представлял собой весьма внушительную фигуру – куртка с железными чешуями, клепаный шлем.

– Не тебе, сосунку, рассуждать о моей жадности! – рявкнул он. – Вспомни лучше о том, что я больше всех потерял! Моею доли наших так называемых сокровищ еле хватило на то, чтобы оплатить корм для верблюдов! – Ванир поставил коня поперек тропы и обвел свирепым взглядом всех своих спутников. – И тем не менее ты не можешь сказать, что я не выполнил договора! А если бы эта мастиба оказалась обычной могилой, ты бы сейчас радовался добытому богатству! И помалкивал!..

Его грозная внешность явно впечатлила юного шемита куда больше слов. Азрафель молча сидел в седле, рассматривая землю у копыт коня своего нанимателя.

Конан решил разрядить гнетущее напряжение и сказал:

– В общем, Огар, когда следующий раз выберешь могилу для

ограбления, сперва убедись, что ее обитатели в самом деле мертвы, а не просто прилегли отдохнуть.

Подвыпивший Исараб весело расхохотался. Осгар раздраженно глянул на Конана, но все-таки повернул коня и поехал вперед. Козлобородый шемит направил своего коня поближе к Конанову.

— В-все прав-вильно, — сказал он, тщетно пытаясь говорить шепотом. — И он, и дев-вонка понапихали кое-чего за пазуху, но это едва покроет убытки... — Он наклонился еще ближе и подмигнул Конану, обдав его винным духом. — Не уд-д-дивлюсь, если наш предводитель скоро задумает нов-вое путеш-шествие! Доходы от гостиницы нынче не так велики, да и риск он, как все северяне, в-весъма ув-важает...

— Я полагаю, — сказал Конан, — он без большого труда что-то придумает. Говорят, ваши шемитские города-государства оставили столько могил — копать, не перекопать!

— Это да, — важно согласился Исараб. — Чего-чего, а могил у нас хватает!.. — Сморгнул и поправился: — Хотя, к-конечно, не столько, сколько в Стигии, за рекой. Там больше выстроено д-домов для мертвых, чем для живых! Эти змеепоклонники на могилах просто свихнулись. Громоздят одну на другую и сносят целые города, чтобы дать место м-мертвым... Безобразие и только! — Тут он задумался на какое-то время, потом вздохнул: — Чего д-доброго, и у нас в Шеме то же устроят, если учение пророка Хораспеса и дальше будет распространяться... — Вор погладил бороду, словно пытаясь вспомнить, о чем только что шла речь. — Ах да! Так вот, могил у нас и точно не обобраться. Беда только, большинство из них... как бы это сказать... больно уж хорошо охраняется. То ли дело было раньше, грабь — не хочу! Теперь не то. Напридумывали законов...

— Ты хочешь сказать, — спросил Конан, — что народ помнит и любит своих прежних правителей?

— Ха!.. Нет, конечно! Все дело в жречестве... Оно могущественно. И бдительно следит за могилами. А тут еще этот Хораспес... Наслушались его и учредили особую могильную стражу! С ук-казанием резать уши и носы святотатцам и сажать их на колья... Во дела, а?

Конан поинтересовался:

— Что же это за Хораспее, от которого, как я посмотрю, вам, ворам, совсем не стало житья?

— Он-то? Да просто странствующий пророк. Плохо то, что его стали охотно слушать при дворах Шема. А он знай себе воспевает прелести потустороннего мира и заодно проповедует последние новшества в устройстве усыпальниц и бальзамировании трупов. Несколько лет назад

его пригрел царь Ибназаб, властитель моего родного города – Абеддраха. Наслушавшись пророка, царь взялся за возведение величайшей в Шеме монументальной могилы! Последнее время здоровье царя серьезно пошатнулось. Он гонит строительство вовсю, а Хораспес получает в городских делах все больше власти...

– Могилы... памятники... – брезгливо пробормотал Конан. – Кром! Что за чепуха! Никогда не пойму, что за радость воздвигать пустопорожние монументы собственному тщеславию. То ли дело в моей стране! Поставят столб, воткнут меч – и довольно!.. – Он пожал плечами, подумал и добавил: – Ну, может, украсят несколькими вражескими черепами...

– Эти гробницы-переростки – как прыщи на лице Шема! – вмешался ехавший поблизости Азрафель. Юноша еще хмурился после столкновения с Осгаром. – Они возведены потом и кровью крестьян, я уж молчу про то, что вместо них можно было построить что-нибудь гораздо более полезное! А то знай только душат налогами мелких землевладельцев!.. – Молодой шемит зло тряхнул головой, так что в мочке уха ярко вспыхнула серьга. – Вот и я из-за придури Ибназаба остался без наследства и заделался вором!.. А сколько еще таких!

Исайаб передернул плечами.

– Лично я, – сказал он, – не стал бы так уж огульно хаять эти, как ты изящно выразился, гробницы-переростки. Они дают работу и хлеб массе людей. Идут в оборот деньги, которые иначе валялись бы мертвым грузом в царской сокровищнице. А так они понемножечку оседают в самых разных карманах... В том числе и в наших, хе-хе... – Шемит лукаво улыбнулся Конану и подмигнул Азрафелю. – Однако цель, тут я согласен, пустопорожняя. Тащить с собой в могилу целую пропасть сокровищ, припасов, оружия... Живых слуг и наложниц! Не вдруг и поймешь, каким образом распространилась подобная мода... – Он задумался, накручивая бороду на палец. Потом сказал: – Стигийское влияние, надобно полагать. А Хораспес – вроде глашатая. Стигия, спору нет, страна большая и могущественная... хотя и не всеми любимая. С таким-то соседом за рекой... Ага! Смотрите! Вот как раз то, о чем я говорю.

Конан посмотрел туда, куда указывал вытянутый палец Исайаба. Дорога уже некоторое время вела под уклон, и вот деревья неожиданно расступились и с крутого каменистого склона холма открылся замечательный вид.

Перед путниками раскинулась долина великой реки Стикс. Болотистые желто-зеленые равнины тянулись на запад до самого горизонта, где голубая дымка, окутавшая даль, сливалась с облаками. По

левую руку, точно океан, раскинулась подернутая туманом грязно-зеленая гладь Последней Реки. За ней, далеко-далеко, поднимались из тумана граненые вершины полудюжины пирамид самых разных размеров. Конан знал, что это такое. Перед ним были видимые с громадного расстояния надгробия стигийских правителей. Древние символы еще более древней страны, простиравшейся от речного берега до призрачных джунглей Черных Королевств.

— Как видишь, киммериец, мощь и великолепие Стигийской державы все время у нас перед глазами, — вздохнул Исараб. — И все-таки мне как-то больше по душе наши, шемитские, просвещенные нравы... Да, кстати, — во он там Абеддрах, куда мы и направляемся.

Он вытянул руку вправо, туда, где местность повышалась, кладя естественную границу зеленым болотистым низменностям. В той стороне виднелась внушительная стена с башенками, а из-за нее торчали плотно притиснутые друг к другу белые купола. Собственно город казался удивительно компактным и как бы даже вытянутым вверх; от центра в разные стороны, точно спицы колеса, расходились беловатые улицы и сверкающие на солнце каналы. Вне стен, вдоль каналов, простирались обширные выселки, выстроенные как Бог на душу положит и ничем не защищенные от врага. Со стороны материка выселки выглядели очень прилично: добродетельные дома, широкие улицы, тянущиеся куда-то в холмы. Вот только с точки зрения обороны все это опять-таки никуда не годилось.

— Вон там, позади города, и находятся кладбища, — пояснил Исараб. — Ради нового замысла царя там снесли целые кварталы трущоб. Зато какой памятник будет!

Вдали действительно виднелся чудовищный котлован, лишь частично скрытый от взгляда городскими постройками.

— Какое великолепие, правда, Конан? — сияя, обратилась к подъехавшему киммерийцу Зефрити. Она даже спустилась с седла, чтобы вдосталь налюбоваться открывшейся панорамой. — Здесь даже красивее, чем на моей родной стороне реки. Да и народ не так страдает под властью жрецов, с их благочестием и высокомерием! — Тут она выразительно повела плечиком. — У нас в Стигии запрещены публичные танцы, так что меня, скорее всего, ждал бы сераль какого-нибудь богатея при власти. Здесь, в Шеме, куда больше свободы! В счастливой стране ты родился, Исараб!

— Мой покойный отец вряд ли согласился бы с этим, — сказал Азрафель. — Его утопили в оросительном канале. И за что? За то, что попробовал утаить немножко денег из несусветного налога, который

требовали с него Ибнизабовы сборщики податей! – Говоря так, юноша сохранял видимость спокойствия, только в голосе звенел гнев. – Нынче в Абеддраке вольготно живется одним благороднорожденным. Или хитрым, – добавил он, метнув прицельный взгляд в сторону Осгара.

– А по мне, парень, – примирительно проговорил Исараб, – нет такого уголка на свете, где правители не сидели бы у простого люда на шее. В этом смысле Абеддрах еще не худшее место...

– Я все же думаю, что этот город великолепен! – перебила Зефрити, привыкшая быть в центре внимания. – Где, спрашивается, у себя дома я нашла бы столько поклонников моего искусства? Да оно просто пропадало бы втуне! А здесь я живу не тужу у Осгара за спиной, и целая страна меня знает! Завтра же вечером, Конан, ты непременно увидишь, как я танцую! У меня и нога уже совсем прошла!

Стигийка сверкнула глазами и сделала шаг. Всего один коротенький шаг. Но при этом ее бедра совершили движение столь неописуемо волнующее, что мужчины замолкли, как по команде.

Даже Осгар, еще сидевший в седле, оторвался от созерцания чарующего пейзажа и посмотрел на свою еще более очаровательную возлюбленную.

– Зефрити, – сказал он, – зачем тащить человека туда, куда он, может, вовсе и не собирался? Конан, по-моему, совсем не думал путешествовать с нами на равнины. Или как, киммериец? – И он со значением повел глазами на собрата-северянина.

– Я в самом деле не отказался бы посмотреть эту часть страны, – проговорил Конан. – Места тут, кажется, неплохие. Красивые.

Исараб разразился жеребячим хохотом, но Осгар игнорировал его смех.

– Лучше расскажи, киммериец, как вышло, что ты блукал один по пустыне, помирая от жажды?

Конан пожал плечами:

– Я ехал в Офир... Я предполагал наняться на службу к тамошней королеве. Но ничего не получилось.

– Вот видишь, Осгар! Конечно, он поживет с нами в гостинице! – просияла Зефрити, проворно забираясь в седло серой в яблоках кобылицы. – В конце концов, он здорово держался в той крокодильей могиле!.. Как, впрочем, и мы все... – Она застенчиво покосилась на своего хозяина. – Может быть, он составит нам компанию и в следующем предприятии...

– Право же, не могу отказаться, – сказал Конан, глядя на Осгара

кристально честными и искренними глазами. – Да и кошелек надо пополнить, прежде чем путешествовать дальше... – Он направил коня вперед по дороге. – Хотя, сказать по правде, я предпочел бы держаться подальше от древних гробов и могильных проклятий...

– Хорошо сказано, киммериец! – похвалил Исараб. – Целиком и полностью присоединяюсь. Давайте переменим род деятельности и будем отныне честными ворами!.. – Он встряхнул бурдючок и поднес его к губам. – Жажда замучила! Столько болтал языком, что аж протрезвел!..

Огар ничего больше не сказал, и путешественники, налюбовавшись зреющим, двинулись дальше.

* * *

Дорога вновь углубилась в лес, но лес постепенно редел и вскоре уступил место садам, где выращивали финики и гранаты. Потом холмы сменились открытой равниной. Придорожный ручей влился в поблескивающую сеть оросительных каналов. Люди, работавшие в полях, черпали воду с помощью длинных «журавлей» с шарнирами из глины, прожаренной солнцем. Медленный, терпеливый скрип «журавлей» и журчание выливаемой воды служили монотонным аккомпанементом ритму конских копыт. Конан всей кожей ощущал влажную духоту, висевшую над равниной. Солнце беспощадно жгло ему затылок. Но благодаря этому же солнцу из тучной, хорошо политой земли охотно лезли ростки эммера и ячменя.

– Нижние поля еще не засеяны: разлив Стикса только-только начинается, – сообщил ему Исараб. – Скоро в городе будет не протолкнуться: набегут земледельцы, которых попросту смоет с участков. Надо полагать, разлив в этом году наделает дел! Царь Ибназаб торопится закончить свою гробницу, ни на что другое рабочих рук не хватает, и в результате многие каналы весьма опасным образом засорились. С другой стороны, иные из тех, кто лишился земли, получили работу на строительстве... Разлив – это время года, когда возведение гробницы движется быстрее всего!

Болтовня подвыпившего Исараба лилась непрерывным потоком, словно воды вечного Стикса. Выслушивать откровения приходилось в основном Конану. Зефрити судьба пощадила: Огар подозревал ее к себе и велел ехать рядом. Стигийка послушалась, но немедленно принялась дразнить своего господина. Это чувствовалось по его резкому тону и

жестам. Зефрити то и дело хихикала.

Еще немного подальше возделанные поля кончились. По обе стороны дороги раскинулись заросшие тростником плавни. Дамбы, если они там и были, либо смыла, либо покрыла вода. Стикс, вздувшийся от ливней в джунглях и от таяния снегов в далеких южных горах, с угрожающей силой надвигался на сушу. Скоро мощенная белым камнем дорога превратилась в невысокую насыпь, тянувшуюся через самое настоящее море. Вода отливалась желтым в лучах клонившегося к западу солнца. Дважды всадникам приходилось спешиваться и переправляться через широкие каналы. Лошади плыли сами, людей перевозили тростниковые лодки, управляемые смуглыми гребцами в набедренных повязках.

Потом они снова увидели перед собой Абеддрах. Шпили и бастионы зубчатым силуэтом громоздились на фоне пламенеющего западного горизонта. Слышно было, как ревели на зиккуратах трубы жрецов. Дым поднимался над жертвениками и очагами, окрашивая солнце в густой багрянец. Несмотря на вечерний час, прибавилось движения и по дороге, и по каналам. По дороге следовали бычий повозки, груженные мехами и фруктами, и окованные серебром колесницы, влекомые легконогими лошадьми. По каналам двигались баржи. Они везли кипы тростника и громадные камни, предназначенные для строительства.

Вскоре по сторонам дороги потянулись первые городские постройки. В основном это были глинобитные развалихи, а то и вовсе палатки из обдрызганных одеял, растянутые веревками по берегам каналов. Голые грязные дети задорно галдели, высказывая прямо из-под копыт лошадей. Их родители бродили по мелководью, пытаясь поймать угрей или раков на ужин. В нескольких шагах от людей дремали и грелись на вечернем солнышке здоровенные обленившиеся крокодилы.

При виде этих последних у Конана заурчало в животе, а перед мысленным взором пронеслись картины недавней схватки в подземелье.

И вот наконец неудачливые могильные воры достигли главных ворот города. Это было весьма впечатляющее сооружение с мощной укрепленной аркой, выложенной цветными плитками и причудливо подсвеченою факелами, разгонявшими сумерки. К немалому удивлению Конана, Осгар направил свой маленький отряд мимо ворот. Пришлось ограничиться лишь заманчивым зрелищем товаров, которые как раз осматривала таможня, да поглазеть издали на пеструю толпу, сновавшую туда и обратно.

Проехав некоторое расстояние вдоль стены, путешественники добрались до перекрестка.

– Вон тот северный тракт, – пояснил Конану Исараб, – ведет на Ирук и

далее в Хайборийские страны. А тот, что уходит на запад, тянется до самого Асгалана и упирается в море. Вдоль этих-то дорог и расположены великие города-государства Шема. Я отважился бы сравнить их с самоцветами, вставленными в ожерелье. Нигде больше в мире нет такой богатой торговли!

У дальнего от них угла перекрестка стояло обширное, приземистое строение из высушенного солнцем кирпича – наполовину укрепление, наполовину жилье. Ворота в обнесенный стенами двор стояли распахнутые, внутри было видно мерцание факелов и слышался гомон, в котором переплетались голоса людей и животных. Осгар первым въехал во двор и оглушительно проревел:

– Эй, слуги, проснитесь! Гости, навострите уши! Ваш хозяин приехал!..

Глава пятая

Танец Зефрити

В воздухе, напоенном ароматами постоянного двора, витала музыка. Рокот струн, звон цимбалов, густой дух жарящейся баранины, сладость медовых тянучек – от всего, вместе взятого, голова шла кругом. А если к тому же обоняние и слух постояльцев не были слишком притуплены неумеренным питием, они могли насладиться разговорами и серебряными колокольчиками женского смеха, не говоря уже о неисповедимой смеси благовоний, курений и дурманящего дымка, – смотря чем были заряжены курительные трубки и кальяны в темных уголках помещения.

Главная комната, объемистая и просторная, была разделена на небольшие альковы невысокими изящными арками, прикрепленными к колоннам, на которые опирался потолок. В альковах и вне их пол был разного уровня, но повсюду лежали подушки и стояли низенькие столики с едой и питьем. За столиками возлежали постояльцы и посетители. На потолках альковов поблескивала замысловатая мозаика. Она, впрочем, не могла равняться со звездным небом, которое служило единственной крышей многим гостям караван-сарай в эту знайную шемскую ночь. Двор украшали цветущие лозы, карабкающиеся по стенам, а посередине плескался фонтан.

– Вот уж не ожидал, что главарь вашей воровской шайки так богато живет, – за бокалом желтоватого пальмового вина сознался Исайабу Конан. Он сидел, скрестив ноги, в освещенном лампами алькове, и усталости от завершенной накануне дальней дороги не было и в помине. Великан-киммериец красовался во взятых поносить шелковых штанах и шелковой же безрукавке. Жесткую черную гриву покрывал неплотно намотанный полосатый тюрбан. Конан добавил: – Прямо царский пир задал нам твой ванир.

– Да, живет он не бедно. Здесь, в Абеддрахе, он почти вельможа... – Шемит кивком головы указал на светлобородого северянина: тот, раздетый и увешанный драгоценностями, стоял на пороге, принимая увенчанных тюрбанами гостей. – В его постоялом дворе, – продолжал Исайаб, – ты не встретишь каких-нибудь вечно ссорящихся паршивцев, что ездят по пустыням с западными караванами. Здесь селятся лишь богатейшие торговцы, те, что торгуют всякой роскошью. Иногда им

случается подзадержаться в дороге, и они прибывают к воротам, когда те уже заперты на ночь... – Исараб подмигнул киммерийцу. – Ну, мы-то с тобой понимаем, что каждому хочется немножко поторговать, обойдясь без никому не нужных заморочек с таможней...

– М-да, Осгар, конечно, умница, – проворчал Конан. Опустошив свой бокал, он потянулся к кувшину на столе. – Как добычу делить, он прямо сирота и вот-вот по миру пойдет под бременем общих расходов. И добыча-то ничтожная, и камни дешевые, и золото с примесью. А как продавать, так прямо произведениями искусства торгует.

– Да... – Исараб глубокомысленно поболтал в чаше остатки вина. – Абеддрах часто напоминает мне глубокий пруд из тех, что остаются, когда отступает разлив. Сверху блестит, как хрусталь, зато внизу – ил непроглядный. Чтобы свободно плавать в обоих слоях, надо быть рыбкой особой породы. Такой, например, как Осгар... – Исараб посмотрел на Конана и сказал: – Чужеземцам это иногда удается лучше, чем местным.

– Судя по всему, ваш город вообще mestечко небезынтересное, – протянул киммериец. Потом наклонился поближе к Исарабу и продолжал более доверительным тоном: – Я сегодня потолкался на рыночной площади... Я видел там бруски чистого золота по футу длиной. Целые горшки самоцветов. Глыбы нефрита, которые я, пожалуй, не поднял бы... Сколько богатств переходит из рук в руки, но все так охраняется, что лучше и не подходить! И повсюду только разговора, что о роскоши и сокровищах гробницы Ибнизаба...

– Верно, – кивнул шемит. – Царь нынче первый и самый выгодный покупатель всего, чем богат западный мир. Думаешь, почему Осгар так помешался на побрякушках? Потому самому. Царский гроб, как я слышал, должен быть из алебастра и белого золота. Все Ибнизабовы украшения и личные вещи – самоцвет на самоцвете, кто ж этого не знает! – будут зарыты с ним вместе, а потолок похоронного чертога выложат сверкающими камешками, повторив рисунок созвездий... – Исараб ткнул пальцем в небеса, горевшие алмазами над фонтаном.

– Да уж... – Конан задумчиво почесал подбородок. – При том, что все это можно было раздать беднякам, небось ни один бы не отказался. Вот так и задумаешься, а не многовато ли с собой в могилу одному человеку? Особенно если учесть, что его подданные бродят по улицам босиком, бездомные и босые...

Исараб с удивлением вскинул глаза:

– Уж не обманывают ли меня уши, дружище? Не от Азрафеля ли ты заразился его неистребимой ненавистью к богатеям и знати?..

Конан улыбнулся и потер широкий подбородок ладонью.

– Ну, не то чтобы прямо так уж... Просто, когда я давеча шлялся по городу, мне в голову пришла одна замечательная мысль. Что, если...

Договорить, однако, ему в тот раз не удалось. Все обернулись в противоположную сторону. Вздохи лютней и звон цимбалов сделались громче, и к ним добавилась тонкая, прихотливая мелодия свирели. Все глаза обратились в глубь галереи. Оттуда, из завешенного бусами прохода, возникла Зефрити. И начала свое представление.

Она танцевала танец ухаживания, принятый у зуагирских женщин. Но, в отличие от них, стигийка не обременяла себя множеством вуалей и платков. Украшений на ней было больше, чем ткани, и все это звенело, ерзало и колыхалось в такт музыке на ее гибком мускулистом теле, посрамляя самое понятие скромности. К тому же Зефрити была куда подвижней любой зуагирской девицы: она привыкла к простору, а не к тесноте шатра или коврику, расстеленному на рыночной площади. Отбивая проворный ритм ручными бубенцами, она вращала бедрами и изгибалась змеей, отчего колокольчики у нее на поясе звенели не переставая.

Танцуя, Зефрити двигалась вдоль альковов. За нею в некотором отдалении следовали музыканты и мальчики-слуги с особыми зеркальными лампами, ярко освещавшими танцовщицу. Гибко перешагивая через подушки и ноги гостей, стигийка шла вперед и вперед, приводя в восторг компанию за компанией каким-то особым дразнящим вывертом или немыслимым па.

Огар держался в тени, чуть позади девушки, хлопая под музыку в ладоши и кивая гостям с видом самодовольного собственника. Он одобрительно улыбался, глядя, как Зефрити завязывалась узлом перед толстомордыми купчинами, а те совали ей за поясок полновесные серебряные монеты. Конан заметил, что большую часть времени она танцевала именно перед такими клиентами, уделяя гораздо меньше времени путешественникам, закаленным настоящими трудностями. А той части комнаты, где сидели они с Исарабом, для нее и вовсе словно бы не существовало.

И вдруг все переменилось! Зефрити невесомыми прыжками пронеслась через двор, вскочила на бортик фонтана... и юркнула прымехонько в их с Исарабом альков. Исараб от неожиданности шарахнулся прочь, а стигийка перескочила через него и в мгновение ока взлетела на каменный столик. Шустрые босые ножки мигом расшвыряли с темного мрамора пустые чашки, хлебные корки и дынные огрызки. И вот она на миг замерла, точно антилопа, чуть задержавшаяся в стремительном

беге через лес.

Ей потребовалось некоторое время, чтобы музыканты уловили замедлившийся ритм ее бубенцов, но вскоре они поняли и последовали за ней. Танец Зефрити вступил в новую фазу – чувственную, томную, плавную. Неуловимо быстрые движения сменились струящимися, крадущимися. Она извивалась и приседала, не ведая о стыдливости, и все это было предназначено... лично Конану. Исаиабу время от времени доставалась зазывная улыбка через плечо. Взгляд Зефрити, скользивший по лицам музыкантов, мальчиков с лампами и столпившихся гостей, оставался безмятежным. Но движения – движения прицельно били в приросшего к месту киммерийца.

Под золотистой кожей гибких бедер напрягалась и переливалась каждая мышца, чудеса и прелести стройного тела искусно подчеркивались неторопливыми, выразительными пассами унизанных кольцами рук. От запястий до щиколоток волнами пробегала сладострастная дрожь, заставлявшая блестки трепетать, а колокольцы – звенеть. Искусство Зефрити не знало предела; каждое движение, каждый изгиб открывал глазу новые тайны великолепной плоти, блестевшей от пота в серебряном свете ламп, плоти нежной и сильной одновременно. Наконец, дюйм за дюймом, в тончайшем соответствии с пульсирующим ритмом, она опустилась на колени, вскинула руки с ярко-алыми накрашенными ногтями и выгнулась назад, застыв перед Конаном в униженной, но в то же время и приглашающей позе.

При виде такого дива толпа гостей, которых ее танец превратил в ораву вожделеющих самцов, разом вздохнула и загомонила. Кто-то вполголоса сочувствовал северному варвару, оказавшемуся совсем рядом с этим клубком живого, трепетного пламени, – сгореть не сгоришь, но уж точно взмокнешь от источаемого им жара!

Конан, у которого звенел каждый нерв в теле, понял, что надо было срочно что-то предпринимать. Он сунул руку в кошелек и вытащил первую попавшуюся деньги – тяжелый ромбовидный золотой местной абеддрахской чеканки. Зефрити между тем уже поднималась, выгибаясь дугой на согнутых, напряженных ногах. Конан протянул руку, чтобы засунуть монету за ее вышитый серебром поясок, но тут натянутый клочок пурпурного шелка вдруг выскользнул у него из-под пальцев. А в следующий миг упорхнула и сама танцовщица, только мелькнули изящные, чуточку запыленные пятки.

Вне алькова ее встретил восторженный рев мужских глоток и лес тянущихся рук. Одни совали ей монеты, другие пытались незаметно

дотронуться. Многоопытная Зефрити вертелась волчком, уходя от алчных прикосновений. Потом бросила на пол вуаль, и пожертвования градом посыпались на тонкую ткань.

Окончательно выручил девушку Осгар. Ваниру пришлось наподдать кое-кому вдетым в ножны кинжалом. При этом он громче всех выражал свой восторг. Укрывшись за его широкой спиной, танцовщица подхватила вуаль вместе с деньгами и исчезла; нитки бус, заменившие занавеску, при этом едва шелохнулись.

С ее уходом, как по команде, улегся и шум. Гости вернулись на свои места и принялись громко требовать еды и питья. Юные служанки засновали туда и сюда, одни – с подносами, другие – воплощать мечты, разбуженные танцем Зефрити. К несказанному изумлению Исараба, Конан мрачно отверг пополнования нескольких изящно полураздетых девиц.

Киммериец засунул свой золотой обратно в кошелек и сидел как в воду опущенный. Поразмыслив, Исараб счел за благо не упоминать о стигийке и попытался возобновить их с Конаном разговор с того места, на котором его столь неожиданно прервал танец Зефрити. Но варвару было явно не до того. Чем шумнее делался праздник, тем больше он ерзал и беспокоился. Наконец он залпом опорожнил свой бокал и поднялся, заявив, что пойдет немного проветриться. Исараб спросил его, куда и зачем, но он не пожелал объяснять.

Миновав битком набитый двор, Конан направился в комнату, в которой он жил вместе с другими Осгаровыми головорезами, чтобы забрать свой плащ. Проходя по коридору в тыльной части гостиницы, он услышал, как позади скрипнула дверь.

Он обернулся. Дверь была из простых крепких досок – ни тебе резьбы, ни роскоши, свойственной гостевым комнатам. Никого не было видно, но ноздрей киммерийца коснулся знакомый волнующий аромат.

Конан вернулся немного назад и заглянул в комнату. И конечно, обнаружил там Зефрити. Все еще в костюме танцовщицы, только без колокольчиков. Она стояла перед большим металлическим зеркалом, снимая драгоценности. Комната представляла собой спальню, но вся мебель в ней была сплошь завешана яркими, переливающимися нарядами для танцев.

– Значит, Конан, не насмотрелся на меня, пока я плясала? – не глядя на него, проговорила Зефрити. Наклонившись вперед, она вытаскивала из уха не желавшую отцепляться серьгу. – А уж как я старалась, прямо из кожи вон лезла. Что ты там стоишь? Входи. Закрой дверь и скорее расскажи, что ты думаешь о моем выступлении!

Помедлив немного, Конан переступил порог и прикрыл за собой дверь.

– На уровне, – сказал он. – Очень даже на уровне. А я много где бывал, от Зингары до Кхитая, и каких только любовных танцев не видел.

Зефрити сверкнула на него глазами, потом покосилась на монеты, сваленные кучками перед зеркалом среди баночек сурьмы и румян.

– Вот бы и объяснил это тем похотлившим козлам, – фыркнула стигийка. – Уж так стонали, прямо хрюкали, а как платить – кот наплакал!

Она выдвинула ящичек стола и смахнула в него деньги. Конан внимательно следил за ней.

– А ты уверена, девочка, – проговорил он, – что мне следует знать, где ты прячешь деньжата? Ты, между прочим, водишься с типами, которые не только мертвцевов без зазрения совести обкрадут...

Зефрити пожала плечами:

– Сегодня навар был не слишком богатый. По крайней мере, на такую сумму я тебе доверяю.

– Однако мой золотой ты почему-то отвергла, – оценивающе прищурился Конан. – Как-то даже на тебя не похоже...

Зефрити вновь повернулась к нему лицом. При этом ее бедра и плечи двигались совершенно независимо друг от друга, как бывает у танцовщиц.

– А на что мне твои деньги, Конан? – поинтересовалась она, подходя вплотную и кладя руки на его талию, перехваченную поясом с кинжалом. – На что мне твои деньги, когда я могу получить... все?

– Все?.. – туповато повторил он, не в силах оторвать взгляда от обращенного к нему девичьего лица.

Глаза, обведенные зелеными тенями, дышали зноем, губы цвета спелых ягод приоткрылись. Нежное, желанное тело почти прижималось к нему.

– Да, – сказала Зефрити. – Я могу получить все. И твои деньги, и твоё тело, и твою страсть... и всю твою необузданную варварскую дикость, стоит мне лишь пожелать!

Она еще чуть-чуть придвигнулась к нему, но по-прежнему не прикасаясь. Лишь теплые ладони лежали на его поясе.

Конан попытался сохранить твердость:

– Но как же тот, что кормит и защищает тебя? Ему-то как это понравится?

– Оггар? Фи!.. – Зефрити пренебрежительно тряхнула головой. – Оггар – мой работодатель, не более. Верно, он меня ценит... как полезную собственность и выгодное вложение. Но никаких обязательств у меня

перед ним нет!

И вновь она чуть-чуть придвинулась к Конану и наконец коснулась его, а одна ее рука поползла вверх по его плечу и груди – к лицу.

– У тебя и передо мной не окажется никаких обязательств, как только ты удовлетворишь свой каприз, – сказал киммериец и наклонил голову, убирая щеку из-под ее ладони. – Не нравится мне все это, Зефрити. Я никогда еще не уводил женщин у парней, поступавших со мной честно. Я не хочу уводить даже такую доступную и сочную девку, как ты. И даже у проходимца вроде Осгара. Хотя, – Кром знает! – может, этим я бы только услугу ему оказал...

– Ах ты ублюдок!.. – Изящная ручка Зефрити, только что ласкавшая его лицо, влепила ему звонкую пощечину. – Отказываешь мне, значит?.. Что ж, с виду ты здоров, а до дела дошло, так, видно, не мужик!..

Конану пришлось перехватить сперва одну руку Зефрити, потом и другую. Не то она своими ярко-алыми ноготками, пожалуй, выщипала бы ему глаза. Ее тренированное тело было удивительно сильным, и она рвалась изо всех сил, плюясь от ярости.

Бить ее ему не хотелось и, чтобы угомонить разошедшуюся стигийку, пришлось оторвать ее от пола. Она пустила в ход ноги и метила коленом ему в пах.

Яростная борьба продолжалась еще некоторое время. Потом... Конан даже не понял, как это произошло, но она, задыхающаяся, распаленная, вдруг оказалась у него в объятиях. Ее мелкие острые зубы покусывали его ухо, а сам он жадно зарылся лицом в ее душистые волосы. Его руки блуждали по ее телу. Зефрити ласкала его плечи и прижималась все крепче. Казалось, она вот-вот начнет карабкаться на него, точно играющая обезьянка на могучий баньян.

И тут за спиной у Конана вновь заскрипела дверь.

Он хотел оглянуться, но страстные объятия Зефрити помешали ему сделать это вовремя. Он еле успел отбросить девушку в сторону, и ему на голову обрушился удар тяжелого кулака. Удар был таков, что Конан пошатнулся и отскочил прочь, чтобы не упасть.

– Чтоб тебя разорвало, вероломный пес-киммериец!.. – взревел над ухом очень знакомый голос. – Все твое племя только на то и способно, что воровать женщин! Мои соплеменники, живущие в заснеженном Ванахайме, никогда этого не терпели! И я не потерплю!..

С этими словами Осгар ринулся вперед, на замешкавшегося врага, и принялся осыпать его ударами кулаков, локтей и коленей.

Ему удалось отшвырнуть Конана к стене, но тут его ждал сюрприз.

Киммериец отлетел от глиняных кирпичей, точно рычаг спущенной катапульты. Его кулаки, как два молота, впечатались в грудь и подбородок Осгара, живо вернув хозяина гостиницы на середину комнаты.

Ванир, впрочем, живо пришел в себя и нырнул под руку Конана, попытавшись взять того в борцовский захват. Конан вывернулся и влепил Осгару коленом. Но ванир был крепок, как скала. Киммериец никак не ожидал, что он все-таки вмажет светловолосой головой ему прямо в челюсть, отчего перед глазами так и заплясали разноцветные звездочки.

Двое мужчин сцепились посередине комнаты, рыча и покачиваясь, как танцующие медведи. Постепенно зрение Конана, затуманенное ударом, прояснилось. Он поддел Осгара ногой под колено, схватил за волосы и бросил через бедро. Пролетев вперед, ванир приземлился на угол кровати, на кучу расшитых блестками нарядов. Деревянное ложе подобного обращения не снесло и тут же развалилось. Осгар скатился на пол.

Он вскочил на ноги, нещадно ругаясь и размахивая обломанным кроватным столбиком, из которого во все стороны торчали длинные, острые щепки. Конан еле ушел от свистящего размаха и задумался было о кинжале на поясе... Но Осгар ведь не вытащил своего. Стыдно будет, если потасовка кончится кровью.

Раздумав выхватывать оружие, он попросту перехватил и импровизированную дубинку хозяина гостиницы, и обе его руки.

И получил в качестве благодарности весьма чувствительный удар ногой в живот.

Этот пинок отбросил его прямо на столик с косметическими принадлежностями Зефрити. Голова киммерийца звучно соприкоснулась с полированным зеркалом и оставила изрядную вмятину на блестящем металле. Баночки и бутылочки посыпались на пол. В комнате стало нечем дышать из-за благовоний.

Пытаясь подняться, Конан неожиданно осознал, что в сражение вмешался кто-то третий. Этот третий пронзительно верещал и дрался маленьками, но весьма настырными кулачками. До киммерийца постепенно дошло, что за дело взялась танцовщица.

– Хватит! – яростно кричала она. – Вон отсюда, остоловы, шуты гороховые! Это мои вещи! Мое достояние!..

Наподдав Конану, она перенесла свою ярость на Осгара, и светловолосому великану в свою очередь довелось испытать на себе удары ее кулачков.

– Пошел вон, толстопузая обезьяна! Пошел вон, говорю, пока все на свете у меня не переломал! И так одно разорение от тебя!.. Не нужен мне

ни один из вас, ни другой! Катитесь отсюда!..

Конан безропотно дал выпроводить себя за дверь. Его ненавистник уже ждал его там, приготовив сжатые кулаки.

– Да погоди же ты, ванир, – сказал киммериец, вскидывая руку, чтобы защититься от удара. – У меня к тебе деловое предложение... – Он говорил с некоторым трудом: мешала распухшая, пришибленная в драке губа. – Я не хочу калечить тебя, – продолжал Конан. – По крайней мере до тех пор, пока не помогу тебе разбогатеть!

– Какие еще предложения, киммериец? – зарычал Осгар. – Наденешь кружева и пойдешь крутить задницей на пару с Зефрити?..

Конан нетерпеливо мотнул головой.

– Делать тебе нечего, как только драться из-за стигийки! – сказал он, хмурясь и ощупывая языком больную губу. – С другой стороны, если будешь ей потакать, она тебе драться разучиться не даст... Ладно, хватит о ней, пока у нас с тобой дело до мечей не дошло! – Ванир все еще держал руки наготове для схватки, и Конан сказал: – Лучше послушай меня. То, что я хочу тебе предложить, вполне выполнимо. И весьма выгодно.

Какое-то время Осгар еще косился на него налитыми кровью глазами. Потом свирепый оскал сменился ухмылкой, от которой всторопщились золотистая борода и засверкал вставной зуб. Он захотел, как залаял:

– Значит, киммериец, мы с тобой снова друзья!

И шагнул прямо к нему, протягивая руку, чтобы хлопнуть его по плечу. Конан не без усилия поборол боевой инстинкт, дал ваниру приблизиться вплотную и крепко стиснул протянутую руку.

– Уф-ф! – сказал Осгар, потирая ободранные костяшки пальцев. Потом сунул руку в рот и осторожно пощупал расшатавшийся зуб. – Кажется, – сказал он, – скоро придется вставлять еще один золотой!.. – Посмотрев на киммерийца, он вновь разразился хриплым лающим смехом. Потом отодвинулся на расстояние, приличествовавшее деловой беседе. – Так что ты предлагаешь?

Конан обшарил взглядом коридор, посмотрел на захлопнутую дверь комнаты Зефрити и на перепоясанную передниками кухонную прислугу, столпившуюся поглазеть на сражение.

– То, что я скажу, предназначено только для твоих ушей, – заявил он. – Ну, может, возьмем в долю еще Исаиаба. И Азрафеля, если удастся найти парня.

– Отлично – Осгар повернулся и щелкнул пальцами, обращаясь к глазевшим работникам: – Приведите в мою комнату тех двоих, о ком он говорил!

Слуги бегом бросились исполнять поручение. Хозяин гостиницы жестом пригласил за собой Конана, и они вместе двинулись по коридору.

* * *

Комната Осгара оказалась обставлена без лишней роскоши, но очень удобно. Мебель в ней была из темного дерева с бронзой – в том числе и широкое ложе, застланное шелками. Возле него красовался туалетный столик, опять же заставленный вещицами, несомненно принадлежавшими Зефрити. Окон не было; вместо них служил люк в потолке, сквозь который вовнутрь проникал ночной ветерок. Осгар налил из лакированного кувшина пальмового вина и протянул Конану чашу. Тот взял ее и уселся на табурет возле стены.

Потом пришел Исайаб. Он держал в руке бокал и выглядел несколько хмельным, но вполне заинтересованным. Когда в дверь молча проскользнул Азрафель, Конан наконец заговорил.

– Здравствуй, дружище! – сказал он. – Закрой дверь поплотнее. – Он поднялся и очень серьезно оглядел всех собравшихся. – То, что я хочу предложить, с точки зрения профессионального вора есть нечто само собой разумеющееся. Это до смешного простой способ добыть баснословные богатства. Почему, спрашивается, вы без меня до него не додумались? Потому, что живете в этой стране и блудете ее обычай. Вы его просто не видите. Вы предпочитаете бродить по пустыне, преодолевая всяческие трудности, я уж молчу о том, что временами встречается в могилах, которые вы грабите. И в это самое время несметные сокровища упłyвают у вас прямо из-под носа!

– Ты хочешь предложить нам пошарить в гробницах жрецов и царей Абеддрака? – перебил Исайаб. Он оглянулся через плечо, проверяя, плотно ли закрыта дверь, и вновь обратился к Конану: – Даже и не думай! Я уже говорил тебе, что они слишком хорошо охраняются! И стражей, и заклинаниями...

– Нет, Исайаб. У меня на уме нечто гораздо более дерзкое... – Конан говорил спокойно и серьезно. – Мы ограбим могилу нынешнего правителя этого города. Я имею в виду гробницу царя Ибнизаба.

Темные глаза шемита округлились от изумления.

– Но... Но ведь она даже еще не построена! И царь пока еще жив!

Конан пожал плечами:

– Если верно то, что я слышал и от тебя, и на базаре, его кончина не за

горами. Каково, по-твоему, состояние Ибнизабова драгоценного здоровья?

Какое-то время Исаиаб молча смотрел на киммерийца, потом со вздохом развел руками.

— Я знаю, — сказал он, — только то, что бормочут над своими бокалами придворные, когда приходят сюда опорожнить кувшинчик. Так вот, они говорят, будто Нитокар, нынешняя царская супружница, потихоньку прикармливает Ибнизаба отравой. Она уже свела в могилу прежнюю царицу, а теперь занялась им самим. Но он так влюблен, что не желает замечать очевидного...

— Да хоть бы он так и сдох, ничего не заметив, — добавил Азрафель. — Ничего лучшего жадная скотина не заслужила.

— Что за чушь ты несешь, киммериец! — возмутился Осгар и даже вскочил с кресла. — Забудьте этот бред, слышите вы все? Мне, при моем шатком положении, не подобает даже говорить о таком безрассудстве! Мне, в отличие от вас, здесь, в Абеддраке, есть что терять! — Он подумал и добавил: — Даже если бы мы преуспели, поднялся бы такой хай...

— Совершенно не обязательно, — сказал Конан. — Не будет никакого хая, если мы, вместо шумного взлома, проделаем потайной ход и потихоньку натаскаем себе золотишко. Никто и не дознается!

После этих слов протесты Осгара стихли сами собой. Какое-то время он размышлял, напряженно сдвинув светлые брови. Потом сел обратно на свое место.

Исаиаб сидел, подперев рукой подбородок и тоже делая какие-то умозаключения. Они то вызывали у него улыбку, то заставляли хмуриться.

— Значит, — предположил он, — мы как-то ослабляем стену гробницы по ходу строительства, так, чтобы потом ее нетрудно было обворовать. Тоже риск будь здоров! Однако кладбищенская стража вряд ли сможет это предвидеть, а значит, и караулить не будет... — И шемит в восторге хлопнул себя по жилистому колену. — Во имя пояска Иштар, это куда проще, чем ломиться в уже законченную могилу! — Он подергал себя за бороду и добавил: — Правда, место строительства уже теперь бдительно стерегут от воров...

— А я — за! — пылко вскочил на ноги Азрафель. — Мы должны забрать обратно все то, что Ибнизаб похитил у честных людей! Таких, как мой убитый отец!

Конан терпеливо кивнул.

— Самое лучшее в моем плане, — сказал он, — это то, что он позволяет обойти и ловушки, и заклятия, которые наверняка наложат жрецы. Как я понимаю, наши действия даже и ограблением могилы-то назвать нельзя

будет. Опять же не придется связываться ни с привидениями, ни с кознями давно умерших...

Исайаб поднял бокал и торжественно обратился к Азрафелю:

– Этот Конан, он у нас такой чистоплюй. Нипочем не желает обдирать мертвые тела. За исключением тех, которые сам и порешил...

– Не в том дело! – тряхнул головой молодой северянин. – Просто не выношу заплесневелых древностей, вот и все. Как говорят у нас в Киммерии: «Духи мертвых подобны вину – чем старше, тем крепче...»

– Но с чего ты взял, что смухлевать на строительстве будет уж так просто? – скрипуче перебил Осгар. – Там, по-моему, даже камушка неправильно положить не удастся. И потом, стража может обнаружить плоды наших трудов. Вот тебе и ловушка!

– Верно, – опасливо косясь на дверь, кивнул Исайаб. – Попадаться нам совсем ни к чему. Кладбищенская стража чертовски хитра. А уж когда доходит до пыток...

Конан пожал плечами:

– Может, окажется не очень сложно подвести туда подземный ход. Бывает и так, что городская стена только сверху облицована впечатльными валунами, а внутри – щебенка и мусор. Глядишь, и Ибназабову усыпальницу так же строят. Между прочим, я сегодня же ночью хотел сходить посмотреть, что к чему, но меня... отвлекли. – Он погладил рану на затылке. – Наверное, нам стоило бы сходить с тобой вдвоем, Исайаб. Ты бы мне все показал и рассказал. Как устроена гробница, как ее защищают от грабителей...

– Сегодня ночью?.. Ты имеешь в виду – прямо сейчас?.. – спросил Исайаб.

Конан кивнул, и щемит на всякий случай повернулся к Осгару. Хозяин гостиницы смотрел в свою чашку, вертя ее в заросших светлым волосом лапах. Курносая физиономия отражала напряженную работу мысли. Потом он неожиданно вскинул глаза.

– А что? Почему бы нам всем не пойти?.. – Разбитые губы шевельнулись в улыбке, сверкнул золотой зуб. – И поторопимся, не то старик Ибназаб прежде нас в могилу поспеет!..

Глава шестая

Небольшая прогулка

Душная, жаркая шемская ночь тяжело нависла над пригородами Абеддраха. Она до некоторой степени напоминала Конану ночи в Стигии, ибо молодому киммерийцу довелось пережить немало мрачных часов в стране змеепоклонников, раскинувшейся по ту сторону реки. Однако той неподвижности и мертвотишины здесь все-таки не было. Не было и разлитого в воздухе страха, при всем том, что осквернители праха шли на довольно-таки опасное дело. Над головами возносилась душистая сень пальм, под ногами мирно хрюстели и перекатывались косточки фиников. Конану даже казалось, будто по сию сторону Стикса и звезды приветливее мерцали в бархатном небе, и цикады вместе с голосистыми лягушками заливались более гармоничным и слаженным хором.

Час был поздний, но жизнь повсюду так и била ключом. Отсветы масляных ламп проникали наружу из окон глинобитных построек, беспорядочно разбросанных вдоль дороги. С берега канала доносились голоса, звучавшие возле костров. Время от времени показывались и пешеходы, в основном земледельцы, согнанные с места разливом. Женщины глядели в землю и старались побыстрее шмыгнуть мимо, мужчины тащили на плечах длинные черпаки для воды – свое последнее достояние. Острый взгляд Конана отметил под окнами богатых домов приодетых вздохателей, распевавших своим избранницам негромкие серенады.

– Здесь, – сообщил ему Исараб, – живут мастеровые, разбогатевшие на строительстве усыпальницы.

– Шемитские девушки не очень-то жеманятся с мужчинами, – ухмыльнулся Конан: он заметил, как приоткрылась задняя дверь и бренчавший по струнам парень без промедления проник вовнутрь.

– Что есть, то есть! – кивнул Исараб. – По сравнению с иными из здешних девиц даже Зефрити сойдет за великую скромницу.

И он искоса взглянул на киммерийца, но тот пропустил его замечание мимо ушей. Он смотрел вперед, на Осгара с Азрафелем, – те шли как бы отдельно, чтобы не привлекать лишнего внимания.

– Мы, – сказал Конан, – наверное, уже подходим к усыпальницам.

Чтобы сделать такой вывод, сложных умозаключений не требовалось.

Впереди показались замысловато отделанные металлические ворота, перегораживавшие дорогу. Стена, в которой были укреплены их петли, не превышала человеческого роста, но казалось, что именно здесь и кончается царство живых. Дальше неподвижно громоздились высокие памятники. Они белели в свете луны, низко висевшей у восточного края небес. Конан присмотрелся, но не обнаружил не то что каких-либо признаков кладбищенской стражи, даже и привратника. Более того, у стены вольготно расположились несколько бездомных скитальцев, прислонивших к ней свои черпаки. – Ты прав, мы пришли, – сказал Исараб. – Эти бедолаги устроились здесь, чтобы завтра поутру просить работы на строительстве великой гробницы. А может, они хотят, чтобы их умерших родственников забальзамировали и положили в одном из ее уголков. Родственников – или их самих. Это высокая честь... – Говоря так, Исараб уже сворачивал на обочину, чтобы его никто не заметил. – Наблюдай, куда движется Осгар! Ага, вот так! А теперь за ним, только осторожно...

Следуя его указаниям, Конан углубился в высокие тростники у края дороги. Он высоко поднимал ноги, чтобы поменьше шуметь. Дно круто шло под уклон, и скоро он оказался по пояс в теплой воде.

– Держитесь все вместе, да поменьше плещитесь!.. – обернувшись к спутникам, раздраженно буркнул Осгар. Он первым обогнул стену; оказалось, она перегораживала только дорогу и кончалась в нескольких шагах от нее, в тростниках, которыми густо зарос канал.

Конан последовал за ним, осторожно ставя сандалии в липкую грязь и придерживаясь за мокрые, ослизлые кирпичи. В голову невольно лезли мысли о крокодилах, которыми, как он успел уяснить, здешние каналы просто кишели. Взгляд киммерийца настороженно обшаривал залитую лунным светом, подернутую рябью поверхность воды...

– Этот канал подводит прямо к Ибназабовой могиле, – шепнул из-за плеча Исараб. – Царь велел прорыть его нарочно для перевозки тяжелых каменных глыб. Но, увы, вода заполняет его только при весенних разливах...

– Если он так уж гонит гусей с этой своей могилой, – шепотом спросил Конан, – почему строители не работают посменно, ночью и днем?

Исараб ответил не сразу.

– Боятся оскорбить Бога Солнца – Эллаэля, – объяснил он наконец. – Согласно нашей вере, ночь нечиста, а посему работа вне дома возбраняется.

– Сдается мне, сам ты не очень-то придерживаешься этой веры, –

сказал Конан. – Ты ведь вон сколько лет... только по ночам и трудился!

Исайаб передернул плечами – то ли пренебрежительно отмахнулся, то ли содрогнулся от ужаса.

– Мало ли что приходится делать, но вера есть вера... Как бы то ни было, много опасностей таится в ночи, а уж вблизи могил – и подавно!

Конан что-то проворчал и дальше шел молча. Кладбищенская стена осталась у них за спиной, и тростники стали редеть. Осгар, низко пригнувшись, двинулся вдоль самого берега и жестом велел остальным делать то же. Вот он скрылся в потемках под деревянным мостом, пересекавшим канал. Конан уже изготовился нырнуть туда же, когда совсем близко послышался чей-то смех. Конан мигом оказался под мостом и втащил за собой Исайаба, и почти сразу же над головами по доскам простучали шаги. Только стражники ходят такой размеренной, невозмутимой походкой. Они остановились посередине моста, перекинулись со скуки несколькими словами, потом двинулись дальше.

– Кладбищенская стража!.. – прошипел Исайаб на ухо Конану.

Они ждали, замерев, пока шаги не стихли вдали. Потом Осгар пробормотал:

– Канал впереди перегорожен... Самое верное – пробираться через склепы.

За мостом сидела в маслянистой воде баржа, приткнувшаяся к берегу. С ее борта на сушу были протянуты сходни, на корме горела жаровня, от которой к небу поднимались завитки дыма. Обходить баржу было слишком рискованно, что с одной стороны, что с другой. Но бывалые осквернители праха так просто не отступались. Всего через несколько мгновений Конан вместе со всеми крадучись взобрался на топкий берег и перевалился через насыпь, тянувшуюся вдоль дороги. Они пересекли заросшее тростником мелководье и вновь выбрались на сушу в густой тени, которую отбрасывал в лунном свете какой-то мавзолей.

Оглядевшись, Конан убедился, что каменное строение было одним из многих сотен. Вверх по склону холма тянулись целые улицы украшенных скульптурами усыпальниц. Целый некрополь! Жутковатый пейзаж, смахивавший на городской. Только на улицах и перекрестках не было видно никакого движения, если не считать летучих мышей, с пронзительным писком носившихся туда-сюда в косых лунных лучах.

Иные надгробия были вырублены прямо в песчаниковых скалах. Другие, смахивавшие на башни и ступенчатые пирамиды, были сложены из каменных блоков. Кое-где на стенах скульпторами были намечены окна и даже плющ, вьющийся по подпоркам. Рядом с ними возвышались

небольшие холмики, снабженные дверьми с одной стороны. Вероятно, они служили входами в глубокие катакомбы. Угадать, хотя бы приблизительно, размеры города мертвых было решительно невозможно. Тесные дорожки для траурных процессий тянулись вдаль до самых предгорий, а иные так и вовсе пропадали в распадках.

— Значит, говориши, тут особо нечего грабить?.. — обозревая царство усопших и недоуменно качая головой, спросил Конан у Исаиаба. — Да тут одних богатеев не меньше тысячи похоронено!

— Все правильно, только охрана больно уж хороша, — буркнул Осгар. — Пригнись-ка лучше, пока тебя не заметили! — И он дернул Конана за руку, заставляя его убрать голову под свес крыши мавзолея. — Одна крупная кража вроде той, что ты предложил, может, и оправдается. Но возвращаться ночь за ночью ради грошовой добычи — чистой воды безумие. А теперь давайте-ка пошевелимся!..

Он вновь встал во главе и осторожно двинулся вперед между плотно придинутыми друг к дружке обиталищами мертвых. Яркий лунный свет, игравший на белом камне, порождал густейшую тень, в которой очень трудно было заметить крадущегося человека. Тем не менее предводитель шайки двигался мучительно медленно, оглядываясь у каждого угла на все четыре стороны. Если Конан что-нибудь понимал, ванир высматривал не только обыкновенных двуногих стражников из плоти и крови. Спустя некоторое время и киммериец начал разделять опасения такого же свойства. Ибо заметил краем глаза или ему показалось, что заметил, — бесшумные и таинственные движения среди могил...

Наконец, выждав немного возле оконечности канала, они пробрались еще дальше и оказались напротив огромной бесформенной груды камней посреди открытого поля. Издали незаконченную постройку можно было принять и за крепость, и за дворец. Повсюду виднелись деревянные леса для рабочих и земляные пандусы для подвоза тяжестей. Внутри этой скорлупы уже можно было различить высокие, почти отвесные стены из светлого камня. Конан не стал ни о чем спрашивать: и так было ясно, что перед ними высились недостроенная усыпальница Ибназаба.

Осгар обернулся к подельщикам:

— Ты, Исаиаб, стой на стреме. Отсюда хорошо просматривается весь котлован... — Потом ткнул пальцем в двух других: — А вы, прежде чем отправляться за мной, обождите, пока я скроюсь из виду.

— Я хочу, чтобы Исаиаб пошел с нами, — коротко проговорил Конан. — Если тебе так нужен кто-то на стреме, оставь парня.

— Если Исаиаб заметит неладное, — терпеливо объяснил Осгар, — он

закричит собой, и мы поймем, что настала пора прятаться. Азрафель, ты умеешь кричать собой так, чтобы никто не отличил?..

Юный шемит явно не был настолько уверен в своих талантах. Он отрицательно помотал головой.

– Вот видишь, – сказал Осгар. – Стало быть, Исараб остается. А теперь смотрите...

И ванир, не вдаваясь в дальнейшие обсуждения, внимательно осмотрел открытое место, после чего стрелой вылетел из укрытия. Плотная тень бегущего метнулась влево, потом вправо и слилась с глубокой темнотой возле стены. Когда Осгар скрылся под деревянным настилом, через площадку, двигаясь чуть менее искусно, перебежал Азрафель.

Настала очередь Конана... Киммериец на миг призадумался, но не потому, что боялся. Ему не хотелось признавать главенство светлобородого ванира. Но тем не менее он понимал – придется, если он хотел использовать людей Осгара и его связи. Что ж, все или ничего!.. Он кивнул Исарабу на прощание – и последовал за спутниками.

Он промчался между рядами обтесанных каменных блоков, то скрываясь в тени, то минуя полосы лунного света. Глыбы были громадные. Высотой они превосходили Конанов рост, и сказать, что они были неподъемно тяжелыми, значит, не сказать ничего. Некоторые были обтесаны лишь начерно и покрыты корками грязи; другие, лежавшие ближе к месту строительства, – тщательно обработаны и лоснились гладкими гранями. Приходилось смотреть под ноги и обходить кучи осколков: не ровен час, затарахтят под ногами.

Готовые блоки покоились на круглых катках, сделанных из бревен. С помощью этих катков их подтаскивали к стене. На некоторых камнях красовалась целая сбруя из канатов и кожи: поперечные жерди позволяли одновременно впрягаться четырем десяткам рабочих. Несомненно, наутро их в первую очередь потащат по земляным насыпям наверх и рычагами установят на место. Конану не раз приходилось слышать, какая это тяжелая и смертельно опасная работа – затачивать по узким насыпям тяжеленные глыбы...

Все это и много другого киммериец заметил, пока крался, как кот, через строительный двор. Еще немного – и он притаился рядом с Азрафелем в глубокой тени под деревянным навесом. Осгар уже лез наверх по лесам с восточной стороны усыпальницы. Когда подбежал Конан, ванир махнул рукой, приглашая присоединиться.

– Вряд ли они навели потолок в погребальном покое, – рассудил вожак шайки, когда они устроились рядом с ним на неструганых досках. – И уж

точно не снабдили его богатым убранством. Иначе стражи тут была бы тьма-тьмущая.

– Значит, мы удачно выбрали время, – решил Азрафель.

– Так-то оно так, – мрачно проворчал Осгар. – Только не возьму в толк, что мы станем делать с этими титаническими камнями. Будь нас сто человек, мы, может, и сумели бы выворотить хоть один!

И действительно, какая-либо попытка разрушить стены выглядела попросту невозможной. Осмотрев незавершенные стены, воры с огорчением убедились, что внутренность постройки заполнялась вовсе не мусором. Повсюду громоздились все те же ряды гигантских каменных глыб. Зодчие не соединяли их ни раствором, ни стержнями, которые можно было бы ослабить. Камни удерживались собственным весом и точно подогнанной формой.

Могильные воры живо добрались до самого верха стены. Им пришлось перелезть через один из пандусов; у его окончания торчали к звездному небу рычаги и подъемные устройства, а поблизости виднелся один из громадных каменных блоков. Он стоял там же, где его оставили на закате дня; строители только забили под катки деревянные клинья, чтобы глыба не съехала под уклон. Камень оставалось лишь немного сдвинуть вверх и вперед, и подъемные устройства смогут его зацепить.

Конан тихо крался вперед, силясь разобраться в мешанине теней. Уже можно было рассмотреть внутреннюю часть усыпальницы с ее коридорами, колодцами и переходами. Он прикрыл глаза ладонью от лунного света... и вдруг услышал громкое «Ш-ш-ш!» Осгара.

Конан шарахнулся в тень огромного камня. Мгновение спустя поодаль вновь раздалось шарканье ног и голоса, насторожившие главаря.

Киммериец огляделся, прячась в тени. Ни Осгара, ни Азрафеля не было видно. Может, прятались по другую сторону того же самого камня? Да какая разница! Даже если стражникам взбредет в голову подняться наверх и проторчать здесь весь остаток ночи, трое воров безо всякого труда соскользнут через край пандуса и затеряются в хитросплетении деревянных лесов...

Конан осторожно подобрался к углу каменной глыбы. В это время послышался деревянный стук, потом еще и еще. Конан обернулся и увидел, как полетели прочь какие-то деревяшки. Он узнал в них клинья, которыми были застопорены катки.

Почти сразу раздался низкий рокочущий скрежет, и монолит начал двигаться. Конан стоял прямо у него на пути. Он ощущил тяжелое содрогание камня, потом нижняя грань ткнулась ему в лодыжку и начала

придавливать. Глыба явно намеревалась расплющить его в лепешку!

Конан отлетел прочь мгновенным прыжком и оказался несколько ниже по склону, но монолит уже набирал скорость. Перекатившись, варвар вскочил на ноги – и тут же попятился прочь. Глыба неотвратимо надвигалась. Она грозила догнать его. И раздавить.

Клинья, наверное, выскочили все же не все: разогнавшись, камень стал разворачиваться боком. Отчаянным прыжком Конан миновал близкий угол, ободрав бок о твердую, как сталь, вертикальную грань. Камень заскользил мимо. Киммериец затанцевал во всю прыть, перескакивая через катки и пытаясь уберечь ноги.

Еще немного – и глыба съехала с катков, чтобы вспахать земляной накат пандуса и успокоиться посреди тучи поднятой пыли. Бревна, освободившиеся от попирающего их чудовищного веса, с громким треском запрыгали вниз. Конан, пригибаясь, нырнул под первые два. Третье шарахнуло его прямо в грудь, да так, что из легких вышибло воздух, а перед глазами расцвело багровое солнце. Он упал на колени, мучительно пытаясь вздохнуть. Когда наконец это ему удалось, воздух проник в горло пополам с каменной пылью.

Где-то совсем рядом взревела медная труба. Послышался быстро приближавшийся топот.

Подняться на ноги Конан не успел: какие-то люди в долгополых одеяниях уже хватали его за волосы и гнули за спину руки. Глаза ему запорошило, так что он едва-едва видел. Все же он уложил одного хорошим пинком, а другого боднул в живот головой. Но на помощь поверженным спешили еще и еще. В конце концов киммерийца просто смяли числом и долго били ногами.

Когда прекратились удары, он обнаружил, что валяется, задыхаясь, на земле лицом вниз, а руки крепко связаны сзади. Прозвучала команда, и его без церемоний перевернули на спину. Он сморгнул, разглядывая неясные тени, столпившиеся над ним на фоне луны.

– Ну и великан! – прозвучал голос. – Какой-то варвар с севера!

– Вы только посмотрите, что за погром учинил этот глупец!..

– Что ты здесь делал? – раздался еще один голос, принадлежавший кому-то, облеченному властью. И был этот кто-то, судя по произношению, из образованных. На человеке был темный плащ, а под плащом – только набедренная повязка с окованым медью ремнем. То есть примерно то же, что и у других кладбищенских стражников, стоявших вокруг. Лишь властный и уверенный вид, а также золотой обруч на лбу изобличали в нем офицера.

Когда он наклонился над Конаном, киммериец увидел на его лице морщины, какие появляются, если человек годами свирепо хмурится.

– Ты пришел один? – спросил он пленника. – Подумай хорошенько, прежде чем отвечать!

Конан молча смотрел в хмурые глаза офицера. Он прислушивался, не происходит ли где погоня, но не услышал ни криков, ни беготни. Лишь со стороны отдаленного канала доносился плеск. Должно быть, он означал, что Осгар с Азрафелем благополучно удрали.

Какой-то миг Конан боролся с искушением обратить на этот плеск внимание стражи. А может, вообще рассказать им все как есть и тем отплатить за предательство? Но нет, ведь Исараб был ни в чем не повинен. А может, и Азрафель, – мальчишка совсем еще юн, такого легко обвести вокруг пальца. Кто выбрал клинья? Разумеется, Осгар. Выбрал в расчете на то, что Конан будет либо раздавлен, либо попадет в плен. Что ж, с Осгаром он разберется позднее. Если только проживет еще сколько-нибудь долго...

Его мучители не заметили отзвуков, далекого бегства. Они снова принялись пинать киммерийца, вымогая признание.

– Во имя пояска Иштар! – наконец выругался кто-то. – Вонючий варвар, должно быть, по-шемитски не разумеет!

– Точно! Он, верно, из тех, кто является издалека, чтобы поработать на строительстве великой могилы!

– А с чего это такие, как он, воображают, будто достойны трудиться вместе с нами, шемитами?

– Тихо! – рявкнул офицер, свирепо обводя глазами своих подчиненных. – Слушай же ты, чужестранец! Знай, что тебе грозит немалая опасность, – не только телу, но и душе. Если ты хотел пробраться в лагерь рабочих и присоединиться к тем, кому платят, ты крупно ошибся. Ты совершил святотатство и за это предстанешь перед священным судом!

И он махнул рукой воинам, которые живо подхватили Конана и поставили его на ноги.

– Ну так что, северянин? Ничего не хочешь сказать? – снова обратился к нему офицер. Потом поднял руку и ухватил варвара за подбородок. – Отвечай, какая нелегкая тебя сюда принесла? Зачем тебе понадобилось скатывать камень? Ты знаешь, каких денег это стоит?.. Давай говори, и, может, этим ты спасешь себе жизнь!

Вместо ответа Конан опять попробовал вырваться. Теперь, когда он стоял во весь рост, большинство стражников были ему едва по плечо. Еще чуть-чуть, и он нырнул бы с откоса и уволок с собой несколько человек. Угомонить пленника удалось лишь с помощью длинных кривых кинжалов,

приставленных к телу.

— Хватит! — прозвучало распоряжение командира. — Он либо полудурок, либо немой! В стражницкую его!..

Кладбищенские охранники плотно окружили Конана и потащили его по пандусу вниз. Потом — через залитый лунным светом строительный двор к воротам, которых он раньше и не заметил. Они выходили на ближайшую к городу часть некрополя; сторожевые огни на городских укреплениях были отчетливо видны над гладью каналов, над крышами береговых развалюх.

Оставив четверых держать Конана за связанные руки и еще двоих — покалывать его кончиками кинжалов, носитель золотого обруча подошел к воротам. Конан слышал, как один из стражников совершенно будничным тоном спрашивал офицера:

— Еще один нарушитель?.. Как обычно, — на кол?..

— Нет! — недовольно, скрипучим голосом сказал офицер. — Хотя проходимец заслужил этого больше, чем кое-кто другой! Он северянин... довольно любопытный тип. Одно телосложение чего стоит! — Офицер кивнул в сторону пленника, и стражник окинул Конана оценивающим взглядом. — Пускай с ним при дворе позабавятся, может, придумают что поинтересней кола. А мы свое дело сделали!

Сделав пометку на вощеной дощечке, он отдал ее привратнику и возвратился. Щурясь на киммерийца в желтом факельном свете, привратник спросил удалявшегося офицера:

— Значит, держать его до утра?

— Не надо. Пускай сразу пришлют повозку... — И мрачный офицер добавил, покосившись на пленника: — Весьма сомневаюсь, что вы сумели бы продержать его у себя до рассвета!

Конан слушал их разговор, стоя молча, с каменным лицом. Кто-то из кладбищенских стражей у него за спиной подтянул путы на руках и пробормотал:

— Тыфу! Слишком легкая участь для подобного мерзавца! Я так привязал бы его к столбу посреди кладбища и оставил покойничкам на съедение!..

— Ничего, он свое всяко получит, — пробормотал другой. — Придворные игрища — это тебе не нашлепать и отпустить!

Глава седьмая

Абеддрахские вечера

Конана разбудили крики, раздававшиеся в подземелье, а потом скрежет и гулкое буханье дверей. Киммериец поднял веки. Лежать этой ночью ему не довелось: в тесном каземате удалось только сесть и прислониться к стене. Предутренние часы были мучительны. Тем не менее в какой-то момент Конан умудрился пристроить голову в выбоине камня и твердо решил заснуть. Какая бы судьба его ни ждала, силы еще пригодятся.

Найти мало-мальски удобную позу оказалось непросто. Ему не только не освободили рук, но еще и притянули связанные запястья кожаной петлей к шее. Так что попытка расслабить руки кончалась удушьем.

Однако киммерийца недаром закаляли многочисленные войны и путешествия. Он все-таки сумел урвать чуточку неглубокого сна. И вот теперь, судя по свету, проникавшему в крохотное окошечко с толстым железным прутом посередине, день клонился к вечеру. Конан проснулся, и вместе с пробуждением пришла боль. Побои, полученные ночью, не прошли для него даром. А уж сидеть, все время прижимая спиной скрученные руки, и вовсе было форменной пыткой. В иных местах Конан совсем не чувствовал собственного тела, а там, где чувствовал, оно ненадменно болело.

Когда заскрипела дверь его камеры, он попытался перевалиться вперед и хотя бы сесть на пятки, чтобы в случае чего быть готовым к немедленным действиям. Выяснилось, однако, что ни о каких немедленных действиях и речи быть не могло. Конан попросту упал на колени. Его шатало. Он чувствовал себя совсем беззащитным.

Сводчатый потолок был очень низок; даже если бы Конан сумел встать, он не смог бы выпрямиться. Дверь же и вовсе едва достигала половины его роста. Она со скрежетом приоткрылась, пожилой тюремщик привычно согнулся и проник внутрь.

– Твоя еда, раб! – сказал он, опуская возле двери два подноса. – По великодушному соизволению царя я принес тебе вино и окорок с высочайшего стола. Мне велено развязать тебе руки и проследить, чтобы ты наелся досыта. Только учти, без шуток! – И тюремщик подобрался к Конану, держа на отлете короткий блестящий клинок. – Когда поешь, тебе дадут вымыться и одеться, дабы ты достойно послужил Его Величеству!

Конан, пожалуй, сделал бы попытку грохнуть стражу и вырваться на свободу, но тот просто перерезал его путы и тотчас выкатился наружу. Пока пленник освобождался от веревок, дверь закрылась и снаружи лязгнул засов. К тому же пошевелить измученными руками оказалось очень непросто. Каждое движение порождало волну судорожной боли. Когда суставы начали более-менее нормально сгибаться и разгибаться, Конан подполз к двери и занялся едой.

Хваленый окорок с царского стола, как ему вскоре пришлось убедиться, достиг тюремного подземелья отнюдь не в полной сохранности. Верно, баранина была неплохо приготовлена и разделана... но после этого в нее явно запускали зубы все, кому было не лень, — от поваров до последнего конюха. Конану пришлось немало потрудиться, обгрызая жалкие остатки жира и хрящей, а потом — высасывая застывший мозг. Пустую кость он взвесил на руке, соображая, не оставить ли ее в качестве оружия. Для дубинки она была слишком тонкой и легкой, для кинжала — недостаточно острой. Конан отшвырнул кость. Короткое движение вызвало такую боль в плече, что пришлось опять его растирать.

Еще на подносе обнаружился грязный кусок черствого хлеба и глиняная кружка вина. Это последнее представляло собой пакостную смесь отстоев самого разного свойства. В мерзкой кислятине густо плавали хлопья.

На другом подносе стояла деревянная чаша с надущенной первоцветом водой для умывания и лежала свернутая одежда. Конан с сомнением понюхал воду и счел ее достаточно чистой для мытья, но слишком загаженной духами для того, чтобы ее пить. Он принял умываться и отскребать с себя грязь со всей тщательностью, какую позволяла тесная каморка. Его собственная одежда была изорвана в драке и перепачкана тюремной грязью. Он скинул ее и натянул новую — накидку без рукавов, скроенную из зеленого шелка, и красный кушак из хлопкового полотна.

Конану одеяние не понравилось — уж очень веселенькое и легкомысленное. Однако делать было нечего, и киммериец только пожал плечами. Скоро узнаем, в какую игру они тут играют. Вне всякого сомнения, впереди его ждали опасные испытания. Умом Конан это понимал, но особого беспокойства не испытывал. Его больше волновало, удастся ли удратить! На воле у него оставались кое-какие недоделанные дела, — в частности, возвратиться в Осгарову халупу, поймать мерзавца и башку ему раскроить за предательство. Ведь это Осгар так хитроумно сдал его кладбищенской страже!..

При мысли об этом Конан сжал кулак и гулко треснул им по ладони, не обращая внимания на боль в помятых запястьях.

В скором времени по ту сторону двери опять началась какая-то возня. Потом дверь отворилась.

– Ну вот и чудненько!.. – проквакал дряхлый тюремщик. – Наш гость сыт и принаряжен, как велит благородный шемитский закон. Значит, наш гость готов принять участие в дворцовых игрищах. Именем царя, выходи, ты!..

Конан выскочил наружу гораздо проворнее, чем того хотелось бы тюремщику. Но быстрота киммерийца пропала втуне: старик уже укрылся за спинами двоих могучих стражей в посеребренной броне. Плечи здоровенных молодцов почти перегораживали коридор. Один был чернокожим из Куша, другой – курчавобородым шемитом. Они нацелили на Конана короткие копья и, покалывая ими, погнали пленника перед собой. Так быка гонят на бойню.

Босоногий варвар шел молча и только сутулился, чтобы не чиркать по потолку головой. Коридор явно не был рассчитан на могучий рост северных уроженцев. Маленькая процесия добралась до крутой винтовой лестницы, где ждало еще двое охранников, и Конан без пререканий зашагал наверх по ступенькам. Когда в двух пальцах от твоей спины покачиваются отточенные, как бритвы, бронзовые острия, охота спорить пропадает как-то сама собой.

Скоро тюремные казематы остались далеко позади. Конана вели коридорами и анфиладами царского дворца Абеддрака – громаднейшего здания из камня и кирпича, творения замечательных зодчих. В богато убранных залах сутились нарядные слуги. Они расступались, чтобы пропустить стражу и пленника. У одних на лицах было написано легкое раздражение, другим было все равно.

Потом киммериец увидел перед собой высокую арку, завешанную расшитым блестками бархатом. Тюремщики пихнули его вперед, он раздвинул тяжелые складки... и впервые увидел перед собой царский двор Абеддрака.

Он оказался в огромном зале. Солнечный свет вливался сквозь высокие окна, забранные жалюзи. В противоположной стене виднелись главные двери. По одну сторону находился престол, предназначенный для высших лиц державы. Середина зала оставалась совсем свободна, так что можно было рассмотреть яркую мозаику пола, зато вдоль стен стояли столы и длинные скамьи. Там уже сидело несколько десятков знатных шемитов, и новые толпы вельмож входили в зал сквозь парадные двери. В

зале стоял сплошной гул голосов, а за столами рекой лилось вино, которое слуги только успевали подливать из золотых кувшинов.

Конану не дали времени полюбоваться роскошным приемом. Его сразу провели в небольшую нишу, отгороженную полукруглой решеткой. Там уже сидел на корточках еще один пленник, — смуглый малый из восточного Шема, одетый в такое же яркое тряпье, как и сам Конан. Его караулили двое стражей, стоявших спиной к блистательному собранию. Конану велели войти внутрь сквозь дверцу в решетке, и возле нее заняли место двое из четырех его конвоиров. Двое других вернулись к двери с бархатной занавесью и встали по обе стороны.

В зарешеченной конуре не было ни сиденья, ни подстилки, и Конан, следя примеру своего товарища по несчастью, опустился на корточки рядом с ним. Парень не обратил на него никакого внимания, он отрешенно смотрел прямо перед собой. Сквозь густой загар на его лице проступала пепельная бледность.

— Нарядное собрание!.. — вполголоса обратился к нему Конан пошемитски. При этом он покосился на стражников, но те как будто и не слышали. Его сотоварищ ничего не ответил, и Конан попробовал стигийский диалект: — Не знаешь, что за развлечение они решили устроить?..

Опять никакого ответа. Конан осторожно толкнул шемита под локоть. Бедняга дернулся, как от удара, и дико посмотрел на него. Потом снова обратил неподвижный взгляд в пустоту.

Киммериец шепотом выругался и отодвинулся прочь. Кожа парня показалась ему холодной и влажной. Болотная лихорадка, решил было Конан, но потом понял: *страх. Чудовищный, парализующий страх.* Сообразив, в чем дело, Конан поневоле забеспокоился. *Может, этот малый просто знает что-то такое, о чем я и не подозреваю?* Он погнал эту мысль прочь, сказав себе: *ну и пускай боится, если больно охота. Может, они нас между собой драются заставят, так мне его страх только на руку.*

Он отвернулся от шемита и стал разглядывать пирующих.

Абеддрахские придворные оказались порядочными балаболками. Рассевшись вдоль столов, они вовсю работали языками и энергично жестикутировали. Конан попробовал прислушаться, но не разобрал ни единого слова. Он только видел, что при дворе в моде были расслабленные манеры и изнеженный вид. На взгляд киммерийца, обветренные, крепкие воины и ремесленники, жившие в том же городе, были куда симпатичней.

Большинство вельмож оказались намного более светлокожими, чем

обыкновенно бывают шемиты. Их наряды едва прикрывали наготу, но скроены были из драгоценных материй. Конан немало удивился, заметив, что слуги одевались куда целомудреннее господ. Виночерпии бегали по удушающей жаре в длинных полотняных рубашках, тогда как хозяева почти не стесняли себя одеяниями. На многих женщинах выше бедер вообще ничего не было до самой прически, у других скрещивались между грудями усыпанные драгоценными камнями полоски, — и все. Мужчины довольствовались этакими юбочками на кожаных поясах. Но добро хоть было бы на что посмотреть, а то ведь почти у каждого — впалая грудь и отвислое брюхо!..

Единственным исключением оказалась группа длиннобородых мужей в долгополых одеяниях, восседавших за отдельным столом. Конан подумал и решил, что скорее всего это были иностранные посланники.

Ибнизаб, царь и правитель Абеддрахский, исключением не являлся. Он сидел, развались, на позолоченном диване в центре возвышения — бледная туша, заставившая Конана вспомнить морских коров, вытащенных на берег. Киммериец сразу узнал его. Он не единожды видел это лицо на местных монетах. Оно смотрело и с дощечки, вставленной в стену прямо над загоном для пленников, где Конан теперь находился. Черты были знакомые, только резчики и ваятели изображали величественный и благообразный лик, а Конан видел перед собой потасканную расплывшуюся рожу со следами всевозможных пороков.

Конан вновь посмотрел на эбеновый барельеф. На нем подтянутый, мускулистый Ибнизаб стоял у пролома в городской стене и звал своих воинов на приступ, размахивая царской секирой. У ног его грудами валялись обезглавленные вражеские тела... Конан попытался припомнить хоть какие-нибудь громкие военные победы, связанные с именем абеддрахского царя, и ему стало смешно. Он еще раз сравнил изображение с оригиналом и решил про себя, что подвиги Ибнизаба, похоже, имели место в весьма отдаленные времена. Если имели место вообще.

Ибнизаб сидел с тупым и скучающим видом. Время от времени он как будто просыпался и что-то говорил молодому слуге, который стоял на коленях, держа в руках вощеную дощечку, и писал. Конан поисками признаки болезни, подтасчивавшей, если верить слухам, драгоценное здоровье монарха, но так ничего и не высмотрел. Если царь от чего и страдал, то разве от апатии и обжорства.

Неподалеку от царственной особы на возвышении расположились особо приближенные вельможи. Одна из дам явно была не кто иная, как царица Нитокар. Конан снова и снова находил ее взглядом. Ее глаза были

густо накрашены, но в чертах лица чувствовалась властная сила. Нитокар уже нельзя было назвать молоденькой, но среди всех едва прикрытых нарядами женщин она была едва ли не самой раздетой. Тем не менее стыдливость царицы была до некоторой степени защищена роскошной пекторалью – водопад сияющих самоцветов простирался чуть не до пупа.

Нитокар сидела подле царственного супруга и то и дело подзывала к себе слуг с подносами, чтобы отправить кусочек лакомства в апатичный рот венценосного мужа. Неподалеку от высочайшей четы можно было видеть младших членов семейства, на которых заботы царицы распространялись в гораздо меньшей степени. На бархатной кушетке растянулся мордастый темнокожий мальчишка с капризным выражением лица. Поодаль сидела юная девушка, – то ли царевна, то ли чья-то жена, – гибкое, едва расцветшее создание, только-только вступившее в возраст замужества. На ней было переливчато-зеленое платье длиной до колен и высокий головной убор, украшенный перьями. Девушка сидела, отвернувшись в сторону от царя и царицы, – их выходки то ли раздражали ее, то ли нагоняли скуку.

А по другую руку от Ибнизаба, в строгом кресле с высокой прямой спинкой, сидел некто, державшийся куда более властно и царственно, чем сам царь. Этот человек был от шеи до пят закутан в белые одеяния с золотой каймой и обут в позолоченные сандалии. Конан сразу узнал в нем Хораспеса, того самого пророка, о котором столько рассказывал Исараб. Он еще вчера видел этого мужчину на торговой площади: он сидел под пологом в кедровом кресле, как подобало советнику, и присматривал за покупкой всяких разностей, необходимых для гробницы. «Хораспес...» – шептали люди в толпе.

Пророк не был ни высок, ни могуч; наметанный взгляд Конана живо определил под золочеными одеяниями тело полноватого коротышки. Тем не менее от него так и пыщело неудержимой энергией. В одной руке он держал короткий позолоченный жезл – знак его положения. Хораспес ни на миг не выпускал его из пальцев и лишь изредка клал на колени. На пухлом бледном лице, как приклеенное, лежало выражение милосердия и доброты. Лысеющая голова, на которой лишь сзади еще курчавились черные волосы, беспрестанно вертелась из стороны в сторону. Пророк то обводил взглядом собравшихся, то наклонялся к высочайшей чете и коротко говорил что-то царю и царице...

Но большей частью Хораспес беседовал с тем, кто сидел непосредственно у него за спиной, – высоким, худым мужчиной с жестким лицом. Говорил, правда, только Хораспес. Мужчина почтительно

наклонялся к нему и слушал, но сам не произносил ни слова и не улыбался. Конан отметил про себя, что этот малый, единственный из всех сидевших на возвышении, был вооружен. На кушаке, стягивавшем его простую, военного покроя рубаху, висел кривой, видавший виды меч. *Телохранитель*, решил Конан. *И стережет он пророка, а не царя.* Именно эту худую, скелетную рожу он видел за плечом Хораспеса накануне, под пологом на торгу. Он и теперь сидел так же невозмутимо, зорко оглядывая толпу.

Пока Конан смотрел, Хораспес что-то сказал Ибназабу, и тот согласно кивнул. Потом Его Царское Величество не без некоторого усилия приподнялся на локте, помахал жирной рукой, призывая к вниманию, и заговорил. Сперва его голос был еле слышен среди общего гама, и Конан с трудом разобрал обрывки отдельных слов: «Благородное собрание... мои подданные присутствуют... речи моего высокочтимого советника Хораспеса...»

И царь с видом величайшего изнеможения рухнул обратно на подушки.

Придворные начали оборачиваться, но монаршая речь кончилась едва ли не прежде, чем они успели прислушаться. Когда наступила полная тишина, поднялся Хораспес. Его лицо по-прежнему дышало искренним доброжелательством, белые одежды навевали мысли о чистосердечии и незапятнанной простоте. Его голос был голосом опытного оратора.

– О моя царица, светозарная Нитокар! О царственная Эфрит и ты, царевич Иблис, старший сын и наследник державы!.. – Хораспес говорил на языке образованных шемитов, выдерживая великолепные паузы. – О вы, придворные вельможи и благородная знать, о вы, верные слуги царства и города Абеддрах! Услышьте меня! – Сияя улыбкой, пророк отработанным жестом воздел обе руки. – Его Царское Величество Ибназаб Абеддрахский приветствует всех вас на этом приеме, даваемом в честь наших драгоценных союзников, благородных посланцев города Ирука! – Последовал сердечный жест в сторону чужестранцев, сидевших в окружении веселых куртизанок за столом неподалеку от престольного возвышения. – Пожелаем же им счастья и процветания от имени всего Абедраха!

Зал взорвался приветственными криками и звоном бокалов. Хораспес вновь воздел руки, и шум сразу утих.

– Его Царское Величество, – продолжал пророк, – возложил на своего смиреннейшего слугу Хораспеса, стигийского изгнанника и бывшего жреца... – тут он коснулся своей груди, – ...почетную обязанность вести сегодняшний пир. Прими мою непреходящую благодарность, о несравненный! – Он низко поклонился неподвижно лежавшему царю и

вновь повернулся к слушателям. – Итак, сейчас мы приступим к нашему традиционному развлечению. Потом подадут кушанья, которые, надеюсь, заслужат ваше одобрение. А потом... – Хораспес помедлил, и выражение безоблачного счастья на его лице чуть-чуть померкло. – Потом, ради просвещения наших драгоценных ирукских друзей, я расскажу о великой опасности, грозящей всем нам. Некоторые из здесь присутствующих уже слышали мои проповеди, посвященные этой угрозе. Боюсь, однако, иные среди вас еще недостаточно наслышаны о чудовищном бедствии, способном лишить нас не только нажитого имущества, но самой жизни и даже души! Вот почему я нахожу эту проповедь столь настоятельно необходимой.

Конана немало удивил подобный поворот речи Хораспеса и его взгляд, неожиданно ставший пристальным и даже гневным. Варвар посмотрел на придворных. Кое-кому было на все наплевать, но большинство слушали пророка с самым серьезным видом и даже согласно кивали друг другу.

– Но для начала, о благородные гости и столь же благородные абеддрахцы, – развлечения и пир! – Хораспес вновь светился радушием и добротой. – Великолепные мужи и несравненные дамы, мы начинаем наши игрища!

Острое ощущение опасности словно ветром сдуло все остальные мысли, вертевшиеся у Конана в голове. Видимо, как он ни старался, ему не удалось полностью подавить страх. Под сердцем зародился ледяной холод, словно туда уже воткнулся клинок. *Что за глупости*, сказал он себе. *Я ни разу не трусил ни в бою, ни в самых крутых переделках. Чего ж я тут-то трясусь?..*

На самом деле, конечно, дело было не в страхе. Если он в своей жизни чего и боялся, так это неизвестности. Именно неизвестность и заставляла слегка шевелиться волосы у него на затылке.

Он смерил четверку стражников оценивающим взглядом. Все они бдительно наблюдали за пленниками, готовые немедленно отреагировать на любое движение. Что касается шемита, бедолага сидел как сидел, только теперь еще и заламывал руки, сунув их между колен.

Снаружи постепенно темнело, и слуги зажигали масляные лампы. Хораспес указал на рослого, мускулистого и явно чужеземного малого, развязной походкой появившегося из двери с бархатной занавесью:

– Сегодня перед нами снова предстанет великий Хада Хуфи, прославленный храмовый боец из Вендии! Вот он!!!

Все обернулись приветствовать вновь вошедшего, со всех сторон послышались аплодисменты.

Хада Хуфи был наг, если не считать набедренной повязки. Все остальное отливало цветом корицы и блестело от масла. Вендиец был довольно-таки жирен, но под слоем жира перекатывались железные мускулы. Его голова была начисто выбрита, лишь сзади свисал короткий хвостик волос. Он вынес под мышками две большие плетеные корзины. Пройдя на другую сторону зала, он наклонился и поставил их на пол. Потом Хада Хуфи опустился на одно колено и неожиданно гибким движением поклонился в сторону тронного возвышения.

— Здесь присутствуют двое смелых добровольцев, пожелавших доставить удовольствие Его Величеству и помериться силой с Хада Хуфи. Первый – это Илам, доблестный козопас с восточных холмов!

Пока он говорил, двое стражников вошли в зарешеченную клетушку. Один из них подошел сзади к съежившемуся шемиту и вздернул его на ноги. Конан вскочил, готовый заступиться за беднягу, но второй стражник преградил ему путь копьем. Киммериец услышал, как еще двое у него за спиной изготовились к схватке, и был вынужден отступиться.

Стражник, поднявший шемита, ткнул его черенком копья в поясницу, и тот на заплетающихся ногах пошел к решетчатой двери.

Когда Илам оказался в кругу столов, его щумно приветствовали. Конан несколько удивился, с чего бы зрителям так шуметь по поводу столь жалкого противника для Хада Хуфи. Он посмотрел на вендица и увидел, что тот склонился над одной из своих корзин и сунул руку внутрь. Когда он выпрямился и вновь повернулся лицом к зрителям, рев и хлопанье сделались вдвое громче.

Хада Хуфи стоял, вытянув перед собой руки, и каждую руку обивала змея. Руки борца придерживали зеленовато-черные чешуйчатые тела чуть позади голов.

Конан узнал в змеях болотных питонов. Насколько он знал, эти твари не были ядовиты. Другое дело, что каждый был толщиной с мускулистую руку своего хозяина, а длиной превосходил его рост. И чувствовалось, что подобное удавам было не впервые. Они и не думали вырываться. Чешуйчатые кольца скользили туда-сюда по намасленной коже вендийского борца, узкие головки поворачивались, рассматривая зрителей, в пастих сновали черные язычки. Конан видел, как Хада Хуфи по очереди согнул руки, шепча удавам ласковые слова и целуя каждого в нос. Потом он снова простер вперед свое живое оружие.

Стражник вел Илама все дальше по мозаичному полу. Кто-то на ходу вложил в безвольную руку пленника короткую дубинку с бронзовым набалдашником. Рука с дубинкой так и осталась висеть бесполезным

придатком. Даже в походке Илама чувствовался животный страх, отнимающий и силы, и разум. Пленник шагал навстречу своей судьбе с отрешенной покорностью, словно зачарованный неким гипнотическим звом...

Когда он подошел достаточно близко, чтобы привлечь внимание змей, стражник отступил прочь. Тем не менее пленник сделал еще несколько шагов, прежде чем нерешительно остановиться. Это было похоже на колдовство.

Хада Хуфи крадучись двинулся вперед. Он шел молча и медленно, слегка согнув колени и ссгутившись, — весили его питомцы немало. Вендиец надвигался на несчастного козопаса, держа головы змей чуть повыше уровня глаз жертвы, замершей в нескольких шагах от него...

Наконец Илам словно проснулся. Из его горла вырвался слабый, дрожащий крик. Неверной рукой он бросил свою дубинку в ноги Хада Хуфи и повернулся бежать.

Его преследователь с неожиданной легкостью перескочил через брошенную дубинку и двумя проворными прыжками настиг убегавшего. Потом все его тело словно бы хлестнуло вперед и вниз. В воздухе пронеслась черная извивающаяся молния. Было слышно, как одна из змей ударила прямо в спину шемиту и тотчас обвила его шею и плечи.

Вопль пленника эхом заметался в стенах; Илам согнулся пополам, едва не сбитый с ног внезапно навалившимся весом. И все-таки он продолжал бежать. Он даже прибавил шагу, одновременно пытаясь сбросить со своей шеи чешуйчатые зеленовато-черные кольца...

Бежать, правда, было особо некуда; вскоре он оказался вблизи одного из столов. Между ним и шарахнувшимися придворными тотчас возникли два стражника, но предосторожность оказалась излишней. По полу прошлепали быстрые босые ноги: Хада Хуфи снова настиг свою жертву. Его тело опять метнулось вперед...

На сей раз змея слетела с его руки, как кнут. Хвост удава остался в ладони вендица, а передняя часть туловища обвила лодыжку шемита. Хада Хуфи потянул на себя, и Илам потерял равновесие. И свалился на многоцветный мозаичный пол, извиваясь в объятиях сразу двух змей...

Жалко и страшно было смотреть на его предсмертные муки. Он катался по полу и бился, издавая пронзительные, придушенные крики. Эти крики постепенно слабели: первый питон все сильнее сдавливал его шею. К тому же у обеих змей были зубы. Пускай не ядовитые, но вполне пригодные для того, чтобы впиваться в тело полузадущенной жертвы...

Хада Хуфи спокойно и отчужденно стоял рядом, сложив на груди

могучие руки. Вот он обозрел отвисшие челюсти придворных, потом устремил взор на царское возвышение. Вот Его Величество подал незаметный сигнал, и борец опустился на колено над пленником. Терпеливо, не торопясь, просунул он руки между тугими змеиными кольцами и головой козопаса. В следующий миг на его плечах вздулись узлы мышц, раздался сухой хруст. Илам дернулся в последний раз и затих.

Ибназабу угодно было проявить милосердие.

Еще какое-то время вельможи завороженно смотрели на вендица, двух змей и мертвого пленника. Потом вновь начали аплодировать. Они хлопали все громче и громче, пока на столах не зазвенела посуда. Хада Хуфи раскланивался, поворачиваясь туда и сюда. Хораспес стоял на возвышении, призывая зрителей приветствовать могучего гостя.

Конан рассыпал, как за одним из ближайших столов изящная женщина в уборе из перьев обращалась к сидевшему рядом мужчине:

– Ты знаешь, борьба на такого рода праздниках нравится мне гораздо больше поединков с оружием... – Женщина говорила громко, чтобы быть услышанной среди всеобщего гвалта. – От вооруженных поединков того гляди весь аппетит пропадет. Кровь, грязь, ужас... Не люблю крови!

Сам киммериец в этот момент не мог сосредоточиться ни на одной мысли. Он только чувствовал некую легкость в голове, да чуть-чуть шумело в ушах. Все тело покалывали невидимые иголочки, и когда он попробовал напрячь руки, то не почувствовал никакой боли от ушибов.

– Итак, наш боец снова доказал свое искусство! – провозгласил Хораспес. Для того чтобы быть услышанным, ему приходилось кричать. – Но соревнование еще не окончено! Прославленному Хада Хуфи бросает вызов безымянный северный варвар, уроженец заснеженной кромки населенного мира! Мне рассказывали, будто ростом и свирепостью он не уступает нашему гостю из Вендии. Готовься же, Хада Хуфи, к еще более суровому испытанию своей силы и мастерства!

Когда прозвучали эти слова, двое стражников, стоявшие у стены, подошли к Конану сзади и легонько коснулись его спины остриями копий, приглашая подняться. Он вскочил на ноги и обернулся – все это одним быстрым движением. Он отмахнулся от копий, хотя одно из них и оцарапало ему плечо. Стражники посмотрели ему в глаза и увидели там нечто такое, что заставило их остановиться и отвести копья. Киммериец отвернулся от них, спихнул с дороги третьего стражника и вышел в решетчатую дверь.

Когда он оказался в кругу, на него обратились все глаза. Особенно пристально взирали на него густо подведенныг глаза царицы Нитокар. Она

даже перегнулась через неподвижную тушу своего царственного супруга, чтобы с улыбкой шепнуть что-то Хораспесу. Придворные поначалу встретили Конана щуточками и насмешками.

Он пошел прямо вперед, и смешки постепенно затихли.

Хада Хуфи как раз покрыл одеялом все еще обвитое змеями тело козопаса и оттащил его в сторону. Он коротко, оценивающе глянул на Конана. Потом поднял крышку второй корзины и склонился над ней. Когда он разогнул спину и повернулся, по залу прокатился возбужденный шепот.

На сей раз руки храмового бойца не были обременены столь тяжелым живым грузом. Однако смертоносность его оружия никаких сомнений не вызывала. Ибо вендицец держал на весу двух алых аспидов – легендарных отнимателей жизни с холмов Афганистана. Горцы утверждали, что от укуса алого аспида человека постигает столь скорая и беспощадная смерть, что несчастный не успевает даже обратиться к Эрлику с Последней Молитвой, дабы обеспечить своей душе благополучное путешествие в рай.

Змеи были каждая длиной примерно в руку и казались изящными коралловыми украшениями на блестящих от масла мышцах вендица. И было похоже, что даже сам Хада Хуфи обращался с ними с величайшим почтением. Он крепко держал обеих чуть позади шипящих, стреляющих язычками голов. И, в отличие от болотных питонов, не подносил к губам, чтобы поцеловать.

Конан тем временем добрался до центра мозаичного круга, где валялась худосочная бронзовая дубинка, оставшаяся от предыдущего поединка. Конан нагнулся и подобрал ее, не сводя глаз с противника. Не то чтобы это оружие показалось ему полезным подспорьем. Таким все равно не дотянемся мимо змей ни до головы, ни до тела вендица. А если бросить, здоровяка им все равно не проймешь. Тем не менее лучше хоть что-то, чем совсем ничего, и Конан решил попробовать.

Он пригнулся и стал подбираться к Хада Хуфи кошачьим, крадущимся шагом. Зрители начали перешептываться: их удивляла его смелость, вероятно отнюдь не присущая большинству «добровольных» участников придворных игрищ.

Хада Хуфи поспешил отойти подальше от своих корзин и от прикрытого тканью тела предыдущего противника (под покрывалом еще происходили редкие судороги). Он держал руки широко разведенными в стороны – ни дать ни взять для объятия, приправленного ядом. На ястребином лице вендица застыла привычная насмешливая гримаса.

Конан первым двинулся вперед и затанцевал, нанося легкие дразнящие удары то прямо, то наотмашь, метя когда по змеиным головкам, когда по

здоровенным кулакам, их державшим. Вендиец без труда уворачивался, ловко отскакивая и отводя руки. Поплясав с ним таким образом некоторое время, Конан вдруг припал к самому полу, и его дубинка описала стремительный полукруг, целя Хада Хуфи в незащищенную лодыжку.

Удар был, конечно, не из смертельных, так что вендиец только сморгнул. Однако прикосновение сильно обозлило его – это было видно хотя бы по тому, как оскорбленно затрепетали его ноздри. Конан мигом выпрямился, но рука борца уже метнулась в гибком движении, и Конану в грудь понеслась живая стрела, напоенная убийственным ядом.

Одного лишь инстинкта было бы недостаточно для того, чтобы спасти киммерийца от укуса алого аспида. Даже отточенного инстинкта дикаря. Так что, наверное, разумное предвидение тоже сыграло свою роль. Он ждал чего-то в таком духе. Он еще выпрямлялся, а его дубинка уже шла вверх, чтобы отбросить прочь живую стрелу. Она перехватила алую вспышку возле самого горла, пронесла по дуге и швырнула назад – туда, откуда та прибыла. При этом в последний миг Конан выпустил и саму дубинку, чтобы змея на прощание не цапнула его за руку.

Заметив аспида, летевшего на него вместе с бронзовой колотушкой, Хада Хуфи нырком ушел в сторону, показав тем самым и свое искусство акробата, и должное уважение к выпущенной змее. Он мягко перекатился через плечо, умудрившись при этом удержать второго аспида на безопасном расстоянии от своего тела. Дубинка звякнула об пол и упала под одну из скамей, унеся с собой свившегося кольцами гада. Среди зрителей поднялась паника, люди с криками шарахнулись вон из-за стола. Кто-то отбежал прочь, кто-то вскочил на стол, удирая от ядовитых клыков.

Тем временем ловкий вендиец уже снова стоял на ногах, держа над собой змею, и был равно готов и к обороне, и к нападению. Он не учел одного – решимости и потрясающей быстроты киммерийца, который немедля бросился прямо к нему. Схватив Хада Хуфи за плечо, Конан живо метнулся ему за спину. Одна его рука обхватила толстую шею храмового бойца, другая рванулась вверх – к запястью руки, державшей змею.

Его пальцы скользили по намасленной коже вендица, и приходилось еще думать о том, чтобы не напороться на змеиные зубы. Конан сжимал бычью шею врага мертвой хваткой, уворачиваясь от ударов, – Хада Хуфи все старался «укусить» его змеей.

И вот тут-то, когда двое сцепившихся мужчин выясняли, кому из них в этом мире быть волком, кому – козой, вот тут-то и оказались на Конане недавние побои и плен. Киммериец почувствовал тяжесть во всем теле, происходившую даже не от боли, – ее-то он в своей полной опасностей

жизни давно выучился презирать! – а от пытки путами и неподвижностью, тянувшейся полночи и все утро.

При других обстоятельствах его сила, помноженная на ярость, просто смела бы любого» вставшего у него на пути. Разве в прошлом ему не доводилось ломать такие же толстые шеи, притом что он едва видел их обладателей сквозь багровую пелену варварского боевого бешенства, застилавшую взгляд?.. Теперь – не то. После ночи в тюремной камере в измученных руках и плечах сохранились лишь жалкие остатки прежней мозги. Алая смерть шипела все ближе, подбираясь к его горлу. Он только успевал обороняться и ощущал себя израненным волком, которого разъяренный бык вот-вот взметнет на рога.

И зрители это почуяли. Удравшую змею к тому времени благополучно прикололи копьями стражники; соответственно, прекратились крики и беготня, так что слышен был лишь заинтересованный шепот. Сто человек напряженно следили за схваткой, предвкушая неминуемый смертельный исход. Особенно упивалось зрелищем царское окружение – за единственным исключением девчонки Эфрит, которая так и просидела все время, упрямо глядя в сторону.

Даже царь Ибназаб приподнялся на локте, чтобы не пропустить мгновенного удара ядовитых клыков, который и положит конец поединку.

Конан ощущал на себе их жадные взгляды. Еще он чувствовал, что постепенно теряет выгодную позицию. Гибкие, скользкие от масла плечи и шея Хада Хуфи напрягались и извивались под его рукой, мало-помалу выворачиваясь из отчаянной хватки. Спасибо и на том, что вендиц не мог выпустить из руки змею. По всей видимости, у него не было средства ни от яда алого аспида, ни от его нерассуждающей ярости. Так что одна рука храмового бойца была занята рептилией, а вторая силилась разогнуть руку киммерийца, пытавшегося его задушить.

Между тем аспид был в бешенстве. Он то и дело разевал бледную пасть, роняя капли прозрачного яда. Там, где они попадали Конану на кожу, вздувались багровые пузыри. Извивающееся ярко-красное тело больше не держалось за руку Хада Хуфи; оно хлестало обоих соперников по лицам, словно окровавленный кнут.

Вендиц неожиданно подался вперед, напрягая плечи и стараясь сбросить с себя вцепившегося киммерийца. Рука Конана начала соскальзывать с потной и масляной, пахнущей мускусом кожи... но тут змеиный хвост опустился на шею Хада Хуфи, и молодой варвар понял, что у него еще есть шанс.

И он им воспользовался. Он схватил чешуйчатое тело там, где оно

касалось плеча Хада Хуфи, и скрестил запястья у основания шеи вендица, плотно обхватив ее живой красной удавкой.

Освободившись от захвата, борец пробежал несколько шагов вперед, увлекая за собой ничуть не сопротивлявшегося Конана. Потом до него дошло. По-прежнему крепко удерживая голову змеи, он принялся извиваться и гнуться, но все без толку. Усталые мышцы Конана получили отдых, и справиться с ним сделалось не так-то просто. Он только все туже затягивал импровизированную удавку.

Придя в окончательную ярость, Хада Хуфи вновь попытался достать его змеиными клыками через плечо. Но теперь голова аспида пребывала в опасной близости от его собственной шеи, а у Конана, наоборот, прибавилось простора для маневра. Хуже всех при этом приходилось несчастной змее. Она уже не пыталась кусать воздух и держала обмякшую пасть полузакрытой, а глаза от прилива крови выступили из орбит.

Лицо вендица тоже начало распухать и темнеть, а ноги – заплетаться на мозаичном полу. Конан держал его настоящей хваткой душителя, заставляя выгибаться назад. Пережатое горло больше не пропускало ни глотка воздуха, лишь синие губы безмолвно произносили проклятия, а руки тянулись к противнику – схватить!.. разорвать!..

Он видел над собой лицо Конана – близко, но не достать. Оно было почти так же черно от ярости, как его собственное – от удушья. Киммериец полностью сосредоточился на том, чтобы удержать соперника и ни в коем случае не разжать рук, – он чувствовал, что в этом была для него единственная возможность победы.

И при этом боковым зрением, сквозь застилавший глаза кровавый туман, он видел движение. Дворцовые стражники медленно приближались, держа наготове копья и поглядывая в сторону тронного возвышения. Они явно ожидали распоряжений. Неужели какому-то проходимцу-варвару будет дозволено убить иноземного борца, за которого были заплачены бешеные деньги?..

Конан повернул еще сопротивлявшегося Хада Хуфи таким образом, чтобы он оказался между ним и двоими ближайшими стражниками, равно как и между ним и возвышением. Все царственное семейство смотрело на него раскрыв рот, даже юная Эфрит, не сумевшая удержать маски наигранного безразличия. Хораспес был несомненно обеспокоен неожиданным оборотом так называемого состязания. Царицу же Нитокар необыкновенно забавляло происходившее. Она возбужденно нашептывала что-то на ухо супругу, и ее губы, накрашенные темной помадой, улыбались. Выслушав, царь Ибназаб коротко махнул рукой. Стражники сейчас же

отодвинулись назад, на свои прежние места по периметру круга.

Видел ли вендиец их отступление? Понял ли, что вместе с ними его покидала надежда? Трудно сказать! Его глаза начали уже закатываться в глазницах, но бился он отчаянно. Он даже выпустил повисшую голову аспида и обеими руками вцепился в чешуйчатую удавку, глубоко впившуюся в тело. Его толстые пальцы никак не могли ее подцепить. Он стал царапать руки Конана, раздирая побелевшие костяшки его пальцев... Хватка не ослабевала.

Тем временем змея, освободившаяся наконец от хозяйствских пальцев на шее, понемногу начала оправляться. Ее сумеречное сознание, должно быть, едва воспринимало чьи-то руки, стиснувшие середину тела и хвост. Алый аспид снова обнажил клыки, голова заметалась туда-сюда, раздавая бесцельные покамест удары. Киммериец замер от ужаса. Он больше не мог защититься от ядовитого укуса. Но он скорее умер бы, чем выпустил полузадушенного вендица.

Исход наступил мгновением позже. Голова алого аспида метнулась вперед... и погрузила зубы в ухо Хада Хуфи.

Храмовый боец, уже, казалось бы, неспособный ощутить страдания плоти, раскрыл залитый пеной рот в беззвучном, мучительном крике. Страшная конвульсия потрясла его тело и наконец-то оторвала его от Конана – да тот и сам с отвращением отшвырнул его прочь. Аспид так и остался у вендица на шее и даже не разжал зубов, вонзившихся в ухо. Ухо мгновенно и жутко распухло, точно чудовищная серая поганка. Хада Хуфи схватился за него, прошел, запинаясь, еще два шага и рухнул лицом вниз. И умер, так и не издав больше ни звука.

Глава восьмая

Пророк погибели

Зрители, сидевшие за столами, разразились рукоплесканиями. Конан, покачиваясь от неимоверной усталости, стоял посередине и ждал, каково будет следующее испытание. Стражники между тем убили алого аспида, пригвоздив его копьями к бездыханному телу Хада Хуфи. Потом появились слуги и опасливо уволокли прочь змеиные корзинки и прикрытые одеялами трупы. Конану оставалось только гадать, какая награда достанется победителю. Свобода? Смерть?.. Или что-нибудь совершенно особенное?..

Пока он стоял так, измотанный и опустошенный, – даже ярость выгорела в его душе, – со стороны тронного возвышения к нему приблизились две улыбающиеся девушки-служанки. Обе молодые, хорошенъкие и не слишком стесненные одеяниями. Короткие льняные тоги позволяли рассмотреть изящные босые ножки. Служаночки взяли Конана под руки и повели его с собой.

Приближаясь к возвышению, он все явственнее ощущал на себе пристальный взор темных, густо подведенных глаз царицы Нитокар. Варвар заподозрил, что его вели к трону именно по ее повелению. Остальные члены высочайшего семейства тоже поглядывали на него с некоторым интересом, но в половину не так, как она. Лишь Хораспес впивался в него глазками-бусинками и выглядел весьма раздраженным.

Конан почти ожидал, что девчонки подведут его к царице, однако ошибся. Они направили его в обход низкого столика перед возвышением и усадили на пухлые подушки рядом с посланцами из Ирука. Конан сел и вновь оказался недостоин высокого внимания Нитокар.

Почти сразу после этого, к восторгу царедворцев, была подана еда. Слуги внесли на широких золотых блюдах фрукты, хлеб и сыр. Все это очень быстро разобрали, пока слуги шли вдоль столов. За золотыми блюдами последовали серебряные чаши со всевозможными соусами и запеканками. Гости черпали оттуда прямо горстями.

И наконец в зал вкатили огромную бронзовую колесницу. В ней, над жаровней с рдеющими углями, покачивалась на цепях и аппетитно шипела цельная туша здоровенного вепря. Полуголый, обильно потеющий повар принялся разделять и раздавать мясо. Этот повар был еще крупнее Хада

Хуфи и вполне сошел бы за его старшего брата, если бы не типично шемитские черты лица.

Сидевшим за гостевым столом доставались лучшие кусочки каждого блюда. Пользуясь моментом, Конан запил малоприятные воспоминания о минувшей схватке полновесным кувшином вина, после чего принялся восстанавливать силы, поглощая фрукты, мясо и хлеб. Девушки-служанки оставались подле него. Они большей частью молчали и очень мало ели – разве по маленькому кусочку того и сего. Занимались они в основном тем, что разглаживали заботливыми руками шишкы и шрамы на его широких мускулистых плечах.

Конан все приглядывался к козлобородым северянам-ирукийцам, сидевшим неподалеку. Один из них показался варвару менее заносчивым и надменным, чем все остальные. Не попытаться ли заговорить с ним?..

– Привет тебе, добрый человек, – обратился он к нему на кофитском диалекте, которого, как он надеялся, местные жители не знали. – Роскошный пир, правда? И кажется мне, что вон тот малый с мясницким ножом, так доблестно одолевающий дикого вепря, выстоял бы против целой фаланги тяжеловооруженных аргосийцев!

Посланник успел опрокинуть в себя немалое число чащ, и на шее у него уже висела довольно неряшликая рыжеволосая красотка. Он посмотрел туда, куда указывал Конан, и рассмеялся:

– Ты прав!.. Видят Боги, я сам в битвах пару раз ссаживал с коня этого молодца!.. – Потом он повернулся к варвару и сощурился, пытаясь сосредоточить на нем взгляд. – Но погоди!.. Ты не кофит. Немедиец, наверное?..

– Я из Киммерии, – сказал Конан. – Это еще севернее.

– Ах да!.. Ты, должно быть, горный кочевник. Наслышен, наслышен... Что ж, за твой успех, киммериец! – И он приветственно поднял кубок, расплескав половину. – Здорово же ты угомонил того вендейского демона и его змей!.. Правду сказать, на мой вкус подобное развлечение отдает варварством. У нас в Ируке на царском пиру такого бы не потерпели!.. – Он обвел взглядом веселившихся придворных, потом вновь уставился на Конана. – Но ведь ты, насколько я понимаю, не по своей воле в это дело ввязался?..

Конан мотнул головой:

– Нет, конечно. Просто меня застукали в неподложенном месте в неподложенный час, вот и все.

– Да уж, порядки у этих южан... – проворчал посланник. Обернувшись через плечо, он посмотрел на царственное семейство, с которым как раз

беседовал предводитель ирукийцев. – Но, как говорится, попал в Абеддрах, чти абедрахский закон. – Он передернул плечами. – Ну и что теперь с тобой будет?

Конан нахмурился и наклонился поближе, покосившись при этом на девушек и уверившись, что они не подслушивали разговора.

– Понятия не имею, – честно признался он ирукийцу. – Думаю только, меня посадили за этот стол не иначе как по повелению царицы...

Посланник поднял брови и рассмеялся:

– В таком случае – удачи тебе, друг мой!

Конан наклонился еще ближе, почти коснувшись завитой бороды собеседника.

– Почему? – спросил он. – Что ты знаешь о ней?

– Я знаю только то же, что и все, – был ответ. – А именно, что ее сластолюбие воистину беспредельно. Да ты только посмотри на нее! Неужели самому не ясно, в чем дело?.. – И он стрельнул глазами в сторону возвышения, где покоилась почти нагая фигура перезрелой красавицы. – Еще говорят, что любовникам не приходится опасаться ее мужа. Его здоровье и силы отнюдь не позволяют ему наведываться к супруге... – Тут он насмешливо покосился на Конана. – Однако остерегись, киммериец. До меня дошли какие-то сплетни о том, что Ее Бесподобие бывает несколько... груба с неопытными юнцами вроде тебя, так что они не задерживаются надолго подле нее.

Конан внимательно слушал его. Потом спросил:

– А что там насчет того, что она якобы отправительница? Поговаривают, будто она уже свела в могилу прежнюю жену Ибнизаба, а теперь и его хочет следом отправить...

Услышав это, посланник так и отшатнулся от варвара. Никакого удивления он, впрочем, не выказал, лишь опасливо уткнулся в свой кубок, а потом поставил его перед собою на стол. Его хмельное расположение к собеседнику неожиданно улетучилось.

– Воистину, незнакомец! – пробормотал он. – Каким образом простой посланник далекой страны может быть посвящен в столь интимные стороны жизни Абедрахского Правящего Дома?.. Не мне о них судить, но подобное, если и происходит, всегда сохраняется в строжайшей тайне, и... – тут он сурово нахмурился, – ...и тайна эта слишком опасна, чтобы болтать о ней на многолюдном пиру!

Конан кивнул, но заметил:

– А пренебрегать ею, по-моему, еще опасней.

Посланник моргнул, показывая, что слышал, и вновь обратился к еде и

питью, не вступая в дальнейшие разговоры. Конан пришел к выводу, что больше от него ничего не добьется, и отдался нежным заботам своих спутниц.

Девчонки вполголоса сплетничали по-шемитски, разминая его одеревеневшую спину. Конан обнял их и принял щекотать, чем несказанно развеселил обеих. Игра, однако, далеко зайти не успела.

Хораспес, царский советник, спустился с тронного возвышения и прошел на середину зала. Минуя стол посланников, он приветствовал сидевших за ним замысловатым придворным поклоном, притом ухитрившись некоторым образом адресовать свой поклон всем, кроме дюжего киммерийца. Хораспес двигался с видом полной уверенности в себе. Он нес в руке короткий скипетр, с которым играл, сидя в кресле.

Выйдя на середину, Хораспес вновь повернулся лицом к посланникам и царской семье. Присутствующие постепенно притихли, а слуги выкатили прочь колесницу с висевшим на ней кабаньим скелетом. Конан обратил внимание, что почти все слуги покинули зал, — кроме нескольких, еще разливавших вино. Хораспес выждал некоторое время, добиваясь полной тишины. Потом он заговорил:

— О мои Царь и Царица, о вы, вельможи, украшение Абеддраха и иных стран! Настал час размышления, о котором я несколько ранее вам говорил. Мне вовсе не хотелось бы умалять суровой проповедью ваше царственное веселье... — он развел руки и одарил высокое собрание благословляющей улыбкой, — ...и я ни в коей мере не собираюсь этого делать. — Хораспес уронил руки, как бы покончив с неприятным, и продолжил: — Однако все мы с вами — люди, облеченные положением и властью, неизменно памятующие об ответственности, доставшейся нам вместе с благородством происхождения. Каждый из нас больше жизни ценит божественный порядок вещей и закон жизни, присущий шемитам. В том числе и я, хотя я всего лишь новичок в сей стране, столь возлюбленной Эллаэлем...

Среди слушателей раздался одобрительный ропот: кто-то разделял мнение пророка, кто-то был просто доволен тем, что Хораспес не стал проповедовать божественных истин. Оратор же просиял улыбкой и принял развивать свою мысль:

— Нам, жителям благословенного Шема, Богами завещано быть учеными из людей. Язычники, обитающие на севере и на юге, все еще прославляют своих божков, столь же низких, сколь и ничтожных. Этим народам не дано света истинной веры. Их поклонение отвратительно и грязно, а имена их божков режут слух посвященного: Эрлик, Гвалур, Ортикс, Кром...

Пророк произносил имена чуждых Богов нарочито неправильно и притом гримасничая. Это немало насмешило слушателей – почти всех, кроме Конана, который, наоборот, свирепо нахмурился.

– Только мы, взращенные в колыбели Познания, что величаво раскинулась по обе стороны могучего Стикса, только мы постигли и познали природу истинных Сил, правящих порядком вещей во Вселенной, двоих вечных Богов, чей непреходящий спор определяет судьбы смертных – как в этой жизни, так и в последующей... Первый из них – это возлюбленный всеми дышащими тварями Бог Солнца. Много имен у этого Бога, но здесь, в Абеддрахе, его чаще всего славят под именем Эллаэль. Другой же – Сэт, Бог вечно грозного Воздаяния, чьи зримые воплощения суть змея и шакал. Одному Богу мы поклоняемся, другого страшимся и ненавидим. Но при этом мы знаем, что их борьба, длящаяся от века, и есть то, что движет Вселенной...

И вот, – продолжал Хораспес, – наши мудрецы, благодатью дарованных им божественных откровений, а также посредством столетних наблюдений за небесными сферами, равно как и занятий священными науками, наконец вывели всеобщий закон жизни, касающийся как небесных иерархий, так и смертного мира. Все подвластны ему, от самих Богов и их благословенных потомков, что на краткое время приходят царствовать над нами здесь, на земле... – тут он низко поклонился царю Ибназабу, – ...и от благородных вельмож до последних рабов и даже зверей полевых.

Он замечательно прост, этот закон, наконец-то явленный разумению смертных. Он – как светоч, который мы несем в мир во славу вечного Эллаэля и провозглашаем: да живет и здравствует вовеки все то, что служит справедливости и добру!.. – Хораспес сделал благочестивую паузу, торжественно раскинув руки в стороны. Но потом сияющая улыбка пропала с его лица, брови сдвинулись, а раскинутые руки упали.

– Трудно это, – сказал он, – трудно и почти невозможно! Как облечь словами величайшую трагедию нашей эпохи? Как могло случиться, чтобы люди, живущие по ту сторону великого Стикса, люди, населяющие пределы Стигийской империи, поклонялись силам Тьмы и их Господину – тому, кого ненавидит все живое, проклинаемому и престрашному Сэту?!

Эти слова пророка вызвали озабоченные перешептывания в толпе. Пауза, впрочем, не затянулась.

– Я сам стигиец, – сказал Хораспес. – Я учился в храмовой школе, я был жрецом, а позже – изгнаником этой страны, постигнутой Ночью. Таким образом, не удивительно, что меня очень часто спрашивают –

почему? Каким образом, спрашивают меня, вышло так, что целый народ поклонился злу? Что за нечистые узы столь крепко связали с Сэтом мою несчастную родину?

Хораспес взмахнул руками, словно отгоняя какое-то мерзкое существо.

– Я не смею надеяться отыскать ответ на этот вопрос, ибо моя вера столь сильно разнится от веры большинства моих соплеменников. Отважусь лишь предположить, что виною всему – судьбоносная неспособность стигийцев породить мужа, достойного воспринять и власть, и соответствующее поклонение... Так, как это удается шемитам. Ибо, когда государством начинают править священнослужители, их власть становится столь сильна, что может ввергнуть целый народ в пучину пагубного заблуждения!.. Вот мое суждение; глубже этого не смею я заглядывать в темные бездны прегрешений стигийцев. Ибо, распознав истинную природу присущего им порока, я отрекся от их богохульственных кощунств и ради спасения души своей бежал в более праведную страну!

И вот, о благородные гости, ныне с высот собственного опыта говорю вам: эти люди столь же тверды волей и сильны духом в своем стремлении к злу и тьме, как и мы – в нашем стремлении к правде и свету. Также и в науках и разных искусствах они продвинулись ничуть не менее нас, вот только такова природа этих искусств и познаний, что ни один истинно праведный и мудрый народ – например, такой, как шемиты, – не потерпел бы их и не стал им потворствовать. А кроме того, Стигия с давних времен славится богатством и военной силой. И это известно властителям Шема, но не вселяет в них, увы, должного опасения... – Тут Хораспес бросил многозначительный взгляд на приезжих из Ирука. – Ныне же между двумя империями царит мир, и кое-кому кажется, будто это во благо... – Пророк нахмурился еще больше, и сделалось ясно, что он-то придерживался совершенно иного мнения. – Когда царит мир, – продолжал он, – наука неутомимо продолжает свой путь. Во всех Хайборийских странах никто не сравнится с нами в искусстве обработки металла и камня. Врачебные науки расцветают, как никогда. Наши жрецы, смиренно почитающие Эллаэля, изобрели столь совершенные способы бальзамирования умерших вельмож и их возлюбленных слуг, что души почивших беспрепятственно переносятся в Лучший мир и блаженно успокаиваются в следующей жизни. Вдумайтесь только, каких высот достигло познание! Каждый из сидящих на этом пиру вполне может надеяться, что однажды прибудет в объятия Эллаэля со всеми своими богатствами, живностью и избранной челядью, дабы занять подобающее место в Его горнем царстве и радостно служить Ему на небесах!

Но вдумаемся, о правоверные! Заняв предназначеннное нам место среди почитаемых предков, сумеем ли мы должным образом заявить там о своем положении и правах? Нужно хорошо подготовиться к этому, о друзья, и преисполниться непоколебимой решимости править Заоблачным миром так же, как мы ныне правим этой землей!

Наше время есть время общественных смут, когда подвергаются сомнению праотеческие заветы. В наши изобильные дни каждый богатый торговец высекает гробницу в скале и наполняет ее драгоценным посмертным приданым. Даже последний нищий способен собрать несколько монет, дабы тело его подвергли хотя бы самому дешевому бальзамированию и снабдили какой-никакой едой, – ибо даже нищие питают пустя жалкую, но надежду войти в Дом Эллаэля. Каждый пытается заглянуть в Вечность! Насколько же обстоятельнее должны готовиться к Последнему путешествию такие, как мы с вами?..

Наши зодчие и правители, каждый в своем ремесле, ныне также достигли небывалых высот. Мы способны возвести укрепления, которые не сможет взять ни одна армия мира. И гробницы, которые будут столь же гордо выситься тысячелетия спустя. Истинно говорю вам, о шемиты!.. Применим же в полной мере все эти познания и искусства, дабы завоевать свое место в Высшем Мире, ибо Эллаэлю любезны сильные!

И помните, правоверные: сей, зрямый нами мир в глазах Вечности – что капелька воды для могучего Стикса, яростного в своем весеннем разливе. Так может ли быть у быстролетного земного века иная цель, кроме подготовки к следующей жизни? Тот, кто понесет сегодня расходы, упрочит свое место в Доме Эллаэля, а может, даже и возвысится! И коль скоро это так – пренебречь своим священным предназначением было бы, самое меньшее, недопустимой ошибкой!

...И вот тут жреца перебил голос, прозвучавший совсем рядом с тем местом, где сидел Конан.

– Постой, жрец! – воскликнул кто-то, воспользовавшись краткой паузой в сплошном потоке красноречия пророка. – Дай сказать словечко! Уж не хочешь ли ты убедить нас, будто ничтожные проблемы здешнего мира станут преследовать нас и в следующей жизни?..

Это говорил тот самый ирукийский посланник, с которым Конан не так давно пытался завязать беседу. Они тогда коснулись довольно скользких тем, и посланник даже задумался, не стоит ли проявить умеренность в питии. Но потом поборол свои сомнения, опрокинул еще несколько полновесных бокалов... и вот теперь его голос, резкий голос воина, звучал на весь зал.

– Я что-то не припомню, чтобы на священных табличках было написано что-то подобное! Я как-то привык думать, что на том свете между всеми людьми мир и благолепие... и кроткая благодать Эллаэля...

– Позволь ответить тебе, о благородный посол, – начал было Хораспес, но был сразу вновь перебит.

– Не-ет, жрец, дай уж договорить до конца! – Посланник, привыкший, видно, гонять воинов по площадке для упражнений, мог перекричать кого угодно, даже весьма опытного оратора вроде Хораспеса. Его сотоварищи пытались урезонить его и принудить к молчанию, но он стряхнул их руки. – Я к тому, что если ты добиваешься, чтобы, значит, наше Ирукийское царство вбухало все свои богатства в расписные могилы и всякие там памятники, а заодно позволило разбогатеть тебе и твоим приятелям-жрецам, – ну так не трать времени даром! У нас, чтобы ты знал, более спешных дел невпроворот...

Пока он говорил таким образом, Хораспес двинулся в его сторону и подошел вплотную к столу с другой стороны, оказавшись, таким образом, совсем рядом с Конаном. Киммериец видел, как пророк быстро наклонился вперед и, протянув руку над мраморной столешницей, как бы дружески коснулся ладонью плеча посланника. Ирукиец сперва сердито дернулся, но потом вновь опустился на свою подушку. Хораспес же заговорил убедительным тоном, пристально глядя ему в лицо:

– Я понимаю, о брат мой, ты, как и многие, не свободен от сомнений. Но, умоляю тебя, не перебивай. Вскоре все будет объяснено, и, надеюсь, тебя удовлетворит мое объяснение... – Он сделал широкий жест свободной рукой, той, в которой был жезл, охватив весь круг слушателей, и сказал: – Вот единственное доказательство, которое я могу тебе предъявить. Ибо люди не зря называют меня пророком...

Все это время он не выпускал Конанова соседа по столу, и тот притих под его рукой самым странным образом. Конан почувствовал нечто зловещее в его внезапном молчании и даже потянулся к соседу – не нужно ли помочь?.. – но две служанки буквально повисли на нем, держась мертвкой хваткой, и как будто в испуге взирали снизу вверх на Хораспеса. К тому времени, как киммериец стряхнул их с себя, советник уже выпрямился и отпустил плечо усомнившегося ирукийца.

Тот, по всей видимости, разом утратил свой воинственный пыл. Просто сидел и молча смотрел на Хораспеса. На нем был длинный дорожный плащ, но между плащом и рубашкой виднелась узкая щелка – как раз там, где соединялись смуглое плечо и прожаренная солнцем шея. И Конану померещился на теле ирукийца мертвенно-белый след, словно бы

оставленный пожатием невероятно сильной ладони...

Сотоварищи посланника и его рыжеволосая зазноба вновь обнимали его, и он тупо кивал в ответ на их уговоры...

Хораспес же вновь обратился к собравшимся царедворцам:

– Дабы помочь вам воспринять пророчества, которые я вам принес, мой помощник Нефрен и его рабыня воскурят благовония...

По знаку пророка на середину зала вышли двое: тот высокий, худой малый с мечом при бедре и юная девушка-рабыня. Оба держали в руках дымившиеся кадила. Они разошлись в разные стороны и не спеша двинулись вдоль столов. Одной рукой они высоко поднимали кадильницы, другой – помавали папирусовыми веерами, направляя клубившийся дым в сторону слушателей. Конан отметил, что особая кадильница была установлена позади него, перед царским помостом.

Когда тощий телохранитель пророка проходил мимо, вид его безжизненной физиономии внушил Конану величайшее отвращение. Киммериец замахал руками, пытаясь отогнать змеившиеся струйки дыма, но это было бесполезно: запах, острый и пряный, разливался со всех сторон и упорно лез в ноздри. От него на какой-то миг закружилась голова, а перед глазами в свете масляных ламп вспыхнула неяркая радуга.

Носители кадил завершили свой круг, и Хораспес подошел к пустому, ничем не украшенному участку стены в дальнем конце зала. Встав там, он поднял жезл высоко над головой. По всей видимости, жезл представлял собой своего рода писало; Хораспес принял чертить им по стене. Жезл оставлял за собой ярко-красные следы, складывавшиеся в волнистые, петельчатые письмена Шема.

Пророк кончил писать, и Конан взглядался в начертанное им слово, тщетно силясь его разобрать, пока наконец не услышал, как его вполголоса произнесла одна из служанок.

– *Джазарат...* – прошептала она.

Насколько было известно Конану, это значило «Судный День». То тут, то там в зале присутствовавшие начали произносить то же слово. Оно звучало, словно шорох тростника, колеблемого первым дыханием близкой бури.

– Не страшитесь, о соплеменники! – провозгласил Хораспес. – Ибо я не открою вам всего того, что прозрело мое духовное око. Я пощажу вас, скрыв наихудшее. Вы должны лишь смотреть, смотреть на сии письмена, смотреть и постигать их значение...

Тощий телохранитель Нефрен пошел вдоль стены, вытягиваясь во весь свой нечеловеческий рост и одну за другой гася зажженные лампы. Он

прижимал горящие фитильки ничем не защищенными пальцами, но не было заметно никаких признаков боли. Конан пригляделся и заметил: чем темнее делалось в зале, тем – удивительное дело! – ярче становилась надпись, начертанная Хораспесом. Она так и горела на бесцветном матовом камне.

Он прислушался к собственным ощущениям и понял, что помимо собственной воли не отрываясь вглядывается в письмена. Сперва они просто светились у него перед глазами. Зато потом... Потом у Конана попросту волосы зашевелились на затылке. *Буквы замерцали и задвигались!* Они извивались, точно красные змеи, с которыми ему не так давно пришлось сражаться!..

Еще миг – и буквы вспыхнули ярким огнем, а потом разлетелись в разные стороны, словно горящие листья, подхваченные внезапным порывом ветра! Конану даже показалось, будто вместе с письменами рассыпались и самые камни стены. Однако произошло это совершенно бесшумно – в стене как будто открылось большое, с неровными краями окно, и сделалось возможно заглянуть сквозь него в совершенно другой, яркий, красочный мир. Слева и справа от себя Конан услышал изумленные ахи и охи и понял, что ему не примерещилось: остальные зрители увидели то же, что и он. Киммериец даже покосился на стражников, чьи фигуры выхватывали из полумрака отблески неверного света. Стражники стояли с видом полного безразличия; похоже, сверхъестественное посягательство на безопасность дворца их нисколько не волновало. Конан сообразил, что окно было магическим, и привычные воины это хорошо понимали.

– Вот он перед вами, мои благородные господа, – послышался голос Хораспеса. – Вот он, величественный памятник, неприступная крепость, изваянная из камня, плоти и крови! Торжественное свидетельство того, как может достойный правитель сплотить вокруг себя свой народ! Символ всего, чему мы с вами поклоняемся в земных воплощениях Всемогущих Правителей!..

Пока он говорил таким образом, завеса пыли, мешавшая рассмотреть вид за волшебным окном, понемногу рассеялась, и Конан, к своему немалому удивлению, увидел перед собой залитый солнцем пейзаж. Не удержавшись, он даже покосился наверх, на окна зала. Окна были темны: снаружи царил поздний вечер. Тем не менее перед ним сиял полдень в пустыне. Молодой варвар ощутил горячее, пыльное дыхание ветра и услышал нестройный ропот толпы, собравшейся под открытым небом. На расстоянии какого-то полета стрелы от царского возвышения трудилась ватага рабов, тащившая на деревянных салазках огромную каменную глыбу.

Конан услышал ритмичную песню, помогавшую им в работе, и щелканье кнута надсмотрщика. Его ноздрей коснулся едва уловимый запах пота.

Киммериец понимал, что перед ним было чудо. Ночь, внезапно превращенная в день, и город, внезапно сменившийся пустыней. Но в остальном это была самая обычная сцена тяжелого подневольного труда... была бы, если бы на заднем плане не высилось воистину поразительное сооружение, по направлению к которому, собственно, и тащили свою глыбу рабы. Это был титанический ступенчатый зиккурат, и белый треугольный фасад его прорезал столь же гигантский портал, более чем в двадцать раз превосходивший по высоте человеческий рост. Вершина его арки была только что сведена. Повсюду, точно муравьи, копошились и хлопотали строители. Движение человеческих толп направляли еле слышные в отдалении сигналы труб. Конан присмотрелся и вроде бы узнал очертания Ибназабовой незавершенной гробницы. Неужели перед ним была та самая постройка, чудесным образом близившаяся к завершению?.. С другой стороны, чувствовалось в этой пирамиде нечто и от памятников Кеми – стигийского города, лежавшего далеко на востоке. Вот только пирамида Ибназаба далеко превосходила их размерами.

– Так протекает сей труд и ныне, и в будущем, – провозгласил Хораспес. – Смиренный, каждодневный, не знающий устали труд во имя приготовления к следующей жизни. Велики усилия, и скучен их видимый плод, но зато какова будет награда!..

Пророк стоял в потоке света, лившегося из волшебного окна. Вот он взмахнул рукой – и сейчас же с шуршанием взвилась пыль и заволокла все перед глазами.

Все выше и выше вздымались тучи песка, пока полуденное небо не потемнело, а пыль не начала проникать в самый пиршественный зал. Потом ветер улегся и взметенный песок быстро осыпался наземь.

– Когда столь возвышенных людей забирает смерть, это не горе, но час их высшего торжества! – вещал Хораспес. – Сим засевают они поле своей последующей жизни!..

На сей раз небо было не таким ярким и солнечным, а под ним двигалась погребальная процессия. Стены полностью законченной пирамиды розовели в лучах восхода. Колossalные врата стояли настежь распахнутыми, и выдвинутые вперед углы сооружения обрамляли их, словно простертые вперед лапы каменного сфинкса. К пирамиде тек нескончаемый поток колесниц, плакальщиц и носильщиков, нагруженных посмертными дарами. На фоне золотисто-розового утреннего горизонта виднелись замысловато украшенные саркофаги, влекомые на катафалках, и

вереницы быков и коров, которых вели целые армии латников. Слышался гул голосов и похоронная песнь, исполненная печали, но вместе с тем и величайшей решимости. Конан ощущал на лице дуновение утренней прохлады.

— Так воздает правоверный народ почести своему правителю и Богам, — пояснил зрителям Хораспес. — Слово «слишком» изгнано и забыто: три пятых от плода всякого труда отдаются во благо Лучшего Мира. Была бы решимость и воля, а уж богатство найдется! Народ наш многочислен, и его ремесленники вполне в состоянии облечь величественный замысел плотью. И, как я уже говорил вам, братья мои, последние достижения в искусстве бальзамирования дают каждому среди нас, сидящих здесь, в этом зале, верную надежду облечься в сияющие ризы бессмертия!.. — С этими словами Хораспес повернулся еще раз обозреть величественную картину, созданную его колдовством.

И в это время вздохи и возгласы восхищения, раздававшиеся со всех сторон, сменились испуганными вскриками. Ибо на сцене неожиданно появилась еще одна группа скорбящих. Это были жрецы, облаченные в юбки из черной материи; многие из них болезненно сутулились и стонали, тогда как другие хлестали их по обнаженным спинам, а вместо кнутов в руках у них извивались живые змеи. Предводитель, худой, высокий, бритоголовый, был в маске шакала. Он что-то распевал резким голосом и высоко вздымал над головой резной символ, на котором скрещивались две оскаленные, клыкастые змеиные головы.

— Жрецы Сэта!.. — послышались кругом возмущенные перешептывания. — Стигийцы, да будь они прокляты!..

Молодой варвар и сам узнал в них стигийских жрецов — даром, что ли, он путешествовал по тому берегу Стикса.

Хораспес вновь повернулся к толпе, и на его лице была горечь.

— Увы, вы не ошиблись, шемиты. Ибо то, что я показал вам, есть не будущее, но настоящее. Только происходит все это не к северу от реки, а к югу, друзья мои, к югу! Знайте же, что и стигийцы давно стремились к тайне бессмертия, а их познания и ученость ничуть не уступают нашим. И пока мы радостно готовим себя к служению нашему Богу, они столь же усердно готовятся служить своему. Мрачен и упорен их труд, прославляющий темного Сэта!

Эти слова прозвучали меж стен зала, точно вопль скорби. Хораспес выдержал паузу и продолжал:

— Знайте еще, друзья мои: пророк на то и пророк, что ему открыто будущее. И я вам его покажу. Смотрите же, братья! Зрите День, Который

Грядет, День, о Котором нам не дано знать, когда Он настанет! Зрите же и знайте: Он недалек!..

Хораспес снова взмахнул рукой, и вновь стремительно взвилась пыль, забушевала вихрем, заслоняя погребальную процессию и воздвигая перед глазами зрителей невероятные облака. Потом мгла рассеялась, но как бы не до конца, – на сей раз увиденное оставалось окутано зловещей и таинственной дымкой. Хмурое, предгрозовое, отливающее медью небо заливало серые пески мертвенным светом. Пейзаж за волшебным окном был сродни предыдущему, только гигантская гробница придвигнулась еще ближе. Все было мертвое, лишь медленно ползли над головами тяжелые облака. Ни человека, ни зверя. Величественное сооружение и то выглядело заброшенным и одиноким.

Потом послышался звук, поначалу совсем слабый, едва различимый. Начавшись с глухого, низкого стона, он постепенно ширился, делался все громче и наконец оглушительно прозвучал над пустыней, ворвавшись в зал чудовищным ревом непредставимо громадной трубы.

До Конана внезапно дошло, что невероятный звук издавали, распахиваясь, титанические врата пирамиды. Они медленно раскрывались наружу, страшно содрогаясь и скрежеща в высохших петлях. Бронзовые створки, понуждаемые незримой рукой, расходились все шире. Мертвенный свет, заливавший пустыню, не мог проникнуть во тьму, царившую за вратами. И вот наконец металл створок грянул в каменное обрамление, издав грохот и звон, разнесшийся на всю пустыню. И вновь стало тихо.

Все глаза были устремлены в непроглядно темный провал... И наконец оттуда гремящим строем вырвались боевые колесницы. Их влекли огненноглазые кони, ими правили суровые бритоголовые стигийские вельможи и воинствующие жрецы. Развевались потрепанные знамена некогда великой империи. Пышногривые кони, однако, казались живыми скелетами, заключенными в блестящие латы. Да и в неподвижных, заостренных лицах воинов на колесницах угадывалось нечто, говорившее о смерти. И тем не менее войско рвалось вперед с яростной энергией. Сверкали на солнце обитые металлом колеса, мелькали в бешеном вращении острые лезвия, установленные на ступицах...

А за колесницами выступали пешие армии – нескончаемые множества копейщиков с длинными, увенчанными крючьями пиками. Они шагали вперед с той же сверхчеловеческой живостью, что и вельможи на колесницах. Воинствоказалось бесчисленным. Конан смотрел и смотрел, но конца процессии не было видно. Чернота ворот без устали извергала все

новые орды всадников, копейщиков и стрелков...

Против кого же двигалась демоническая армия тьмы?.. Против безоружной толпы! Конан услышал подле себя возгласы испуганного удивления, присмотрелся и понял: несчастные противники, вернее, беспомощные жертвы стигийцев были, судя по одеяниям и головным уборам, шемитами! Кто-то пытался бежать от неминуемой расправы, но медленно, точно в дурном сне. Другие вытаскивали короткие мечи и пробовали дать отпор, но немногих храбрецов либо подминали безжалостно мчавшиеся колесницы, либо окружали всадники и пехота... Одним словом, сыны Шема терпели поражение. Конан видел, как один бородач, одетый богаче многих, размахивал церемониальной секирой, знаком власти сельского предводителя, и пытался организовать хоть какое-то сопротивление... Увы! Вращающиеся серпы стигийских колесниц мгновенно превратили его в кровавую пыль. Придворные, смотревшие из зала, встретили его гибель стонами и яростным криком.

– Смотрите, смотрите, о благородные! –озвысил голос Хораспес. Он отвернулся от волшебного окошка, за которым разворачивались сцены расправ одна страшнее другой. – Мой пророческий дар позволил вам до срока узреть День, Который Грядет, узреть возможное будущее, ибо увы нам! – всего вероятнее, что так оно и совершится в действительности... если только шемиты, одумавшись, вовремя не позаботятся о своей настоящей и особенно будущей жизни!

Он коротко взмахнул жезлом, и кошмар за волшебным окном начал блекнуть и меркнуть.

– Итак, я спрашиваю вас, о братья! В тот Великий День, когда небо зазвучит, словно огромный бронзовый гонг, в тот День, когда ничтожны и жалки окажутся усилия смертных, когда разверзнутся могилы, а великий Стикс потечет черным песком, – спрашиваю вас, о шемиты, сумеете ли в тот День выстоять против своих врагов? Ибо грядет великая битва, победитель которой навсегда завладеет всем миром!

Волшебное окно у него за спиной почти полностью померкло, распадаясь на отдельные мутные пятна. Эти пятна съеживались и на глазах у изумленного Конана вновь превращались в уже знакомые ему багровые письмена. И наконец остались прежние бесцветные камни, а надпись стекла по ним вниз, маляя стену, точно расплавленный воск.

По мере того как слабело заклятие, породившее волшебные картины, в зале рос шум. Слышались возмущенные выкрики, царедворцы вскачивали на ноги и молотили по столам кулаками. Вновь зажглись лампы; многие, и мужчины и женщины, не скрывали слез, и все без исключения выглядели

глубоко оскорбленными и жаждущими мести. Большинство смотрело на Хораспеса – кто умоляюще, кто гневно. Пророк открыл рот, словно собираясь продолжить свою речь, но внезапно передумал, обернулся в сторону тронного возвышения и простер руку к престолу.

Все взоры обратились на царя Ибнизаба...

Глава девятая

Высочайшая награда

Впервые с самого начала пиршества царь Ибназаб приподнялся со своего позолоченного ложа. Ноги держали его не слишком устойчиво, и на всякий случай монарх опирался руками на спинку дивана. Царица снизу вверх смотрела на своего супруга и ободряюще придерживала его за руку. Двое стражников приблизились и встали за спиной у правителя, готовые подхватить полуголую тушу, начни она вдруг валиться. Но Ибназаб, выказывая истинно царское пренебрежение такой мелочью, как законы тяготения, даже отнял одну руку от спинки дивана и ораторским жестом простер ее к слушателям.

– Да укрепятся духом наши верные подданные... То, что показал вам пророк, не станет судьбой великого города Абеддраха. Ибо мы всей душой воспринимаем его советы и поучения. Мы давно уже отбросили мелочную заботу о делах этого мира и полностью посвятили себя упрочению нашего положения в будущей жизни.

Знайте же, о подданные! Мы тоже созерцали видения, дарованные нам при посредстве таинственных трав. Мы видели грядущие чудеса и грядущую славу. О жители Абеддраха, ваш царь с нетерпением ждет их пришествия! Должно и вам приготовиться с радостью покинуть этот мир, чтобы пробудиться для вечной жизни. Воистину, Эллаэлю Великому ведомо, как ревностно мы готовимся ко Дню, Который Грядет!

Голос царя, и поначалу-то не особенно звучный, сделался вовсе писклявым и бесцветным из-за одышки. Он опустил простертую руку, обрюзгшая голая грудь ходила ходуном. Вот он снова вытянул руку, хотя и не так высоко, как в первый раз.

– К тому времени, когда мы наконец будем готовы к переходу в Мир Иной, наше посмертное обиталище должно стать самым великолепным из памятников по сю сторону Великой Реки. Любые затраты для нас – ничто. Только сегодня мы распорядились о покупке сотни прекраснейших лошадей: они будут сохранены до дня нашего успения, дабы вместе с конюхами и запасами корма послужить нашим знатным воинам для войны и развлечений. Все прочее также готовится – казармы для войск, писцы и певцы для нашего сопровождения... вплоть до ловчих свор и псарай. В последующей жизни не должно случиться ни малейшей нужды, о которой

мы не позабыли бы загодя. Таким образом, наше предвидение... наша предусмотрительность полна и надежна. Не беспокойтесь же, о подданные, о нашей судьбе...

Энтузиазм царственного оратора возрастал на глазах, но о его силах этого, увы, никак нельзя было сказать. Его голос быстро слабел, он начал грузно наваливаться на спинку дивана, и диван зашатался. Царица Нитокар поспешила встала и помогла супругу опуститься обратно на ложе. Ибнизаб вовсю продолжал говорить, но никто, кроме находившихся совсем рядом, его больше не слышал, да и жесты, которыми он сопровождал свою речь, видела лишь склонившаяся над ним Нитокар. Хораспес же снова взял слово и елейным голосом продолжил речь Ибнизаба:

– О радость, благородные мои друзья! Итак, Абеддрахская держава тесно сплотилась вокруг своего мудрого и дальновидного правителя. Волею Эллаэля, да победим!.. – Пророк опустился на одно колено и отвесил низкий поклон в сторону тронного возвышения. – Прими, о великий царь, мою непреходящую преданность... Восславьте же, подданные, милосердных Богов, ниспославших вам такого царя! – Он поднялся. – А вы, о достопочтенные иноземцы, глубоко задумайтесь над тем, что я ныне вам показал. Засим – прощайте! Доброго отдыха вам всем до утра!

В очередной раз обведя широким жестом весь зал, Хораспес распустил высокое собрание. Последовали здравицы и рукоплескания; они показались внимательно наблюдавшему киммерийцу гораздо более прочувствованными, нежели обычная реакция придворных на монаршую речь. Конан поднялся на ноги вместе со всеми, но орать и хлопать себя по бедрам, как другие, не стал. Его миловидные подружки, по-видимому, это заметили и попытались скрыть от постороннего глаза его неподвижность, преувеличенно выражая собственные верноподданнические чувства.

Что касалось остальных присутствовавших в зале, то, если не считать замерших, как статуи, стражей, несколько подавленными выглядели лишь ирукийские посланцы. Они почтительно поклонились царской семье и один за другим направились к выходу. Чувствовалось, что пророчества Хораспеса глубоко потрясли их, но до конца не убедили. Наиболее подавленным выглядел Конанов недавний сосед, посланник по военным делам. Он был бледен и безо всякого выражения смотрел прямо перед собой, причем держал одно плечо заметно выше другого. Он все никак не мог прийти в себя от «нечаянного» прикосновения стигийца.

Видя, что все потянулись к дверям, Конан решился было затеряться в толпе и благополучно исчезнуть. Девчонки, однако, ухватили его за руки и

принялись всячески уговаривать повременить. Им, конечно, нипочем не удалось бы его удержать, но тут Конан заметил еще и двоих стражников, направлявшихся в его сторону.

– Погоди, северянин, не спеша покидать! – раздалось за спиной.

Конан изумленно повернулся на голос: сам пророк Хораспес соизволил обратиться к нему! Между тем царский советник остановился подле него; круглое лицо расплывалось в улыбке, глазки-бусинки масляно поблескивали.

– Настает ночь твоей славы, варвар! – сказал он киммерийцу. – Своей силой и мощью ты завоевал себе право сидеть возле ног высочайшей четы. Возможно, до утра ты познаешь еще и иные дивные чудеса и вкусишь неведомые наслаждения... Смотри не окажись недостоин!

Он расплылся еще шире, чуть ли не подмигивая пленнику. Потом повернулся и проследовал далее к тронному возвышению, с которого его приветствовала царица Нитокар.

Перемолвившись с пророком, Нитокар посмотрела на Конана и тоже улыбнулась ему, и в этой улыбке, озарившей накрашенное лицо, молодой киммериец явственно прочел ненасытное желание – и самое что ни есть бесстыдное приглашение. У него почему-то пробежали между лопаток мурашки, он сам толком не понял отчего. То ли пробудившееся плотское желание было тому причиной, то ли недобroe предчувствие... Так или иначе, стражники продолжали торчать поблизости, и Конан позволил девицам увлечь себя обратно на шелковые подушки. Четыре нежные ладони снова отправились путешествовать по его плечам.

Почти все придворные, кроме знатнейших, уже удалились из зала, и слуги завесили выходы портьерами. Только на тронном возвышении еще лилось вино и передавались подносы со сладостями. Царь Ибназаб возлежал на диване, окруженный родней и приближенными; он что-то неразборчиво бормотал, поводя в воздухе бледными, заплывшими жиром руками. Царица Нитокар склонялась над ним, ее длинная пектораль касалась его лица и груди. Конан видел, как она отвернулась и шепнула что-то двоим слугам. Те опрометью бросились исполнять неведомое поручение.

Спустя недолгое время они возвратились, вдвоем неся на раскрашенных носилках странное приспособление. Оно представляло собой пузатый сосуд на подставке из кованого золота в форме озерного лотоса. В самой сердцевине цветка покоялась на золотых лепестках хрустальная сфера, по всей видимости, заполненная какой-то прозрачной жидкостью. Сферу покрывала золотая же крышка, от которой отходили

всевозможные гибкие трубочки, похожие на тычинки невероятного цветка. Слуги опустили свой груз на низкий столик рядом с царским ложем, и Нитокар занялась странным сосудом. Она принялась сыпать разноцветные порошки в воронки, которыми кончались некоторые трубы; порошки эти хранились в самоцветных фланчиках и внутри ароматических шариков, подвешенных к ее поясу. Взяв серебряные щипцы, Нитокар позаимствовала с ближайшей жаровни горячих углей и устроила их под шаром...

Вскоре жидкость внутри сосуда начала пузыриться, из устройства потянулись вверх струйки желтого дыма. Царица взяла одну из трубок и поднесла ее к губам своего распостертого супруга, все так же безгласно изрекавшего указ за указом.

Сперва Ибназаб не обратил никакого внимания на жену. Но она упрямо держала слегка закопченный дымом мундштук, вырезанный из слоновой кости, у него перед носом, направляя дым ему в лицо, и наконец царь повернул голову, встретившись с нею глазами. Нитокар бережно вложила мундштук ему в рот, что-то нежно сказала на ухо и отвернулась к своему устройству – поправить трубы на крышке. Потом взяла другой мундштук и энергично подула в него, так что в хрустальной сердцевине лотоса заметались пузыри и гуще прежнего заклубился желтый дым.

Как видно, изрядная порция дыма угодила прямо в легкие Ибназабу: он задохнулся, все его тело судорожно напряглось, а дым начал выходить из ноздрей. Видя это, Нитокар алчно улыбнулась и стиснула его дрожащую руку. Потом склонилась и долго, убедительно шептала что-то на ухо мужу. И вновь дунула в трубку, отчего с ним приключилась новая судорога блаженства. Пальцы его свободной руки задергались и стали царапать. Хораспес, сидевший по другую сторону дивана, незаметно взял руку царя в свою. Нитокар с наслаждением наблюдала за впавшим в экстаз Ибназабом. Лениво поглаживая его вспотевшее чено, она болтала и шутила с Хораспесом.

Пока царь вкушал неземные восторги, вдыхая дымок, люди, сидевшие на тронном возвышении, занимались каждый своим делом. Пророк беседовал с царицей, тощий телохранитель Нефрен внимательно слушал их разговор, а толстощекий мальчишка развлекался тем, что изводил слуг. В какой-то миг он дошел до того, что замахнулся на девушку-служанку кинжалом, выхваченным из поясных ножен. В ужасе шарахнувшись от блестящего лезвия, девчонка опрокинула кувшин с напитком, который держала. Слуга постарше наградил ее оплеухой за столь вориющую неуклюжесть и выставил вон. Служаночка, всхлипывая, убежала, а высокородному отпрыску никто никакого замечания не сделал.

Юная царевна все это время сидела сама по себе, чертя писалом по дощечке и не обращая ни малейшего внимания на происходившее рядом с ней. Лишь один раз она бросила на старших членов семейства взгляд, в котором мешались ужас и отвращение. И вновь поспешила отвернуть глаза...

В конце концов Ибназаб впал уже в совершеннейший ступор, костяной мундштук выпал у него изо рта. Сонное лицо раскраснелось, закатившиеся глаза были устремлены в неземные пределы. Царица щелкнула пальцами, и к дивану немедленно поспешили четверо сильных мужчин. Они подсунули руки под обмякшее тело, сцепили пальцы и отработанным движением, говорившим о немалом опыте в такого рода дела, вчетвером подняли Ибназаба. Нитокар кивнула головой, и царя понесли прочь, – вероятно, в опочивальню. Вооруженная стража столь же привычно заняла места впереди и позади носильщиков.

Это послужило знаком полного окончания пира. Все сидевшие на тронном возвышении поднялись со своих мест.

Конановы подружки выскользнули из-под его рук, рассеянно блуждавших по упругим юным телам. Они стали побуждать киммерийца подняться, а Нитокар тем временем обратилась еще к двоим слугам, – судя по малости их одежд, ее личным приближенным. И притом евнухам; об этом говорили их нахальные взгляды и безволосая кожа смазанных маслом тел. Обращаясь к ним, царица все посматривала на Конана. Вскоре все трое стали спускаться с возвышения, направляясь туда, где сидел варвар.

– Что ж, мой отважный чужеземец, ты в самом деле довольно ловко разделался с Хада Хуфи! – Голос у Нитокар был низкий и звучный. Она говорила, а губы и брови изгибались самым бесстыдным образом. – Я, право же, рада: его представления со змеями успели изрядно мне надоест! Но ты, наверно, вконец замучился, у тебя все болит...

Она стояла прямо перед ним, верные слуги – по бокам. Подняв унизанную кольцами холеную руку, царица неожиданно крепко стиснула его руку повыше локтя.

Конан с трудом принудил себя к неподвижности: его так и подмывало отпрянуть, избегая ее прикосновения. Он ответил:

– Воистину, госпожа, я в порядке. Эти две девушки только и делали, что растирали меня... – Оглянувшись, он с некоторым удивлением убедился, что девчонки торопливо уносили ноги по направлению к дальней двери. Только и было видно, как перекатывались при ходьбе две аппетитные попки.

– Вот как? Значит, тебе необходимо посетить мои покои: я сама проверю, хорошо ли они позаботились о твоих ранах, – заявила Нитокар. –

Знай, я весьма искусна во врачевании и храню у себя множество мазей и притиражий, способных быстро восстановить твою силу... – Ее рука еще крепче стиснула его бицепс, так, что накрашенные коготки впились в тело. Стоя между евнухами, царица притянула Конана к себе. – А ты, в свою очередь, расскажешь мне, где ты выучился так драться...

Делать нечего, Конан позволил троице отвести себя к небольшой двери в головной части зала. Особого выбора у него не было, хотя душу так и распирало отвращение: он уже видел, что под покровом чувственности царица скрывала чудовищную жестокость. Шагая мимо тронного возвышения, киммериец ощущал на себе взгляды. Хораспес смотрел с холодной насмешкой. Юная царевна, уже повернувшаяся уйти, – с едва скрываемым отвращением. Остальные масляно лыбились, явно понимая, зачем Конан топает к выходу следом за красавицей царицей. Евнухи по-прежнему держались рядом с молодым великаном, но он отметил про себя, что на сей раз дворцовая стража за ними не следовала.

– Мне очень нравится борьба, – продолжала между тем Нитокар. – Хотя этот вендиец был поистине невыносим. Вечно намажется этой своей дрянью, от которой разит прогорклым козым маслом...

Они поднялись по каменному пандусу, минуя внутренний садик с фонтанами. Множество ламп заливало его светом, похожим на настоящий дневной, между ветвями деревьев сновали розовые и золотистые пташки.

– Хада Хуфи был так груб! И почти не говорил по-шемитски. Вечно угрюмый... все они такие, эти чужеземные рабы, за которых платят сумасшедшие деньги. Разве подобный человек мог должным образом оценить мое искусство?

Наверху пандуса находилось мраморное крыльцо с колоннами, а за ним – широкий коридор, почти сразу загибавшийся в сторону. Туда-то они и направились.

– ...Ибо умение управлять человеческими чувствами есть своего рода искусство, – без умолку болтала царица. – Со времен древности из рук в руки передаются замечательные секреты, изобретения ученых мудрецов. Например, удивительные мази: они могут многократно усилить и наслаждение, и боль... – Она вновь многозначительно подняла брови и засмеялась, как замурлыкала. – Но кто возьмется сказать, где кончается удовольствие и начинается страдание?.. И наоборот?.. И велика ли разница между ними?..

Она заговорщицки прижалась к Конану, и он заметил, что одновременно придвинулись ближе и ее приспешники.

– Вот, например, я храню у себя плеть-пятихвостку, – продолжала

Нитокар. – Все шипы на ней смазаны разными веществами, каждое из которых воздействует на плоть по-особенному. Целый пир боли!.. Пир, щедро приправленный наслаждением!.. Всякому, кто когда-либо оказывался у меня под кнутом, я предлагала попробовать разграничить наслаждение и страдание!.. Как ты думаешь, многим ли это удалось?..

Они добрались до высокой позолоченной двери в конце коридора.

– Я не сомневаюсь, ты получишь огромное удовольствие, мой варвар... – обернулась к Конану Нитокар и подняла руку, чтобы погладить его по щеке. – Так или иначе, если судьба уготовила тебе нечто, вовсе не спрашивая, хочешь ты или не хочешь, – лучше уж расслабиться и получить удовольствие...

Один из слуг распахнул тяжелую дверь. Комната, представшая глазам киммерийца, напоминала не будуар, а скорее аптеку. Всюду – столы со всевозможными баночками и флаконами, по стенам развешаны какие-то странные приспособления... По мнению Конана, здравомыслящему человеку в подобном помещении было решительно нечего делать. Он и не собирался переступать порог, покуда была на то его воля. Он выдернул свою руку из руки царицы, игриво увлекавшей его вперед. Еще миг – и его локоть врезался под ребра слуге, наступавшему ему на пятки. Он почувствовал, как его локоть буквально проткнул слои по-детски мягкого жира на животе евнуха, добираясь до крепкой мускулатуры.

Слуга изумленно выдохнул, переламываясь в поясе. Развернувшись, Конан снизу вверх вмазал ему в рожу коленом и довершил дело, опустив бедняге на затылок тяжелый, как молот, кулак. Однако угомонить толстяка оказалось не так-то просто даже ему. Тот никак не падал: согнулся, шатался, но все-таки еще силился вслепую ухватить Конана поперек тела. *Шут его знает, – мелькнуло в голове у киммерийца, – может, коварная Нитокар его накачала какой-нибудь гадостью, он и не чувствует ничего!..* Выругавшись, Конан нагнулся, сцепил евнуха за пояс, поднял его, брыкающегося в воздухе ногами, и с размаху швырнул вниз головой о дверной косяк.

– Неотесанный варвар! Ты заплатишь, если... – пронзительно закричала Нитокар. Вмешаться она, правда, и не пыталась. – Стража! Раб взбунтовался! Взять его!.. А-а-а...

Вопль оборвался: поверженный слуга рухнул в ноги царице, так что оба опрокинулись через порог. Это освободило дорогу второму евнуху. Тот осторожно обошел упавшую Нитокар, перепрыгнул через своего сотоварища и со всех ног погнался за Конаном.

Киммериец уже удирал по коридору, но, заметив погоню, повернулся к

евнуху лицом. Его преследователь успел прихватить из спальни царицы оружие – длинный кинжал с волнистым лезвием. Этот кинжал не показался Конану пригодным для серьезного дела. Скорее он был призван ласкать чей-то глаз. А может быть – внушать страх.

– Ну, давай, давай, – прорычал киммериец, обращаясь к слуге. – Если бы ты уже не был евнухом, я бы тебе...

Тот зарычал в ответ и бросился к нему, держа свое оружие на уровне пояса. Подскочив, он занес кинжал высоко над головой, но Конан ударили его по руке, уходя от удара. Кинжал пошел в сторону, описывая дугу, и Конан перехватил его рукоять. Он полоснул евнуха по брюху, потом вздернул руку, метя в горло. Тонкое лезвие застряло в сухожилии под подбородком и обломилось. Слуга царицы схватился за горло и, невнятно булькая, осел на пол. Конан отшвырнул окровавленную рукоять и со всех ног кинулся прочь.

– Сдавайся, варвар! Стра-а-ажа! Взять его, говорю! Он оскорбил вашу царицу! О-о-о...

Призывы Нитокар стихли сами собой: она склонилась над еще дергавшимся рабом. Заворачивая за угол коридора, Конан оглянулся в последний раз и увидел: царица поднесла к лицу руку, перемазанную в крови, и завороженно уставилась на нее...

Несмотря на весь поднятый ею шум, стража что-то не торопилась. Тем не менее впереди в коридоре Конану померещился шорох. Он начал оглядываться, ища хоть какой-нибудь путь к отступлению. Одна из позолоченных дверей в коридоре была приоткрыта. Или ее как раз собирались закрыть. Конан, не раздумывая, кинулся в ту сторону и влетел внутрь, без усилия вынеся дверь плечом. Громадный, грозно сжатый кулак готов был укоротить любого.

Дверь, резко распахнутая его натиском, отшвырнула в глубину комнаты тоненькую фигурку. Здесь горела всего одна масляная лампа, не дававшая яркого света, но Конан сразу узнал юную девушку, сидевшую во время пиры на тронном возвышении. Она даже не успела переодеть темно-зеленого платья, только вынула шпильки, удерживавшие прическу, так что лицо обрамляли каштановые завитки.

Кроме нее, в комнате никого больше не было.

Девушке никто не мешал закричать, но она только ахнула. И молча смотрела на Конана. Похоже, она была до того потрясена неожиданным вторжением, что потеряла дар речи. Киммериец, не тратя времени попусту, тихо притворил за собой дверь и надежно запер ее.

– Предупреждаю: лучше не кричи, – сказал он девчонке. – Будешь

сидеть тихо, обещаю, не трону.

Она кивнула и быстро обежала его взглядом. Потом сказала:

– У тебя рука в крови.

Она говорила очень тихо, но голос не дрожал.

– Ага, – проворчал Конан и тоже посмотрел на выпачканный кулак.

Он оглядел комнату и убедился, что это была опочивальня с единственным выходом в коридор. Обнаружив на столике золотой умывальник, Конан подошел к нему. К девушке он спиной на всякий случай не поворачивался: еще надумает сбежать, пока он умывается. Потом он спросил:

– Слышала небось крики в коридоре?

Она утвердительно тряхнула кудрями и, пытаясь изображать безразличие, сказала:

– Крики, доносящиеся из покоев Нитокар, – самое обычное дело...

Конан кивнул, вытирая руки краешком тканой шпалеры, висевшей подле умывальника.

– А ты, значит, царевна?

– Да. Я – Эфрит.

С распущенными волосами она выглядела совсем девочкой, но тело под облегающим платьем было по-женски влекущим. Сдвинувшись с места, Эфрит с уверенностью прирожденной аристократки проследовала мимо Конана, взяла тазик с кровянисто-мутной водой и опорожнила его в каменный слив в углу комнаты.

– И тебе совсем не интересно, чья это кровь?.. – спросил Конан, которого ее действия привели в некоторое замешательство. – Царица, по крайней мере, жива...

– Ну и очень плохо, – ответила девушка. – Терпеть не могу Нитокар!.. – Эфрит поставила умывальник на место и с вызовом поглядела на Конана. – Если ты натянул ей нос, я только с большим удовольствием тебе помогу!

– Нитокар, похоже, опасная стерва... – проговорил киммериец.

– Опасная!.. – взорвалась царевна и возмущенно шагнула к Конану. – Эта сука мою маму отравила, чтобы надеть на себя корону!.. А теперь травит и отца!.. Это из-за нее Абеддрахский двор превратился в свинарник, а я только смотрю и сделать ничего не могу!..

Она была такой маленькой и хрупкой, особенно по сравнению с ним, но Конан поймал себя на том, что рука сама собой поднимается в защитном движении. Кончилось же тем, что он заметил в ее глазах слезы бессилия... и осторожно погладил царевну по волосам, успокаивая:

– Ну, что ты, девочка... не плачь.

Она стряхнула его руку, а заодно и слезы:

– Что за глупости!.. Какое, спрашивается, тебе дело до горестей сильных мира сего?.. – Она отвернулась. – И я тоже хороша: вздумала открывать душу простолюдину! Да притом чужестранцу, у которого другой заботы нет, как только удрать отсюда и сохранить свою ничтожную жизнь...

– Ну... это последнее не лишено некоторого основания, – признался Конан. – Значит, так, если в самое ближайшее время по-прежнему не будет особого крика и шума, я вылезу вон в то окошко и не буду более тебе досаждать. – И он кивнул на окно в противоположной стене, забранное позолоченным деревянным экраном. – Так, значит, говоришь, все эти слухи насчет Нитокар – правда?..

Эфрит раздраженно передернула плечами:

– Не знаю, о каких слухах ты говоришь, но думаю, что правда! Такое чудовище, как она, невозможно оклеветать: припиши ей любой порок, и он наверняка у нее обнаружится!.. – Она вновь обратила к варвару мокре от слез лицо. – Нитокар была личной лекаркой моей мамы. Она втерлась в доверие к несчастной больной женщине и постепенно добилась, что та жить не могла без тех самых зелий, которые ее в конце концов в могилу свели!.. А мой отец – он даже и не думал о возмездии. Боюсь, мама ему давным-давно надоела... – Голос царевны срывался, в горле, по-видимому, стоял ком. – Нитокар живо совратила его... и точно так же подчинила своему злому влиянию! Теперь его дни сочтены, и все это знают, только ни у кого не хватает мужества встать и прямо заявить об измене...

Конан озадаченно нахмурился:

– А что все-таки будет, если кто-нибудь изобличит отправительницу?

– Отец только умрет еще раньше либо сойдет с ума, лишившись снадобий Нитокар. Когда она запаздывает со своими «лекарствами», на него становится страшно смотреть – так он бесчинствует и страдает...

– Ну, а чего добивается царица? – спросил Конан. – Собирается загнать его в гроб и сама городом править?

Эфрит вздохнула:

– Согласно абеддрахским законам, здравствующий монарх сам определяет наследование. И боюсь, отец в самом деле отдаст предпочтение не мне, а Нитокар и ее пакостному ублюдку, Иблису. Он, конечно, говорит, будто любит меня больше всего на свете. Когда он... когда он вообще в состоянии говорить, он только и бормочет о том, как ему хотелось бы никогда не расставаться со мной. Но я – женщина... и к тому же, в его-то глазах, – совсем ребенок... Разве он примет меня всерьез!..

— М-м-м... смелые замыслы, — пробормотал Конан. — Должно быть, у Нитокар могущественных друзей при дворе — как котов на помойке!

Эфрит горько рассмеялась:

— Куда уж могущественнее! Взять хоть Хораспеса — единственного, чья способность творить зло превосходит ее собственную...

Тут царевна замолчала на полуслове. И она, и ее, с позволения сказать, гость чутко прислушивались к тихим шагам в коридоре.

— Царица, наверное, уже начала розыски... — прошептал Конан и двинулся к окошку.

— Нет, нет, погоди! Если тебя вправду ищут, ни окно, ни дверь не безопасны!

Эфрит загасила лампу и быстро перебежала комнату. Теперь опочивальню озарял только мутноватый лунный свет, и Конан напрягал зрение, провожая глазами силуэт царевны: что там на уме у девчонки, не предательство ли она замышляет? Но она только расстегнула платье — у подмышек, по бокам и возле колен — и отшвырнула его прочь, представ неясно-бледным пятном в темноте. А потом, так же быстро, натянула через голову длинную хлопчатую рубашку. Повернувшись, она поманила варвара рукой. Она становилась все более видимой в темноте по мере того, как глаза Конана привыкали к отсутствию света.

— Уходить прямо сейчас было бы неразумно, — сказала она. — Вот что: если сюда ворвутся, я притворюсь спящей. А ты спрячься вон тут! — Она склонилась над постелью, стоявшей посередине комнаты на довольно порядочном возвышении, и сдернула шелковое покрывало. Оказалось, постельное белье с дальней стороны ложа свешивалось вниз, на пол. — Я сама часто там сплю, когда жара...

Конан пытался разглядеть выражение ее лица в тусклом полусвете, падавшем из окна. Шагов в коридоре больше не было слышно.

— А ты, — спросил он, — не боишься, что меня найдут здесь... с тобой?..

Она передернула хрупкими, почти нагими плечами.

— Ты еще не понял, что в этом дворце более чем странные связи скорее закон, нежели исключение? Хватит уже им чесать языками, будто я здесь единственная, кто спит в одиночестве... — Она уселась на постель и застыла в целомудренной, девической позе. — И потом, беседа с тобой меня забавляет. Все остальные... они до того помешаны на всевозможных интригах, что и поговорить-то по-человечески ни с кем нельзя, тем более — душу открыть...

— Вот это стыд и срам, — сказал Конан и тоже сел на постель, стараясь не помять тончайшие простыни. — У такой девушки, как ты, должно быть

много друзей. Настоящих, преданных друзей.

– Спасибо тебе, – отозвалась она. – Ты... тебя ведь Конан зовут?

Ему померещился румянец на бледном лице. Она смотрела на него в темноте, стараясь уловить кивок.

– Абеддрахский двор болен... тяжелая болезнь разъедает его, – продолжала Эфрит. – Хораспес с царицей всех околдовали. Царедворцы теперь только и делают, что добиваются их благосклонности!

– Хораспес! – сказал Конан. – Так ты, значит, не веришь в его пророчества?

– Нет! – Эфрит с горечью тряхнула головой. – Но то, что мы видим здесь у себя, ведь это только начало! Его учение будет разрастаться, как опухоль, и разорять другие города, не только наш Абеддрах. Сколько пота и крови пойдет на сооружение этих никому не нужных гробниц!.. Его «пророческий» бред и колдовские штучки – как мало в них общего с нашей, истинно шемитской древней религией! Какая-то сборная солянка, вполне, однако, годящаяся, чтобы одурачить глупцов и простолюдинов и заставить их следовать за пророком – разумеется, в его целях...

Конан кивнул:

– Вполне возможно. Во имя Крома, он и так кудряво живет! И царь во всем его слушается...

– Да, и, если моя мачеха займет трон, его влияние только усилится! Она уже и теперь ему помогает заставить вельмож ходить по одной половине... – Эфрит задумчиво смотрела во тьму. – Но все-таки мне кажется, что истинные его мотивы лежат еще глубже. Не могу себе представить, чтобы он, как большинство жрецов, удовольствовался ролью опоры могущественного самодержца... – Царевна повернулась к Конану, рассуждая. – Ты знаешь, он сущий аскет: плотские утехи мало волнуют его. А этот его телохранитель, Нефрен... мне иногда кажется, что в нем и жизни-то нет... бр-р! – Она обхватила себя руками, неожиданно озябнув в жаркой комнате.

– А ты, понятное дело, остаешься крайней во всей этой неприглядной истории, – сказал Конан и пододвинулся ближе, коснувшись рукой ее плеча. – Если бы все делалось по праву, тебе воистину нечего было бы бояться. Такая женщина, как ты... с твоим-то положением и талантом... По-моему, ты даже в этих интригах способна запросто переиграть Нитокар!

Царевна крепко схватила его руку, лежавшую у нее на плече.

– Твои слова да Богам в уши, Конан!.. Я... я даже еще не женщина, и моя юность... она становится препятствием. Я стараюсь учиться, но могу

ли я в ближайшем будущем что-либо предпринять? Конан, ты мне поможешь?..

– Я?..

Киммериец приобнял жмущуюся к нему девушку, ощутил ее мягкие волосы у себя на плече. В прикосновении девичьего тела мешались отчаяние и надежда.

– Я?.. Но что я-то могу?..

– Убей для меня Нитокар! Ты можешь это сделать! Ты силен и безжалостен!.. – Она смотрела снизу вверх, он чувствовал ее горячее дыхание. – Когда ее не станет, я найду какой-нибудь способ исцелить отца! Ступай и сделай это прямо сейчас! Я дам тебе нож!..

– Нет, царевна. Я не наемный убийца. И не дурак. – Он покачал головой и решительно отстранился. – Я и так уже впутался в ваши семейные дела гораздо глубже, чем мне когда-либо хотелось...

– Пожалуйста, Конан!.. Не ради меня – ради города!..

И вновь звуки, донесшиеся из коридора, заставили их замолчать. На сей раз это были шаги – близкие и тяжелые. В дверь застучали, потом окликнули:

– Царевна! Царевна Эфрит!.. Ты у себя?

Это был приглушенный мужской голос. В скважине заскрипел ключ.

– Прячься! Скорее! – шепнула Конану Эфрит. – Дверь открывается снаружи!

Конан живо выскользнул из ее рук и скатился за кровать. В тот же миг бронзовый засов отскочил вверх и через порог хлынул свет масляных ламп.

– Царевна, простишь ли ты нас за беспокойство? Дело в том, что на свободу вырвался опасный преступник...

Говоривший помедлил на пороге полуоткрытой двери, потом все-таки вошел внутрь. Это был молодой стражник в пернатом шлеме капитана, за спиной у него маячили еще двое.

– Мне велено, – сказал он, – обыскать все комнаты в этом крыле дворца...

Эфрит натянула на себя самую верхнюю, самую прозрачную простыню.

– Я спала, капитан Арамас, ты меня разбудил! Неужели ты в самом деле думаешь, будто здесь могут прятаться какие-то беглецы?..

Офицер нерешительно переминался возле порога. Вне всякого сомнения, он приписал покрасневшие щеки и странноватый голос царевны вполне понятному раздражению.

– Умоляю простить меня, царевна Эфрит, но мы должны все

осмотреть... Если он незамеченным проскользнул куда-нибудь сюда и затаился, тебе угрожает страшная опасность!

Арамас поставил зажженную лампу на стол. Двое стражников вошли в комнату и взялись за дело. Они открывали шкафы, отодвигали занавеси, даже выгляднули из окна. Наконец тот, что был старше и крепче, повернулся к Арамасу:

– Никого, капитан... Никаких признаков, чтобы кто-то вылезал из окна... погодите-ка, а это еще что?..

Направляясь обратно к двери, воин наступил на простыню, ниспадавшую с ложа Эфрит, и обо что-то споткнулся. Когда он нагнулся рассмотреть это что-то, из-под простыни высунулась здоровенная лапища и стиснула его горло. Потом появились голова и плечи киммерийца. Отбросив ногой простыню и продолжая сжимать глотку стражника, свободной рукой он уже тянулся к его вдетому в ножны мечу.

– Нет, Конан, нет! Пожалуйста, остановись!..

Отчаянные мольбы Эфрит, которым придавали убедительности острия двух мечей у его шеи, заставили Конана сжалиться. Он отшвырнул полузадушенного стражника, – тот, с налившимся кровью лицом, шатнулся прочь, силясь перевести дух, – и опустился на колени перед Арамасом и тем другим, точно пойманный волк.

– Вот так и стой, негодяй! Одно движение – и ты покойник! – предупредил его капитан. Потом укоризненно посмотрел на царевну: – А ты говорила нам, госпожа, будто здесь никого нет...

Вылезая из постели, чтобы остановить Конана, Эфрит сбросила простыню; теперь она повернулась к Арамасу, уже совершенно забыв о всяческой скромности.

– Присмотрись к нему, капитан, и сжалься над ним! – сказала она. – Это не преступник, а всего лишь несчастный раб, и все его преступление – в том, что он пытается отстоять свою жизнь! – Тут она коснулась правой руки офицера. – Я давно присматриваюсь к тебе, капитан Арамас. Я знаю, что ты великодушен и неподкупен! Да и о жестокостях, которые творит моя мачеха, ты достаточно осведомлен! Неужели у тебя рука поднимется вернуть ей... ее игрушку? Пощади его! Пожалуйста, пощади!..

Слушая эту взволнованную мольбу, капитан то и дело как будто помимо собственной воли отвлекался от пленника (с которого ему полагалось бы не спускать глаз) и, похоже, не мог отвести взгляда от Эфрит. Действительно, едва расцветшая красота ее лица и тела, с грехом пополам прикрытого рубашкой, даже Конану мешала сосредоточиться на приставленных к его горлу мечах.

Капитан Арамас начал медленно, но верно заливаться румянцем.

– Но что я могу сделать, царевна?.. Это не в моей власти...

Эфрит пристально смотрела ему в глаза.

– Вот что ты можешь сделать, мой капитан, – сказала она. – Сегодня во имя извращенных удовольствий царицы Нитокар убили человека. Отдай служителям мертвецкой его тело, а этого беглеца отпусти. Скажешь, что он был зарублен при побеге!

Арамас наконец повернулся к Конану.

– Этот малый опасен, моя госпожа. Он чужеземец, и притом искусный боец. Не хотелось бы отпускать его на волю...

– Ну так оставь его под стражей. Или отправь работать в гробницу. Он сильный, там с него будет толк.

– Да, работник из него, пожалуй... – Капитану все-таки мучительно трудно было надолго отворачиваться от Эфрит. – Но, царевна, ты же понимаешь, что в случае чего мне не сносить головы...

Эфрит кивнула в сторону двоих его подчиненных, которые неуверенно смотрели на них и, похоже, не вполне понимали, о чем идет речь.

– Твои люди верны тебе. Они будут молчать, – сказала она. – Сделай это для меня, и я отплачу тебе своим... своим покровительством. И любой помошью, какая тебе понадобится.

Сделка не сулила особых выгод, но капитан, похоже, этого не осознавал. Эфрит выпустила его запястье, но он накрыл ее ручку ладонью.

– Хорошо, моя госпожа. Я незаметно выведу его отсюда. – Он погрозил Конану мечом. – А ты веди себя тихо, не то убью, как собаку! Пошли!

Конан обошел кровать и переступил порог, чувствуя на себе прощальный взгляд царевны. *Помни меня!* – говорил этот взгляд...

Глава десятая

На строительстве усыпальницы

Буквально на следующий день все работы по строительству Великой Усыпальницы приказано было ускорить. С вершины рукотворного холма то и дело рявкали трубы, поминутно хлопали бичи надсмотрщиков, так что все более многочисленные толпы прокаленных солнцем трудяг сновали, как муравьи, по каменным и земляным склонам своего чудовищного муравейника. В их число с каждым днем вливались все новые толпы крестьян, согнанных с земли небывало высоким подъемом великой реки Стикс.

Если верить тому, о чем шептались между собою работники, для ускорения работ имелась веская причина. Поговаривали, будто здоровье царя окончательно пошатнулось, несмотря на величайшие усилия его супруги и главной лекарки, Нитокар. А значит, народу надлежало не жалеть сил, дабы усыпальница Ибназаба встретила день его успения полностью завершенной.

Придворные и думающая часть горожан были, однако, более склонны верить слухам несколько иного свойства. Якобы Хораспес, всесильный советник царя, со дня на день ждал приглашения посетить северных соседей – город-государство Ирук. Соответственно, прежде, нежели отправляться сеять семена своей веры в иную, быть может более тучную почву, он желал видеть гробницу Ибназаба завершенной или почти завершенной.

...Конан оказался как раз на своем месте среди шума и неразберихи подневольных работ. Как это на первый взгляд ни странно, его чужеземная внешность и акцент, равно как и особое положение арестанта, притащенного из самого дворца, только облегчили участь киммерийца. Его не поставили, как всех, в упряжку и не заставили заниматься беспросветным, однообразным трудом. Надсмотрщики скоро обратили внимание на его выдающиеся физические способности и предпочли поберечь его на тот случай, если потребуется исключительная сила и притом сообразительность.

Такие случаи возникали в основном где-нибудь на верхотуре или в узких местах, где и справились бы несколько человек, но втиснуться мог лишь один. Работа всякий раз была сопряжена с немалой опасностью, но

это устраивало Конана гораздо больше, нежели одуряющая монотонность основных рабочих команд. К тому же, оставаясь все время «на подхвате», он сумел посетить разные закоулки пирамиды и многое выяснить относительно устройства гробницы. Однажды ему пришлось как следует поработать деревянной колотушкой, поднимая плохо подогнанную крышку мраморного саркофага; внутри саркофага выл от ужаса попавший в ловушку каменотес. В другой раз его потребовали ажио в Священную Гильдию Бальзамировщиков. Тщедушным подмастерьям никак не удавалось запихать тяжеловесную мумию какого-то почившего государственного мужа в золотой гроб.

Надо ли говорить, что мысль о побеге никогда надолго не покидала его! По ночам, свернувшись калачиком в крохотной, лишенной окон конуре, он строил планы, как вырвется отсюда, прoberется в дом Осгара и придушит собаку, дав тем самым предателю по заслугам. Его фантазии на этом не останавливались, ибо на сей раз крошка Зефрити, – если, конечно, она все еще была при Осгаре и не подцепила себе другого богатого дурака... – так вот, на сей раз крошка Зефрити обнаружит, что он не так уж и не готов уступить ее притязаниям!..

Эти сладостные мечты помогали ему засыпать в неуютном закутке.

Была у него и еще причина все время подумывать о побеге. Угроза, исходившая из дворца, висела над ним, как топор. Царица Нитокар небось вспоминала о нем в промежутках между дворцовыми интригами, садистскими наслаждениями и дурманными зельями. Что, если ей донесут и она тут же распорядится о его голове?..

По мнению Конана, однако, было бы еще хуже, если бы о нем вдруг вспомнила царевна Эфрит и решила возобновить свои поползновения насчет убийства мачехи. Насколько он вообще сумел разобраться, царевна производила впечатление честной девчонки, искренне желавшей добра. Только вот атмосфера во дворце была такая, что развратить могла хоть кого. Как бы и она со временем не превратилась в хищную тварь еще покруче Нитокар!..

С тех пор, как его притащили сюда, у него не было ни единой весточки от царевны. Зато он получил подарок, кем-то оставленный ночью на его подстилке. Маленький, невероятно острый кинжалчик, завернутый в кусочек хорошо знакомого зеленого шелка. Глядишь, пригодится при побеге.

Тем не менее Конан горячку не порол. Что-то подсказывало ему воздержаться от немедленного побега (хотя какие были соблазны!..), а что – он и сам не взялся бы толком сказать. Уж точно он не гнался за мизерным

жалованьем, которое ему, как и другим работягам, выдавали в конце каждого дня тщедушные писцы. Тем более, что, когда работяги расплачивались за бешено дорогую кормежку (молоко и овсянка), соломенную подстилку и пользование сандалиями из гиппопотамовой кожи, от нищенского жалованья оставались вовсе гроши, если не долг.

Наверное, он продолжал торчать здесь не в последнюю очередь из-за явственно различимого аромата несметного богатства, который густо источала недостроенная пирамида. Этот аромат властно зачаровывал любого опытного вора, не только Конана. Кое-кому из рабочих платили побольше, чем киммерийцу; простейший подсчет показывал, что месячное содержание армии работников едва мог свезти целый поезд бычих упряжек. Да и непосредственно во время работы Конану то и дело попадались на глаза золото и серебро, лазурит и янтарь, рубины и ониксы. Причем в количестве, достаточном, чтобы с потрохами купить какой-нибудь северный город. Какие богатства! И все для того, чтобы украсить могилу!.. Пока длилось строительство, сокровища хранились и обрабатывались в особой части рабочего лагеря, там, где жили художники и мастеровые. Частокол возле того места был в изобилии украшен засохшими головами и отрубленными руками воришек. Конана особенно доставало, что даже он, при всей его силе, за один раз сумел бы утащить исчезающее малую толику невероятного клада!..

А еще больше, чем зов сокровищ, Конана привлекала аура некоей неопределенности и даже тайны, которая ощутимо витала над незавершенной гробницей и будоражила его любопытство. Он кожей чувствовал ее дуновение, когда товарищи по работам рассказывали о более чем странных звуках, слышанных внутри, о расплывчатых силуэтах, попадавшихся им в сумерках да и средь бела дня где-нибудь в неосвещенных коридорах. Он ощущал присутствие тайны, когда его новые знакомые вполголоса сообщали (или не менее красноречиво молчали) о необъяснимых несчастьях, то и дело приключавшихся с рабочими на самых нижних уровнях, глубоко во чреве каменной громады. Особенно возросло это чувство однажды вечером, когда сам пророк Хораспес явился с инспекцией и созерцал пирамиду с видом тайного удовлетворения. Ни дать ни взять у грандиозного строительства были смысл и предназначение, ведомые только ему одному!

В тот раз Конан приложил все усилия, чтобы не попасться ему на глаза. От его телохранителя, Нефrena, спрятаться оказалось труднее. Этот последний часто являлся на строительство и задавал зодчим множество вопросов, пристально наблюдая за тем, как они воплощали в камень

нарисованное на выделанных овечьих кожах.

Странным в поведении Нефrena было то, что, несмотря на свою внешность человека весьма закаленного, он определенно избегал солнца. Обычно он прогуливался в обществе двоих рабов, которые несли над ним балдахин. А когда ему приходилось подолгу просиживать под пологом вне помещения, подле него обычно видели молоденькую рабыню. В ее обязанности входило смазывать его волосы маслом, а кожу – остро пахнущими мазями, явно для того, чтобы защитить ее от жаркого, как из печки, ветра с речной дельты.

Конан все посматривал на эту девчонку. Она, конечно, держалась с раболепным почтением, приличествующим ничтожным невольницам. Однако в каждом ее движении так и сквозило лютое отвращение к хозяину. Каждый раз, когда ей приходилось к нему прикасаться, на ее лице мелькал ужас и омерзение такой силы, что у Конана буквально кишki переворачивались в животе. Нефрен, со своей стороны, казалось, взирал на нее с презрительной насмешкой. Насколько его неподвижное, пересеченное морщинами лицо вообще способно было отражать какие-то чувства. Опять же и Конан никак не мог постичь причину ужаса девки. Одета она была в малосенькие лоскутки, и киммериец отчетливо видел, что ее неплохо кормили и отнюдь не полосовали кнутом...

Молодой варвар нутром чувствовал, что необъяснимая странность Нефrena была некоторым образом связана с тайной пирамиды. Он жаждал разобраться, в чем же тут дело, и случай представился. Однажды, когда служаночка явилась за водой к общей цистерне, он подошел и попытался заговорить с ней на нижнестигийском диалекте.

– Ты до смерти боишься своего господина, – сказал он, доброжелательно улыбаясь. – Право же, ничего удивительного! Меня тоже тошнит от вида его рожи.

Она вскинула на него глаза, мгновенно округлившиеся от ужаса, издала какое-то невнятное блеяние – так пытаются говорить немые или те, кому вырезали язык, – и, повернувшись, кинулась наутек, расплескивая воду из кувшина, который несла. Нефрен услышал ее испуганный вскрик. Он обернулся, увидел Конана и, судя по ставшему пристальным взгляду, – узнал...

* * *

– А ну, приготовиться, дармоеды!.. Пошла, пошла!.. Давай тяни, вы,

ублюдки речных угрей!..

По команде надсмотрщика восемьдесят сандалий одновременно прошуршили по камню, сорок обожженных солнцем человеческих тел напряглись, словно единое многочленистое насекомое, извивавшееся на самом верху недостроенной пирамиды. Кожаный такелаж заскрипел в намасленных блоках, и громадный угловатый камень стал косо приподниматься из своего гнезда, пока его верхний край не заскреб по одной из трех крепких деревянных опор.

– Держи! Держи на весу!.. – распорядился надсмотрщик.

Не закрепляя каната, работники налегли на него, удерживая глыбу в нескольких ладонях от каменного основания.

– А теперь – рычаги! Да ровнее, ровнее, не то напортачите!

Здоровенный, голый по пояс надсмотрщик с важным видом расхаживал туда и сюда. Однако троим людям с длинными деревянными рычагами, которые пытались отодвинуть камень от соседнего, мало было проку от его указаний.

Подойдя к краю стены, он посмотрел вниз, на Конана. Тот висел на веревке, стараясь засунуть инструмент в узкую щель.

– Пошевеливайся, варвар! Вся команда тебя только и ждет!..

– Заткни пасть, шлюхино отродье! – зарычал в ответ киммериец. – У тебя бы вышло не лучше, да только очко не выдержит спуститься сюда! Скажи-ка им там, чтобы не мух задницей ловили, а налегли как следует!

Конана вывесили туда, на почти отвесную стену, с тем чтобы он длинным ясеневым шестом выковырял осколок глыбы, треснувшей при установке и теперь мешавший ей притереться к соседним блокам и основанию. Осколок оставался прижат весом камня. Конан висел на веревке, упираясь в стену широко расставленными ногами, и то тянул, то толкал, стараясь его высвободить.

– Идет!.. – покричал он наверх. – Навалитесь-ка еще с этой стороны!.. Есть!..

Конан наконец-то подцепил своим багром упрямый осколок и выдернул его вон. Камень пролетел между расставленными ногами киммерийца и скатился по крутизне вниз, чтобы занять свое место среди кучи разного строительного хлама. Глыба бухнула о соседнюю. Деревянные рычаги не успели вытащить, и она раскрошила их своей тяжестью.

– Есть там еще осколки помельче?.. Нет?.. Тогда опустай, только тихо, тихо, остоловы!

Несмотря на строгий приказ, истерзанные мускулы работников не

выдержали нового напряжения, и глыба, заскрипев такелажем, быстро пошла вниз.

– Стой!.. Стой, во имя дьяволов Крома!.. – заорал Конан, но за шумом и скрежетом его никто не услышал.

Горячий вихрь пополам с пылью и мусором ринулся ему в лицо из-под камня; ослепленный, он потерял опору и качнулся на веревке, как маятник, вдоль стены. Внезапно почувствовав, что веревка поддается, он извернулся в воздухе, вскинул вверх свой багор и уцепился им за край верхнего камня. Осторожно перебирая руками по древку, он подтянулся, вылез и сел на край каменной кладки.

Энергично протерев кулаками глаза, киммериец осмотрел веревку, на которой только что висел. И обнаружил, что в одном месте она на две трети перетерлась об остро обтесанный каменный край. Изрыгнув вереницу непристойных проклятий, Конан повернулся к надсмотрщику. Но этот деятель был уже далеко. Он вел свою команду по широким деревянным лестницам к следующему камню.

– Ты, что ли, пленник по имени Конан? – окликнул голос сзади. – Эй, иди-ка сюда! Дело есть!

Конан обернулся и увидел стражника в плаще и с поясом, обозначавшим его принадлежность к страже могил. Он жестом приглашал его к лестнице, что вела в глубокие внутренности гробницы. Рядом со стражником стоял другой человек, – судя по отделке его хлопчатой юбочки в складку, высокооплачиваемый ремесленник. Конан пожал плечами и поднялся на ноги, не забыв подхватить сандалии.

– Да, он, пожалуй, для этого дела подходит, – сказал мастеровой.

Это был молодой, чисто выбритый мужчина довольно хрупкой комплекции. Он не был так крепок и покрыт загаром, как люди физического труда, – видимо, привык работать внутри помещений, если не вовсе под землей. Подойдя, Конан заметил у парня на поясе циркуль. Ремесленник носил его так, как другие люди носят оружие или жезл власти. *Чертежник*, сообразил Конан. *И что это принесло его сюда, заставив оторваться от пергаментов и чернильниц!..*

– Варвар, это Мардак, – сказал стражник. – Будешь делать что он скажет. Да смотри, со всем почтением к нему!

– Я возглавляю одно особое дело, Конан, – стал рассказывать Мардак. – Это дело очень ответственное, так что и работники мне нужны самые лучшие. А о тебе говорят только хорошее... – Мардак держался с открытой доброжелательностью юности, без следа обычного зазнайства высокопоставленных мастеровых. – Большинство моих подчиненных будет

получать неплохой заработок. Я думаю, и ты окажешься в их числе! – Он посмотрел на стражника, и стражник кивнул.

Конан с сомнением покосился на Мардака, потом передернул плечами.

– Хреновей, чем тут у тебя, мне вряд ли придется, – сказал он. – Веди давай.

Мардак улыбнулся и коротко стиснул Конану руку. Потом стал спускаться по первой из бесчисленных лестниц. Конан двинул следом за ним. Стражник замыкал шествие.

Вокруг них гробница кишила жизнью, напоминая термитник, внезапно развороженный и подставленный лучам жгучего солнца. И было в этом кишении даже некоторое своеобразное веселье, – несмотря на кромешную тяжесть работы и зловещую тайну строительства, работяги были настроены только что не легкомысленно. Все они были тощими, прокаленными солнцем детьми реки, любившими жизнь и вполне привыкшими к тяжкому труду под началом у немилосердных господ. Вот и теперь они stoически переносили немалые трудности, рассматривая свое нынешнее положение как некое разнообразие по сравнению с обычным трудом в полях. К тому же здесь им мерешилась пусть иллюзорная, но все же возможность остаться при некоторой выгоде, – не просто свести концы с концами, как раньше. Рядом с мужчинами вовсю вкалывали женщины, некоторые – даже и с маленькими детьми за спиной. Люди еще и порывались петь за работой, в том числе если от этой самой работы трещал хребет...

По мере того как Конан спускался с одной лестницы на другую, уходя в рукотворное подземелье, песни рабочих мало-помалу затихали высоко наверху – там же, где остался быстро уменьшившийся прямоугольник синего неба. Вскоре начались узкие шахты и галереи. Ибо, несмотря на высоту и мощь каменного сооружения, основные переходы и помещения были запрятаны глубоко под землей. Их вытесали непосредственно в песчанике скального основания. Здесь тоже полным-полно было рабочих, вот только держались шемиты скованно. Казалось, отсутствие солнечного света ввергало в мрачную задумчивость всех поголовно.

Тroe продолжали спускаться еще долгое время после того, как исчезли наверху последние клочки открытого неба. Теперь они двигались при свете масляных ламп, укрепленных по стенам. Воздух становился все более тяжелым от жирной копоти светильников, а взмокшие сутулы каменотесы, трудившиеся в коридорах, начали походить на какой-то народец пещерных горбунов. Так глубоко в недра усыпальницы Конан ни

разу еще не спускался.

Мардак не обращал никакого внимания на жутковатое окружение: видимо, он к нему давным-давно привык.

— По образованию я вообще-то чертежник, — рассказывал он, чтобы скоротить дорогу. — Зато теперь у меня есть возможность попробовать себя как зодчего и художника — от начала до конца работы! — Тут он бросил на Конана доверительный взгляд, дожидаясь, пока с очередной лестницы уберутся рабочие, оттаскивавшие строительный мусор в огромных заплечных корзинах. — В некоторых случаях, — продолжал он, — число работников мне пришлось сократить так, что меньше уже невозможно. Ты, конечно, понимаешь зачем — немногие должны быть посвящены в тайну. Это дает оставшимся определенные выгоды. И не только мне самому, но и работникам вроде тебя!

Конан поставил ногу на ступеньку и нахмурился:

— Значит, мы будем работать в потайной части гробницы?

— В самой тайной из всех, — кивнул Мардак. — Видишь ли, я разработал Затвор Царского Чертога. После того, как его закроют, мой Затвор можно будет отпереть только изнутри. И произойдет это в День, когда царь и его свита воскреснут к бессмертию! — Он довольно улыбнулся и перешел к земным подробностям: — Дерзну утверждать, что мой замысел очень и очень неплох! Да ты скоро и сам все увидишь. По заказу советника Хораспеса я разработал небывалый механизм, сам составил все чертежи, а потом наблюдал за работой каменотесов. Каждую деталь вытесывали в отдельной мастерской, причем все мастерские были расположены далеко одна от другой, их хорошо охраняли, а рабочие отнюдь не догадывались, над чем они трудятся! Теперь только и осталось, что собрать механизм воедино...

Конан слушал его и с трудом верил собственным ушам. Сердце так и екало: былые надежды и планы по ограблению усыпальницы стремительно возвращались к нему. Он, однако, помедлил с ответом, чтобы, не приведи Кром, не выдать своего жгучего интереса.

— Стало быть, — сказал он наконец, — советник Хораспес очень доверяет тебе...

— О да, и он пообещал мне... м-м-м... воистину царское вознаграждение. Всем моим работникам заплатят сполна, уж я за этим прослежу. Но гораздо важнее то, что эта работа может стать ступенькой к куда более важному... Ага! А вот здесь — осторожнее!

Они шли гуськом по узкому коридору, и путь их освещала плюющаяся масляная лампа, которую держал в поднятой руке могильный страж,

шагавший последним. И вот теперь впереди замаячил еще один светильник, служивший предупреждением: дорогу впереди загромождали деревянные крепи, а потолок коридора от стены до стены рассекали глубокие трещины.

– Похоже, – сказал Мардак, – порода успела осесть за ночь, так что, наверное, этот коридор придется-таки заложить... Впрочем, мы, наверное, пролезем!

И молодой чертежник осторожно втиснулся между крепью и стеной.

– Наслышен я об этих обвалах, – проворчал Конан, двигаясь следом. – Здесь, говорят, уже немало народу к шутам собачьим похоронило... – В отличие от худенького Мардака, ему приходилось буквально размазываться по стенке, чтобы проникнуть в узкую щель. И он не мог отделаться от впечатления, что, пока он лез, в растрескавшемся потолке над головами что-то сдвинулось и еще больше просело. – Так что же это, выходит, пирамида-то ваша стоит на гнилом основании?

– Ни в коем случае! – оживился Мардак. – Обвалы случаются только в тех местах, где скала ослаблена тоннелями прежних могил. Бояться нам нечего: Царский Чертог тщательно обследован и найден совершенно надежным.

За крепями узкий проход влился в более широкий коридор, шедший под уклон. Его через каждые несколько шагов освещали лампы, установленные в стенных скобах.

– Это – главный коридор, тот самый, по которому внесут в усыпальницу Его Царское Величество, – с гордостью пояснил Мардак. – Если идти направо, выйдешь ко Входным Вратам. А вон там, налево, прихожая Царского Чертога.

И он первым зашагал в ту сторону, где коридор завершался просторной сводчатой комнатой. Помещение оказалось объемистым и высоким, хотя, конечно, далеко уступало той галерее с колоннами, которую Конан видел в древней пустынной могиле (та пирамида, впрочем, уже превратилась для него в довольно смутное воспоминание). Прихожая была сплошь заставлена прямоугольными каменными блоками, аккуратно упакованными в дощатые клетки. В дальнем конце комнаты рабочие хлопотливо разбивали эти клетки. По другую сторону Чертога виднелась величественная арка, обрамленная замысловатым каменным кружевом.

– Вот здесь, в самом сердце пирамиды, мы и работаем, – пояснил Мардак и повернулся к стражнику: – Спасибо тебе большое. Теперь у меня как раз такая команда, которая мне и нужна.

Кладбищенский охранник ответил коротким кивком. Физиономия у

него была обиженнная. Он явно был оскорблен тем, что Мардак так разоткровенничался с простым работягой, притом чужеземцем. Повернувшись, стражник отошел и присоединился к двоим своим товарищам, охранявшим выход в коридор.

Мардак подвел Конана к остальным.

– Это, – сказал он, – самые лучшие работники на строительстве. Однако мне понадобился еще и такой, как ты, – очень рослый и необыкновенно сильный. Мы, видишь ли, вынуждены действовать в большой тесноте... – И обратился к команде: – Люди, это Конан! Он будет трудиться вместе с нами.

С полдюжины мужчин подняли головы от работы. Все были шемиты – крепкие, со смуглой кожей, побелевшей от каменной пыли. Смотрели они мрачновато. То ли им не понравилось общество иноплеменника, то ли предписанное дело было не по душе... трудно сказать.

– Я хочу, – продолжал Мардак, – чтобы каждый из вас понимал природу нашей работы и присущие ей особенные опасности. Работать мы будем вот здесь...

Он провел их под кружевную арку и далее через короткий проход весьма необычного профиля, с какими-то странными пазами и нишами в стенах. Миновав его, Конан чуть не ахнул от сияния алебастра и бирюзы. Надо полагать, это-то и был Царский Чертог! Стены так и переливались самоцветными инкрустациями, хотя единственным источником света была лампа в руках у Мардака. Молодой мастер поднял ее повыше, чтобы каждый из рабочих мог посмотреть вокруг и полюбоваться. Конан восхищенно оглядывался. *Ну и ну*, сказал он себе. *И это при том, что НАСТОЯЩИЕ сокровища сюда еще и не думали заносить!..*

– Никто под страхом смерти не смеет осквернять этот чертог или уносить отсюда что-либо, – объявил Мардак. – Работать же мы будем вот здесь, внутри прохода.

Он велел принести еще ламп и принялся объяснять назначение странных ниш, попутно рассказывая, как что работает и какими идеями он руководствовался, осуществляя свой замысел. Когда двери Царского Чертога наконец закроются, пояснял Мардак, с потолка коридора опустятся хорошо пригнанные гранитные плиты и намертво перекроют его. К этим плитам с боков подойдут особые каменные клинья и надежно закрепят их на месте, на манер китайской головоломки. И наконец, из особых перевернутых колодцев упадут запирающие камни и окончательно сплотят всю конструкцию общей толщиной во много локтей.

Дверь, устроенная таким образом, явится надежной преградой для

разного рода могильных воров, нечистых вурдалаков и даже целых вражеских армий. Тем не менее, когда царь и его приближенные пробудятся для вечной жизни в День, Который Грядет, они смогут легко выбраться из чертога, вынув в определенной последовательности подвижные камни, а затем растворив саму дверь, укрепленную в каменных петлях.

Механизма, работающего подобным образом, Конан представить себе не мог. Зато ему был вполне понятен порядок сборки, который следом же объяснил им Мардак. Они будут продвигаться снаружи вовнутрь, потому что чем ближе к Чертогу, тем раньше предстояло падать плитам гранита. Еще чертежник объяснил им главную опасность, грозившую при работе. По его словам, спусковой механизм Затвора с легкостью мог быть приведен в действие преждевременно. При этом камни не только передавят их самих, но и создадут немыслимые трудности для последующих команд, ибо одолеть Затвор снаружи, как он только что доказывал, было весьма нелегко.

Когда Мардак наконец завершил свои объяснения, команда без лишнего промедления взялась за работу. Они освободили из дощатой опалубки каменные блоки, обработанные особым образом (больше всего те напоминали ломти дыни размером с сундук), и начали устанавливать их на место. На Конана при этом ложилась особенная ответственность. Пока дюжина рук поднимала очередной камень, киммерийцу приходилось в одиночку удерживать предыдущий с помощью деревянного рычага.

В других случаях он, обдираясь, лез в какие-то узкие колодцы и разгребал в них заторы. Потом потел наравне с шемитами, ставя временные деревянные крепи. Тем не менее его новые товарищи как будто продолжали дуться на него неизвестно за что. Он присмотрелся и понял, что они и друг с другом держались совершенно так же. Однако в целом команда работала слаженно и без лишнего трепа. Мардак никому не давал спуску и несколько часов подряд не позволял передышки. Пока наконец одному из рабочих не отдавило камнем ногу – оплошность, вызванная непомерной усталостью.

Стонущего калеку унесли прочь двое стражников, Мардак наконец понял, что задал слишком высокий темп, и расстроился до слез.

– Отдыхайте! – велел он команде. – Мы с вами сегодня хорошо потрудились. Там, наверху, давно уже стемнело. Нам, однако, запрещено выходить наружу, пока не будет закончена наша работа. А посему эту ночь мы проведем в тоннеле...

Им принесли корзины с хлебом и финиками и вино в глиняных

кувшинах (эти кувшины, опорожнив, затем приспособили в качестве ночных сосудов). Рабочие ужинали молча, поглядывая, как сменяются стражники в конце коридора. Постелями им послужила солома, вытащенная из большого тюка. Наконец-то представилась возможность лечь, вытянуться и расслабить усталые члены! Светильники по стенам притушили, так что в подземелье действительно настала ночь.

Тело Конана отдохало, но разум не ведал успокоения. В конце концов молодой варвар поднялся и проковылял туда, где под затененной лампой устроился Мардак. Чертежник сидел скрестив ноги и, потягивая вино, писал что-то на вощенной дощечке. Конан остановился подле него, и Мардак удивленно вскинул глаза.

– Отличный запор ты изобрел, Мардак, – сказал киммериец. – Жду не дождусь посмотреть, как он сработает! – И он уселся рядом на корточки. – Все-таки позволь задать тебе вопрос: ты что, так уверен, что он и вправду отопрется, когда наступит этот ваш День? Нам-то, смертным, почем знать, а, Мардак?

Мардак выглядел усталым и, видимо, еще горевал по поводу несчастного случая. Однако он улыбнулся Конану.

– Я сделал деревянную модель, – сказал он, – и показал самому советнику Хораспесу, как она работает. Мы запирали и отпирали Чертог множество раз, а потом сожгли модель, чтобы она не попала в чужие руки. Я же пользуюсь доверием Хораспеса, и этого мне достаточно.

Конан кивнул, обдумывая его слова.

– И ты думаешь, что он доверит тебе хранить столь важный секрет, когда строительство будет закончено?.. С какой стати ему доверять хоть кому-то из нас, знающих, каким образом будут укрыты от грабителей царские сокровища?

Мардак поднял бровь.

– Как только, – сказал он, – гробницу запечатают, ни мы, ни кто-либо другой ничего не сможет сделать извне, секрет там или не секрет. – Он улыбнулся и покачал головой. – Не бойся ничего, Конан. Советник Хораспес дал мне священную клятву, что по окончании работ я буду отпущен и соответствующим образом вознагражден. А если меня отпустят и наградят, почему с вами должны поступить по-другому?.. Что же до того, сможет ли мое устройство безукоризненно сработать в грядущий День, – тут он огляделся и слегка понизил голос, – неужели через тысячу лет это будет иметь какое-то значение для кучки высохших, безжизненных мумий?..

Конан опять поразмыслил над его словами, потом сказал:

– Так, значит, ты не особенно веришь в воскрешение мертвых для вечной последующей жизни, как учит Хораспес?

Мардак пожал плечами:

– Может, в этом что-то и есть... в некотором нематериальном, сверхъестественном смысле. Но человек с моим образованием не станет принимать что-либо на веру без доказательств, просто потому, что жрецы так сказали.

Конан нахмурился:

– Тогда чего ради ты рискуешь жизнью, участвуя в строительстве пирамиды?

– А почему бы и нет? Это выгодно... – Чертежник отхлебнул из кружки большой глоток и вновь поставил ее на каменный пол. – Важно то, что простой народ верит, а царь платит денежки. Строительство развивает торговлю и дает таким, как ты или я, немалые возможности... – Он снова доверительно посмотрел на Конана. – То реально, во что все верят: это как со стоимостью денег. Если уж так-то задуматься, что особо хорошего и полезного в золоте или драгоценных камнях? Их нельзя съесть, скроить из них платье или выстроить дом! Так почему бы и не запереть их здесь, глубоко под землей? Кому от этого будет плохо?.. – Чертежник вновь огляделся, убедился, что никто не подслушивал, и продолжал по-прежнему тихо: – Дело не в моей жадности, как ты понимаешь. Я пошел на этот риск, потому что у меня большая семья, а кормильцев – один я. Если я действительно заработаю денег, мой младший брат сможет пойти в школу жрецов, у сестер будет приданое, а старым родителям никогда больше не будет грозить нищета... – Он вновь покачал головой и улыбнулся. – Но что это я впustую болтаю о таких вещах, которые тебя навряд ли заинтересуют... Ты устал и должен как следует выспаться... – Он протянул руку и стиснул плечо молчаливого слушателя. – Спокойной ночи, Конан.

Киммериец покинул его и вернулся на свое ложе, но сон, как и прежде, не шел. Приподнявшись на локте, он заглянул в лицо ближайшему соседу и убедился, что тот тоже не спал. Этот сосед был одним из старших в команде – худой, лысый мужчина, которого явно уважали остальные шемиты.

– Больно мрачные тут у всех рожи, Эсфахан, – шепотом обратился к нему Конан. – А раз так, я полагаю, должна быть и причина! Чего вы опасаетесь? Что кладбищенские стражи нас всех потом... утихомирят?

Было слышно, как Эсфахан презрительно хмыкнул при этих словах. Глаза-бусинки сверкнули в неверном отблеске лампы.

– У вас там, на севере, как я посмотрю, растят одних дураков!.. Не

знаю, отчего это так, но, если ты воображаешь, будто хоть кто-то из нас выберется отсюда живым, иначе как дураком тебя не назовешь!..

Конан шепотом выругался, потом сказал:

– Пусть замышляют против нас что угодно, – лично я пропадать за здорово живешь не намерен! Мою жизнь они так легко не получат!

Ответа не последовало. У Эсфахана явно не было больше охоты с ним разговаривать. Пожилой шемит повернулся к варвару спиной и больше не двигался. Спустя некоторое время Конан тоже забылся беспокойным сном...

Глава одиннадцатая

Глубже могил

Подземное «утро» ознаменовалось сменой стражи. Проглотив порцию холодной каши с козьим молоком и инжирем, команда вновь взялась за работу под придирчивым наблюдением Мардака.

На сей раз он не гнал их в лихорадочной спешке, как накануне, и работа шла лучше. Спустя несколько часов последний камень был водружен на место, а затем установлена сама дверь. Механизм снабдили устройством отсчета времени – песочными часами, которые будут запущены после закрывания двери. Их поставили в особую нишу, после чего Мардак отправился доложить об успешном окончании работ, а остальные под началом Эсфахана стали вынимать не нужные более деревянные крепи.

Когда все было убрано, вход в Царский Чертог превратился в самый незамысловатый коридор обманчиво обыкновенного вида. Команда занялась уборкой прихожей, в которой валялись доски и разный мусор.

Конан поневоле обратил внимание на перемены у выхода. Они в самом деле могли насторожить хоть кого. В начале Главного Коридора с некоторых пор маячили шестеро хорошо вооруженных кладбищенских стражников, – по одному на каждого работягу. А за ними в сумраке угадывалась еще одна жутковато-знакомая фигура, – Хораспесов подручный, Нефрен. Он посматривал на рабочих, о чем-то разговаривая с капитаном стражи.

Конан подобрался вплотную к Эсфахану и негромко пробормотал, многозначительно стрельнув взглядом в сторону стражи:

– По-моему, дядюшка, близок час... Стража собирается! Уж не по нашу ли душу? Не пора нам что-то предпринимать?

Пожилой щемит и смотреть не стал в ту сторону, куда указывал Конан.

– А что ты предлагаешь, северянин?

Киммериец подавил раздражение и ответил так же тихо, чтобы никто не подслушал:

– Драться, конечно! Не удерем, так хоть погибнем как подобает мужчинам! Вот смотри: у меня есть кинжал...

Он вытащил маленький сверток из складок набедренной повязки и размотал шелковый зеленый клочок, заслонив его телом от постороннего

взгляда.

– А ты своим шемитам скажи, чтобы запаслись хоть дубинками!

Но Эсфахан лишь отрицательно мотнул головой. Он избегал встречаться с Конаном глазами.

– Бегство невозможно, чужеземец, – сказал он. – Ты только оттянешь смерть, вот и все... если, конечно, ты не подсадной соглядатай! Так что лучше прибереги-ка свой ножик для себя самого...

Конан фыркнул с величайшим отвращением и повернулся к Эсфахану спиной. И направился к выходу в коридор, минуя занятых работой шемитов. При этом он держал свой кинжалчик у бедра и поворачивал блестящее лезвие туда-сюда, намеренно привлекая внимание работяг. Он очень надеялся, что никто не поднимет крика при виде оружия. Сам он присматривался к лицам, ища себе спутников. Двоих ребят помоложе в самом деле двинулись следом за ним. Но особой решимости от них ждать не приходилось.

Стражники по-прежнему стояли со скучающим видом: пускай, мол, смертники еще поработают, спешить им все равно некуда. Рассыпавшись по прихожей, они гуляли по двое либо подпирали стену. Конан шел прямо на них, пряча нож за спиной. Кто-то из стражников раздраженно вскинул голову при его приближении. Но мягкий шаг киммерийца настолько плавно перешел в бег, что они попросту не успели отреагировать. Он миновал их прежде, чем они поняли, что происходит.

Он мчался вдоль боковой стороны коридора, прямо на Нефrena, благо двое стражников, с которыми тот разговаривал, стояли к нему спиной. Один из них, капитан, первым услышал его приближение и обернулся, пытаясь выхватить меч. Тем самым он оказался между Конаном и его главной целью – и получил удар кинжала, предназначавшийся тощему телохранителю. Удар пришелся вскользь и не причинил особых повреждений – ну там, хрустнула пара ребер, всего и делов. Капитан тем не менее завалился как раз на Нефrena и притиснул его к стене.

Прорвавшись таким образом мимо стражи, Конан во весь дух помчался по коридору, озаренному настенными лампами. За его спиной послышались крики и топот: это стража сцепилась с рабочими. Конан оглянулся на бегу и с огорчением убедился, что, кроме него, выбраться не удалось никому. Шемиты сумели только слегка задержать стражу, которая лишь теперь устремилась в погоню за беглецом. Он еще поддал скорости. Эхо шагов гудело в каменном тоннеле.

Конан знал, что чем ближе к поверхности, тем больше народу станет попадаться ему на пути. И он решил свернуть в один из узких боковых

проходов, чтобы вынудить преследователей бежать за ним гуськом. Завидев впереди перекресток, Конан напряг зрение, пытаясь сообразить, куда сворачивать... потом ему показалось, что в потемках впереди произошло какое-то движение. Еще немного... и он увидел нечто такое, отчего его бег сам собой перешел в шаг. А потом Конан и вовсе остановился.

Это был его молодой начальник, Мардак. Но, Кром, в каком виде!.. Глаза чертежника остекленели, лицо покрывала смертельная бледность, лишь на подбородке и шее запеклась густая кровь, вытекшая из рта. Руки вместо кистей кончались комками окровавленных повязок. Тем не менее он был еще жив. Он с трудом переставлял ноги, явно не соображая, что происходит. Его вели двое жрецов, один из которых нес небольшой сундучок.

Конану не понадобилось заглядывать в позолоченную коробку: он и так знал, что там находилось. Язык и руки Мардака. Похоже, Хораспес держал свое слово и вправду намеревался оставить мастеру жизнь...

Заметив размахивавшего кинжалом северянина, жрецы перетрусили и вместе со своей жертвой шарахнулись обратно в тоннель. Конан же обернулся и увидел, что промедление грозило бедой. Стражники готовы были настигнуть его, и первым мчался Нефрен. Длинные, казалось бы негнущиеся ноги несли его вперед на удивление быстро. Конан живо юркнул в узкий коридор, ответвлявшийся от основного тоннеля.

Это оказался тот самый коридор, по которому несчастный Мардак вел его накануне. Где-то впереди трещал и плевался светильник, подвешенный на крепях, удерживавших потолок от обвала. Конан бросился вперед, проклиная про себя и свет, и препяду. То и другое могло стоить ему жизни. Почти не замедлив скорости, он протиснулся в щель и увидел, что Нефрен следовал за ним по пятам. Худая фигура стигийца была как будто самой природой предназначена для высоких, узких коридоров. И он уже заносил меч для удара.

Вместо того чтобы отпрянуть, Конан нырнул под его руку, схватился за опорный столб крепи и с силой пырнул Нефrena в живот. Острие кинжалчика ткнулось во что-то твердое. В тот же миг меч Нефrena, не попав по его голове, ударил по дереву и отколол здоровенную щепку.

По-видимому, неожиданное напряжение и толчки превысили прочность дерева и ослабленного трещинами камня. Конан услышал над головой тяжкий стон проседающей породы и почувствовал, как уходит из-под ног пол. Потом мир перевернулся вверх дном и внезапно погас свет.

Прежде чем потерять сознание, Конан запомнил одно странное зрелище, которое никак не хотело погасать в его мозгу. Шелковое одеяние

Нефрена, распоротое ударом кинжала. И рана, из которой вместо крови текли струйки светлого песка и сыпались какие-то засохшие травы.

* * *

Темнота. Боль.

Тишина. Навалившаяся тяжесть. Боль...

Вот какими категориями описывался невероятно сузившийся мир, в который постепенно вернулся молодой киммериец. Вернулся и обнаружил, что его держит в сомкнутых челюстях громадное каменное чудовище.

Конан лежал вниз лицом, придавленный и стиснутый весом каменных глыб. Он попытался приподнять голову, в которой от движения угрожающе запульсировала кровь, и ощутил, как струйкой стекает по щеке холодный песок. Толком приподнять голову не удалось: в затылок упиралась острыя, как лезвие, грань. Делать нечего, Конан вновь поник лицом в каменный мусор.

Крупный песок, потревоженный его движением, некоторое время продолжал с шумом сыпаться вниз. На всякий случай Конан перестал шевелиться. Мало ли кто прислушивается к каждому шороху, выжиная удобного мгновения, чтобы напасть. Однако никаких посторонних звуков не последовало. И нигде никаких признаков света.

А может... может, свет и был, только он, Конан, его видеть не мог?.. Что, если его ослепило?.. Киммериец заморгал и снова принялся выворачивать шею – не сочится ли свет откуда-нибудь сверху, из трещин? Ничего! Он утешился тем, что, как ни болела у него голова, глаза были вроде бы ни при чем, болел в основном один висок. На всякий случай Конан решил считать, что со зрением у него все в порядке, просто он в самом деле угодил в кромешную тьму.

Еще некоторое время он тщетно напрягал слух, потом стал пробовать, годятся ли на что-нибудь его покрытые синяками, ободранные руки и ноги. Все тело было сплошь засыпано кучей битого камня, но, как оказалось, высвободиться было можно. Конан приступил к этому со всей осторожностью, хорошо понимая, что одно торопливое движение вполне может превратить нависший сверху обломок в топор палача. В этом он убедился, выпростав одну руку и аккуратно ощупав, что там такое делается возле его шеи.

В одном месте у головы обнаружилось пустое пространство. Конан изгибал спину, стараясь не обращать внимания на боль, пока не сумел

вывернуться из ловушки. Некоторое время он отдыхал, лежа на угловатых камнях. Потом попробовал сдвинуться еще дальше, но это движение оказалось роковым. Конан все-таки стронул шаткие камни – и поехал вперед головой вниз, в широкую трещину, по пути, проложенному обвалом.

По счастью, катиться далеко не пришлось, да и обломки, среди которых он падал, оказались не так велики. В конце концов Конан остановился, упираясь вытянутыми руками в холодную гладкую поверхность.

И снова он замер в неподвижности, ожидая, пока стихнет стук и шорох маленькой лавины. Никаких признаков погони по-прежнему не обнаруживалось. Конан решился наконец отпустить одну руку и ощупать большой висок. Кости были целы, только набухла изрядная шишка. Очень осторожно Конан приподнялся на четвереньки и вылез на твердь скалы.

Ощупав камень, он убедился, что ровную и гладкую поверхность создали чьи-то руки. Если человеческие, это означало, что он ввалился в какой-то древний тоннель, проложенный строителями гробниц задолго до Ибназаба. А если не человеческие?.. Конана пробрала невольная дрожь, и сразу вспомнилось, что рассказывал Мардак о тоннелях и колодцах, ослабивших песчаниковую скалу.

Тем не менее именно эта непрочность породы, вызванная древними проходками, спасла ему жизнь... по крайней мере, на какое-то время. Если ему повезло, Нефрен с приспешниками либо погибли в обвале, либо были надежно отрезаны от беглеца. Что до самого Нефrena, он вполне мог погибнуть и от удара в живот, который нанес ему Конан. Вот только можно ли в самом деле убить ножом существо, у которого в жилах вместо крови течет песок с благовонными травами?..

Вспомнив об этом, Конан поневоле вновь содрогнулся. Чего бы он только ни отдал, чтобы никогда больше не впутываться в непотребные шашни, затеянные колдунами!.. Теперь-то киммериец понимал, что своим назначением в Мардакову команду приговоренных он был скорее всего обязан все тому же Нефрену, столь некстати узнавшему его накануне. Скорее всего Нефрен обо всем доложил Хораспесу. И тот – если не сама царица! – обрек его на неизбежную смерть.

Дай Кром, чтобы они сочли его погибшим в обвале... что, кстати, вполне могло быть не так уж и далеко от истины. Если он хотел все-таки натянути им нос, следовало что-то делать. Для начала хотя бы спрятаться.

Кинжал свой он благополучно потерял. Пошарив кругом, Конан в конце концов нашел кусок камня, острый, как отточенная стамеска, и стиснул его в ободранном кулаке. Он снова мог за себя постоять, а это

главное. Чего доброго, по тоннелям где-нибудь над ним уже бродит погоня. Кто поручится, что в глаза вот-вот не ударит факельный свет?..

Конан подобрал под себя ноги, попробовал встать, и это ему удалось, хотя и не без труда. Пошатываясь, он выпрямился и хотел нашупать потолок, но потолок оказался слишком высоко, и киммериец снова опустился на корточки. О размерах и форме чертога, в который он угодил, оставалось только гадать. Конан не решался подать голос и попытаться что-то выяснить, слушая эхо. Воздух подземелья был неподвижен: ни ветерка, ни сквозняка. Здесь не было даже запахов; если чем и пахло, так только сухой пылью веков. Конан потихоньку пополз вперед, шаря перед собой в темноте, чтобы не налететь на стену и не упасть в бездонный провал.

Сначала ему попадались камни, принесенные обвалом, но там, куда оползень не добрался, лежала только пыль да высохшие, как бумага, панцири насекомых. Конан продвигался со всей осторожностью, временами напоминая себе, что ни змей, ни скорпионов здесь можно было не опасаться: эти твари держались гораздо ближе к поверхности, избегая глубоких пещер. Как только он убедил себя, что уж точно не наткнется ни на что живое, его рука... нашупала впереди человеческую ногу в сандалии!

Варвар инстинктивно шарахнулся прочь и лишь спустя некоторое время убедился, что нога была каменная, покрытая той же древней пылью, что и все остальное вокруг. Ощупав изваяние, Конан обнаружил, что оно было частью рельефа на стоячем саркофаге. Рельеф изображал фигуру в длинном облачении, изваянную во весь рост и, по-видимому, наделенную сходством с тем, кто покоился в саркофаге. Конан потянулся вперед, желая узнать, что там дальше, за каменным ящиком. Его рука коснулась стены, гладко вытесанной в песчанике. Киммериец поднялся, опираясь на рельеф, и коснулся пальцами того места, где полагалось быть лицу усопшего. Он испытал немалое облегчение, найдя лицо вполне человеческим, украшенным замысловато завитой бородой.

Стало быть, его занесло в древнее шемитское погребение, остававшееся нетронутым в течение, может быть, тысячелетий. Снова ощупав саркофаг, Конан не нашел ни трещин, ни каких-либо следов взлома. Он спросил себя, могло ли там, внутри, оказаться оружие. Потом подумал, что Осгар, окажись он здесь, уж точно безо всяких разговоров расколошматил бы и выпотрошил саркофаг...

Вспоминание о враге заставило его вспомнить и свою первую цель. Конан двинулся вдоль стены, надеясь таким образом отыскать выход. Он сам понимал, что надежда на это невелика. Какие выходы могут быть

из древней гробницы, расположенной глубоко под чудовищным сооружением Ибназаба?..

Однако спустя некоторое время он наткнулся на нечто достаточно странное. В гладком камне зияло прямоугольное отверстие, устроенное повыше пола, – похоже, начало тоннеля. Человек, наделенный ростом Конана, мог пройти туда, пригнув голову. Конан ощупал стены и пол. Камень здесь был обработан далеко не так тщательно, как в большом покое. На нем были заметны выбоины, выступы и следы инструментов. Конан рассудил про себя, что тоннель был моложе усыпальницы.

Так, значит, обрадовался он про себя, могилу все-таки грабили!.. А раз так, почему бы не отыскаться и выходу?.. Надежда ожила в его сердце. Он влез в тоннель и ощупью двинулся вперед.

Конан прошел около дюжины шагов, ведя по стенам руками. Никаких поворотов, разветвлений и уклонов вверх... Потом он опять ощутил под ногами стеклянно-гладкую поверхность тщательно отполированного камня, а стены оборвались. Он просто попал из одной гробницы в другую.

Значит, тоннель вел не к поверхности, а всего лишь соединял два зала, погруженные в тысячелетнюю тьму... Зачем? Что за чепуха?.. Вспыхнувшая было надежда вновь потускнела, но особого выбора у Конана не было, – только идти вперед, а там видно будет.

Нашарив стену, он двинулся вдоль нее по кругу и нашел другой тоннель, столь же грубо сработанный, как и первый. Но если устье первого находилось несколько выше пола, этот, наоборот, начинался с мелкого, но довольно коварного углубления. Это навело Конана на некоторые размышления. Он внимательнее ощупал следы инструментов и убедился, что коридор прорубали с того конца.

Тут до него начало доходить: те, кто устроил эти тоннели, делали ходы из одной могилы в другую, так что под землей, возможно, скрывался настоящий лабиринт. Киммериец опять готов был пасть духом, но от отчаяния удержался. *Думай, Конан, шевели мозгами*, сказал он себе. Если ориентироваться на следы инструментов, он по крайней мере будет двигаться в направлении, противоположном тому, в каком прорубали эти тоннели их неведомые строители. А значит, если у подземного лабиринта был хотя бы один и притом тщательно запрятанный выход, он вполне сможет его отыскать...

Перебираясь из норы в нору, он миновал еще несколько залов, пока наконец не обнаружил развилку. На сей раз ход вывел его в какой-то коридор. Стены здесь были обработаны грубее, чем в усыпальницах, и покрыты штукатуркой, большая часть которой давно обвалилась и кучами

лежала на полу. Конан топнул по полу ногой, обутой в сандалию, и услышал, как эхо раскатилось направо и налево. Он действительно был в коридоре.

Неплохо, похвалил он себя. Чего доброго, куда-нибудь да и выведет!

Он двинулся по коридору в ту сторону, где ему померещился легкий подъем.

Конан шел некоторое время, чертя руками по противоположным стенам и сметая с них тонкий слой штукатурки, но потом был вынужден остановиться: с обеих сторон открылось по арке. Ощупав ту и другую, он с облегчением убедился, что это были всего лишь неглубокие ниши пониже его роста. Штукатурка внутри была точно такая же, как и в коридоре. Конан сделал вывод, что ниши предназначались для статуй либо для гробов, но по какой-то причине так и остались пустыми.

Идя дальше, он скоро убедился, что подобные альковы встречались через определенные промежутки и отнюдь не все оказались пустыми. Кое-где обнаружились иссохшие мумии в лакированных саванах, которые рассыпались, как мертвые листья, под его осторожными пальцами. Он не стал подробно изучать бренные останки, только подумал, что они сохранились на удивление плохо, даже если иметь в виду недостаточно высокий уровень бальзамирования в древности. Одни мумии попросту разложились, как бывает, когда бальзамировщик схалтурит. Другие согнулись и скрючились, точно замерзшие ветки.

Несмотря на малоприятное общество древних покойников, Конан пребывал чуть ли не в восторге: судя по всему, он находился в гробнице, которой пользовались достаточно долго, а значит, где-то был вход! И не какая-нибудь запрятанная дыра или колодец, а порядочная дверь с пандусом или лестницами! Конечно, ее тоже могли давным-давно запечатать либо выстроить что-нибудь прямо сверху. Конан не имел ни малейшего понятия ни о направлении, ни даже о том, выбрался ли он уже из-под необъятного фундамента Ибназабовой пирамиды. Этот вопрос представлял пока лишь чисто теоретический интерес. Как и то, почему же все-таки пустовали многие ниши, мимо которых он проходил.

...Конан сам не мог бы сказать, что именно заставило его внезапно остановиться и замереть, даже задержать дыхание. Вокруг по-прежнему не было ни малейших признаков света, – только цветные пятна, порожденные воображением, плавали перед глазами. Нет! Он что-то услышал. То ли звяканье металла, то ли шарканье сандалий по камню. Слух киммерийца до того обострился от пребывания в полной тишине, что он научился различать малейший щорох. Он долго прислушивался, но больше ничего не

было слышно. Когда же спереди вновь донесся тихий звук, Конан узнал его: так шуршит сухая ткань. Варвар отреагировал без промедления – бесшумно скользнул в ближайший альков.

Ему не повезло: ниша оказалась занята. Он наткнулся на хрупкого, скрюченного «жильца», притиснул его к стене и замер, опасаясь дышать: как бы хренова мумия не вывалилась в коридор и тем окончательно его не выдала. Альков по крайней мере давал ему временное укрытие и некоторое преимущество. Можно было попытаться устроить засаду на того... или на то, что двигалось впереди. Конан вытащил из-за набедренной повязки остроконечный камень и приготовился к немедленным действиям.

Звук оставался по-прежнему слабым, но больше не прекращался; если Конан что-нибудь понимал, по коридору к нему размеренным шагом приближалось несколько пешеходов. Двигались они молча, только шуршали по камню шаги да изредка что-то приглушенно звякало, наводя на мысль об оружии, о связанных вместе металлических инструментах... или мешках с добром, награбленным в древних могилах. Шедшие приближались, хотя по тихому шороху расстояние определить было трудно. Конан с нетерпением ждал, когда же в отдалении забрезжит свет – эта величайшая из драгоценностей, которую только и оценишь, оказавшись в непроницаемой тьме подземного лабиринта!

Будет свет – и он их увидит. Они его, верней всего, тоже. Какая разница! Скорей бы. Конан уже лихорадочно обдумывал, как бы, сражаясь с ними (если придется, конечно), не погасить фонаря. Он держал свой камень над головой.

И вот они наконец приблизились. Шорох ног и позвякивание раздались совсем рядом... так близко, что у него по телу побежали мурашки... Один, двое, трое... пятеро пешеходов, если слух его не обманывал. Потом они... миновали его и начали довольно быстро удаляться.

И тогда только до Конана дошло, что *никакого фонаря они с собой не несли*.

Это открытие превратило его в неподвижную статую, молча слушавшую, как удаляются шаги. Теперь-то он разобрал, что шаги были невесомыми, точно прикосновение пера. И запоздало спросил себя: по силам ли было *обычным смертным людям* так уверенно двигаться в кромешной, хоть глаз выколи, темноте? И ведь ни голосов, ни дыхания, ни покряхтывания от усталости... Тела-то хоть были у них вообще или нет?.. Конан снова подумал, что, наверное, лишился-таки зрения, но тут же отбросил эту мысль: если бы у них в самом деле был свет, они бы

наверняка его заметили. А они проследовали мимо, не обратив на него ни малейшего внимания! Какое бы шестое чувство ни вело их по тоннелю, его присутствия оно им не выдало. А ведь он был настолько близко, что ощущал даже движение воздуха, потревоженного их шествием!..

Колдовство. Вне всякого сомнения – колдовство. Либо эти пятеро были какими-то неведомыми созданиями тьмы. Конану стало неуютно, он переступил с ноги на ногу...

...И вот тут-то, пошевелившись, он обнаружил, что его как будто что-то держало сзади – с той стороны, где он притиснул к стене древнюю мумию. Что-то совершенно определенно ощупывало его плечи, вот только раньше, полностью обратившись в слух, он этого не замечал. Теперь заметил, и, поскольку жутковатые пешеходы уж точно не могли его услышать, Конан шагнул вперед, прочь от стены, и тряхнул плечами, чтобы сбросить навалившуюся мумию.

И не смог!

Мумия упрямо тащилась за ним, причем цеплялась за него все крепче! Конан сунул руку назад и еле удержался, чтобы не выругаться вслух: его плечо сжимали костяные пальцы, выпростанные из полуистлевших повязок. А то, что защемило ему кожу на шее, оказалось еще хуже. Тысячелетний упырь пытался запустить в него зубы!

Конан судорожно принялся отдирать его от себя, но это оказалось не так-то просто. Ему никак не удавалось как следует ухватиться, а камень в этих условиях оказался бесполезен. Конан бросил его на пол и рванулся вперед.

Однако его сверхъестественный противник оказался довольно крут даже для могучего варвара. Высохшая мумия была легкой, точно пук соломы, саваны крошились и слезали с нее, как истлевший папирус, но внутри сохранялись по-прежнему твердые кости и крепкие струны жил. Конан отбивался что было мочи, но тварь только яростней вцеплялась в него. Ему показалось, будто она собиралась вжаться сквозь кожу в самую его плоть и завладеть его жизнью!

Врезавшись впопыхах в противоположную стену, Конан изо всех сил шандахнул мумию об угол алькова. Это несколько сдвинуло голый череп его соперника, и Конан наконец смог как следует его ухватить и начать отжимать от себя прочь. Он снова и снова колотил мумию об острый угол. С сухим звуком сломалось несколько ребер, он почувствовал, как укололи тело острые осколки костей.

Однако живой скелет как будто не заметилувечья. Более того, Конан уловил в движениях мумии некий осознанный смысл – ее костлявые

пальцы перемещались по его телу, спускаясь все ниже. Под руками киммерийца с черепа сыпались длинные иссохшие волосы, его ладонь накрыла металлическую налобную диадему... *Скелет был несомненно женским!*

К ярости и изумлению, которые испытывал Конан, добавился панический ужас. Загробной любви он вовсе не жаждал! Отчаянное усилие всех мышц – и череп, оторвавшись от позвоночника, грохнулся на пол. Конан продолжал сражаться с еще цеплявшимися, еще искавшими чего-то остатками бывшего тела.

Когда он наконец высвободился, мумия, растерзанная на мелкие части, валялась у его ног. Некоторое время киммериец стоял неподвижно, вслушиваясь в тишину и тщетно пытаясь смахнуть со своего тела остатки праха. Потом повернулся – и, не особенно разбирая дорогу, устремился дальше по коридору.

Он шел и шел сквозь тьму, мимо бесконечных альковов и их мертвых обитателей, к которым он теперь едва решался притрагиваться. Шагая вперед, он сам чувствовал, что недопустимым образом утрачивает осторожность. Что ж, тут было простительно утратить не только осторожность. Тут самый рассудок запросто мог погаснуть, точно слабенькая свеча, со всех сторон задуваемая черными колдовскими ветрами. Конан вдруг понял, как легко было превратиться из разумного существа во всхлипывающий комок бессмысленной плоти, царапающий изодранными пальцами равнодушные стены бесконечного лабиринта...

Конан приостановился и сделал над собой чудовищное усилие, обуздывая разыгравшиеся чувства...

И внезапно его окружила целая какофония звуков. Грубые руки схватили его, а глаза ударил ослепительный свет!..

Глава двенадцатая

Воровская смекалка

Розовая заря напоминала отсветы пламени из приоткрытого кузнечного горна; она как бы предупреждала о том, какая испепеляющая жара будет царить здесь попозже днем. В этот ранний час восход заливал светом восточные стены Абеддраха и почти законченную гробницу еще живого царя. Пирамида отбрасывала длинную тень, и казалось, что эта тень ложилась на город. Заря касалась и дальних пирамид Стигии, вздымавшихся над вспухшими от наводнения волнами Стикса. Сквозь утренний туман, клубившийся над рекой, вершины пирамид казались красноватыми, словно раскаленные иглы, торчащие из земли.

Когда сверкающий диск Эллаэля отбросил тень финиковых пальм на стены гостиницы Осгара, ворота постоянного двора широко распахнулись и во двор, сопровождая свое движение скрипом колес и цокотом копыт, въехал очередной обоз. Громогласный крик колесничего заставил слуг бегом поспешить навстречу.

– Живее, живее, бездельники! Займитесь-ка лошадьми, неужели не видите, что они все в мыле? И осторожнее выгружайте эти кувшины с пряностями, еще не хватало потревожить печати! – И Осгар, вручив вожжи мальчишке-конюху, сступил наземь с задка колесницы, накренившейся под его весом. – Всю ночь ехал без отдыха! – пожаловался ванир. – Провалиться бы совсем этому свинорою, который здесь называют дорогами! А ну, живо чтобы подготовили мне прохладную ванну! И мягкую постель!..

Отряхивая комья грязи с подола одежды, он прошагал через главный двор к дому. Он и глазом не повел в сторону нескольких постояльцев – ранних пташек, уже ошивавшихся в общей комнате.

– А где моя маленькая танцовщица, Зефрити? Я ей что-то привез!..

Оглядев верхний этаж и лестницу и ничего не обнаружив, Осгар в конце концов остановил взор на пышнотелой служанке, которая стояла неподалеку и выглядела несколько взволнованной.

– Мой господин... еще так рано... молодая госпожа не вставала... она велела сказать, что сию минуточку прибежит тебя приветствовать...

– «Не вставала! Сию минуточку!..» – зло передразнил Осгар. – Да что за шлюха! – И ванир, темнея лицом, отпихнул толстушку с дороги. – Опять

взялась развлекаться на стороне? С кем еще на сей раз?..

И он помчался по лестнице через две ступеньки, двигаясь на удивление проворно для такого здоровяка. При этом он еще и сыпал отборнейшей бранью, хотя слушать его здесь было особенно некому.

– Развлекается!.. В моей собственной комнате!.. С кем?!.. Если с этим сосунком Азрафелем, да я за уши его на стенку повешу! Я все про него знаю!..

Выскочив наверх, он прошагал по кедровым половицам к обширной двойной двери. После чего, не останавливаясь, с маху наддал обутой в сандалию ножищей в середину створок. Внутри с треском лопнул запор, и мстительный Осгар, даже не замедлив движения, ворвался внутрь.

Неприбранная постель, как говорится, еще не остыла. Повсюду на полу валялись яркие цветные одежды, но никого не было видно. В глубине комнаты красовалась ширма в четыре панели, сработанная из темного дерева и перламутра. Инкрустация была в кхитайском стиле и изображала охоту на тамошних драконов. Из-за ширмы донесся мелодичный голос Зефрити:

– Осгар, любовь моя, это ты?.. Как стремительно ты ворвался! Подожди чуточку, и я выйду к тебе...

Но к тому времени хозяин гостиницы уже пересек комнату и взялся рукой за ближайшую панель.

...Сторонний наблюдатель, вероятно, не понял бы, почему это он вдруг шарахнулся прочь. Не всякий успел бы уследить за тем, как из-за лакированной ширмы внезапно вылетел кулак и стремительно врезался ему в физиономию. В следующий миг ширма рухнула, а перед Осгарам возник Конан. Вид у киммерийца был весьма решительный. Конан ринулся на Осгара со сжатыми кулаками и искаженным яростью лицом. За его спиной, в уголке комнаты, торопливо одевалась Зефрити.

Киммериец безжалостно набросился на ошеломленного ванира, настиг его и принялся дубасить кулачищами, больше похожими на боевые молоты, не давая Осгару себя ухватить. Подвижное тело, свитое из упругих мышц, танцевало взад-вперед, взад-вперед: ни дать ни взять кузнец, работающий возле слишком жаркого горна. Удары были таковы, что ванира разворачивало то вправо, то влево. Он чуть не падал.

И настал момент, когда киммериец, действуя кулаками и ногами, сшиб Осгара на пол, где тот и остался лежать неподвижно, – то ли потерял сознание, то ли понял, что так было всего безопасней.

– Конан! Конан, не убивай его!.. – Зефрити наконец кое-как прикрыла очаровательную наготу, выскочила из-за ширмы и склонилась над

распростертым ваниром.

– Да мне его мочить и в голову никогда бы не пришло, – с горечью отозвался Конан, разглядывая опухшие, покрасневшие костяшки пальцев: отбил об Осгара. – Я же знаю, как необходимо тебе его богатство, а также ловкость в делах, равно как и в воровстве... Я его так, немножко... Разобрались, и хватит.

– Без Осгара у нас у всех не станет крыши над головой, – сказал с порога комнаты еще один голос.

Конан развернулся навстречу и увидел входившего Исаиаба. Пожилой шемит дружелюбно кивнул киммерийцу.

– Но время от времени таскать таких, как он, на порку только полезно. Очень даже полезно!

Следом за Исаиабом явился Азрафель и с ним еще двое шемитов вполне негодяйского вида – новые подручные Осгара. Завидя своего хозяина распространенным без движения на полу, парни начали неуверенно переглядываться. Однако оружия не обнажили. Азрафель погнал прочь слуг, которые толпились у двери, пытаясь заглянуть внутрь и выяснить, что же такое стряслось. Закрыв попорченные ударом двойные двери, юноша встал перед ними, как на посту.

Осгар между тем слабо пошевелил головой, покоившейся на обтянутых шелковой тканью коленях Зефрити. Он открыл глаза, потом двинул рассаженными в кровь губами:

– Возлюбленная... горлинка моя... как же ты могла мне изменить? Снова... так скоро... а ты, киммериец!.. – Он повел глазами, потому что тело не очень-то слушалось. – Мне сказали, ты погиб... Из какой преисподней ты выполз?

– Из той самой, куда ты, чмо болотное, меня по дружбе отправил, – ответствовал Конан. – Знал бы ты, с какой нежной любовью я тебя там вспоминал! Уж и не чаял по достоинству отплатить за добро...

– О чем ты, не понимаю! Если ты о той нашей маленькой прогулке к гробнице... Но ведь тогда ты попался по собственной неуклюжести! И нечего на меня собак вешать.

– Я бы тебя самого с радостью за одно место повесил, – проворчал Конан. – Если бы все вышло по-твоему, мне бы кишки заживо размотало!

– Чепуха! – Распухшие губы мешали Осгару говорить внятно. – Однако если у тебя, как тебе кажется, есть причины на меня обижаться, так почему бы нам с тобой все не уладить прямо сейчас? – Не без труда повернув голову на коленях у Зефрити, он обеими руками раздвинул полы кожаной безрукавки, из которой кулаки Конана так до конца и не выбили дорожную

пыль. Наружу появились буйные заросли светлой шерсти на груди. – Убей меня, и дело с концом! Если, конечно, кишка не тонка...

– Хватит пустой трепотни! – Исараб прошел вперед и наклонился над ваниром. – Конан согласился оставить тебе жизнь, Осгар, только благодаря моим уговорам! К тому же у него есть деловое предложение, которое, если ты его поддержишь, может принести немалую выгоду!

– Именно так, – сказал Конан, чувствуя, как понемногу стихает в нем гнев. – Если бы я не повстречал Исараба и этих остальных, шатавшихся по лабиринту с потайным фонарем, я, может быть, еще и сейчас бы там ползал. Они видели все то же, что видел и я, и согласны, что нам может очень даже подфартить!

– Так вы в мое отсутствие лазили по местным гробницам?.. – Тут уж Осгар перестал прикидываться полуживым и сел на полу, стряхнув с себя ласковые руки Зефрити. – У вас что, совсем крыша съехала? Хотите, чтобы ко мне сюда вломилась кладбищенская стражка и храмовые палачи?..

Исараб пожал плечами:

– А нам, с твоими вечными разъездами по делам, ничего другого и не оставалось. Наши руки просили дела, достойного их искусства. А от твоего внезапного увлечения контрабандой нам что-то не особенно много отстегивается в кошелек!

– Если бы ты знал, Осгар, что мы обнаружили! – подал голос Азрафель, стоявший возле двери. – Целую сеть тоннелей, соединяющих древние погребения!

– Ходы зверей-трупоедов, что ли?.. – устало отмахнулся Осгар и, сморщившись, пощупал ссадину под ухом. – Да уж, конечно, бродяги и животные там давно все осквернили...

– А вот и нет, – сказал Конан. – Это отличные тоннели, проделанные людьми. Прорубленные в монолитной скале. Ты хочешь сказать, будто ничего не знал о целой сети подземных коридоров под кладбищем?

Осгар отрицательно покачал головой. Сделал он это очень осторожно, потому что шея у него болела.

– Даже не слыхал про что-либо подобное, – сказал он. – Рубить камень, опять же, дело очень муторное и к тому же слишком шумное. Это тебе любой могильный вор подтвердит. Когда мы разведываем места, мы обычно смотрим, можно ли открыть вход в погребение. Если нет, лучше совсем оставить гробницу в покое. Исараб знает, как мы обычно поступаем... – И он посмотрел на пожилого соратника с вновь пробудившимся интересом. – Ну и что, оттуда уже небось все стоящее повытаскали?

Исайаб с непроницаемым видом сложил руки на груди.

– Некоторые замурованные отделения и саркофаги выглядят нетронутыми, так что в них вполне могли остаться сокровища. Мы забрались туда через наш старый лаз в Погребении Кошек возле северной стены. Попав в тоннели, мы старались вести себя по возможности тише. Но далеко пройти не удалось: мы встретили Конана, так что стало не до грабежа...

– Да если вы даже нашли там всю царскую казну, так тем более не скажете, – подозрительно проворчал Осгар. – Ладно, дальше-то что?

– Там... действует какая-то странная сила, – сказал Исайаб. – Мы явственно чувствовали ее присутствие. Да и Конан, когда мы на него натолкнулись, выглядел так, будто только что от какой-то пакости еле ноги унес. А от какой – не говорит.

Киммериец смотрел на них с самым невинным видом.

– Там было темно, хоть глаз выколи, и я просто не разобрался, что же это было такое. Могу определенно сказать только одно: мертвые там... как бы это выразиться... спят не очень спокойно. – Он с трудом скрыл прохватившую его дрожь. – Впрочем, ничего такого, с чем не сумел бы справиться хорошо вооруженный отряд!

Осгар кивнул, ему явно было не по себе.

– Охранительные заклятия Хораспеса, вот что это такое, – сказал он. – Ну что ж... еще одна опасность до кучи.

Он не без труда поднялся на ноги, опираясь, как на костьль, на плечо Зефрити, все еще стоявшей подле него на коленях.

– В общем, все сходится на том, чтобы нам забыть к щутам собачьим это мелкое воровство! А если вам, крадунам, так уж неймется, у меня для вас работы достаточно! Скажем, проводить караваны мимо таможен... – Тут Осгар посмотрел на Конана: – Я даже и тебя имею в виду, киммериец. Если научишься уважительно вести себя у меня в доме, так и быть, можешь остаться!

Но Конан только покачал головой:

– У тебя, Осгар, видно, мозги еще не встали на место после трепки, которую я тебе задал. Неужели ты не въезжаешь, что эти тоннели помогут нам осуществить мой первоначальный план? Ограбить Ибнизабову ухоронку?.. – Конан протянул руку, собираясь встряхнуть Осгара, но ванир проворно спрятался от него за Зефрити. – Я сам туда провалился прямо из пирамиды... нельзя, правда, сказать, чтобы мне этого очень хотелось. Так вот, когда царя наконец закопают, найти обратную дорогу не составит большого труда!

Осгар отступил к постели, сел и замотал головой:

– Глупо даже говорить о подобных вещах! Да еще сейчас, когда так процветает торговля! Вы хоть представляете, почем идет набор стальных зубил из Аквилонии? А турецкий нефрит?.. А кожа аргосской выделки для такелажа и надсмотрщикам на кнуты?.. Все со страшными пошлинами, которые тем не менее окупаются, даже если их платить! Да я большее состояние накоплю от строительства пирамиды, чем от ее ограбления...

– Ты так уверен? – спросил Конан, запуская руку в поясной кармашек, – жест, заставивший Осгара вздрогнуть и отшатнуться. Впрочем, киммериец извлек наружу не оружие, но медальон, выполненный из сверкающего электрона и сплошь усеянный переливчатыми камнями. – Это из той самой недостроенной гробницы, – сообщил он Осгару. – Я стирил его из-под наружных повязок мумии одного мелкого чиновника Ибназаба, который удостоился быть похороненным с избранными... Теперь ты видишь, как там снаряжают последнего слугу! А что будет делаться, когда царь откинет копыта и пирамиду закроют?..

Зефрити выдернула украшение у него из руки:

– Ой, Конан, какая прелесть! Можно я возьму это себе?..

Киммериец кивнул, и стигийка мигом приспособила медальон себе на полуобнаженную грудь и затанцевала по комнате, всячески демонстрируя новую цацку.

– Осгар, Конан прав! Такое добро идет в руки, как же можно им пренебрегать? Обворуем царскую гробницу и сами станем богатыми, как цари!

Мужчины заинтересованно наблюдали за ее ужимками и прыжками. Осгар тоже посмотрел, но скоро опустил голову и с мрачно-отрешенным видом уставился в пол. Он долго сидел так, подперев кулаком подбородок, казалось, в узорах ковра ему представляли хитросплетения грядущей судьбы.

– Что ж, у мелких вельмож будет действительно невпроворот таких побрякушек, – сказал он наконец. – Но, насколько я понимаю, царские покои будут заперты как следует...

– Совершенно верно. – Конан опустился против Осгара на резной табурет, скрипнувший под его тяжестью. – Один умный чертежник придумал такое, что нам наверняка никогда не преодолеть, – закупорку из шестидесяти точно притертых камней. Эти камни опускаются, когда срабатывает особый механизм. Его приводят в действие песочные часы. Когда мы строили этот Затвор, я сунул в песочные часы камешек, чтобы песок подольше несыпался, но получится это или нет – узнать неоткуда. В общем, я предлагаю, чтобы к моменту запирания гробницы мы уже стояли

на стреме. Тогда я смогу остановить механизм и Царский Чертог останется незакрытым.

Осгар поднял глаза. Теперь он смотрел на киммерийца с плохо скрытой насмешкой.

– Те знания, которых ты там поднабрался, делают тебя важной птицей. Я бы сказал, даже где-то незаменимой. А вот план твой состоит в основном из длительной разведки и подготовки. И на что тебе понадобилась моя поддержка, хотел бы я знать?.. – Он задумчиво пощупал синяк, вспухший на скуле. – Ко всему прочему ты ведь, кажется, еще и перестал мне доверять? Странно это как-то, тебе не кажется?.. – Его рука переместилась к подбородку, благо и там все болело. – Чтобы ты не мучился подозрениями, я предлагаю тебе следующее. Я разрешаю тебе брать с собой моих людей и не жалеть средств, какие могут понадобиться при устройстве подкопа. В общем, ты будешь действовать там, а я – сидеть дома и заниматься своими делами. Так тебе, по крайней мере, не придется все время оглядываться через плечо.

Конан хмуро улыбнулся и покачал головой:

– Нет, Осгар, прибереги свои хитрости для кого-нибудь другого. Я хочу, чтобы ты сопровождал меня в каждой вылазке. И Зефрити: девочке по-прежнему нравятся приключения. – Он покосился на молодую женщину и увидел, что она заинтересованно облизывала губы. – Только тогда я буду уверен, что ты снова не вздумаешь продать меня кладбищенской страже.

– Да чтоб ты сдох со своими бесконечными претензиями!.. – вновь взвился Осгар. – Я и так, того гляди, из-за этого дурацкого предприятия потеряю больше, чем любой из вас скопит за всю жизнь!.. – Он обвел взглядом лица наемных помощников: они взирали на него спокойно и терпеливо. – И вообще, я уже почти решился завязать не то что с ограблением могил, но даже и с контрабандой, и зажить как честный содержатель гостиницы!..

Его взгляд остановился на Зефрити. Та стояла в картинной позе с ним рядом. Электроновый медальон уже исчез в складках ее одеяния. Протянув руку, она стала нежно массировать ему лоб.

– Ну что ж... – вздохнул он. – Делать, видно, нечего, так что я с вами. За половинную долю от всего, что мы украдем. И... я очень надеюсь, что вы хоть отдаленно представляете себе опасности, которые нас там подстерегают!

* * *

В ту ночь, равно как и в несколько последующих, на постоялом дворе Осгара так и кишила скрытая жизнь, кто-то таинственным образом выходил за ворота и возвращался обратно. По счастью, слугам не только хорошо платили, — они были еще и по уши заняты наплывом многочисленных постояльцев. Наплыв этот происходил из-за продолжавшегося разлива реки, а также из-за небывалого расцвета местной торговли, и был весьма кстати. Если бы слугам было нечего делать, они наверняка догадались бы о небывалой затее. И от одного ужаса непременно настучали бы кладбищенской страже.

Движимые осторожностью, осквернители праха старались держать потайной фонарь и орудия своего ремесла подальше от гостиницы. Они прятали их в заброшенном Погребении Кошек, которое и служило им входом в тоннели. Одна из могил неподалеку, выстроенная как колодец, должна была в случае чего сыграть роль запасного выхода. И надо ли говорить, что делалось все с особой оглядкой. Посещая усыпальницы, воры всякий раз шли туда врозь, по разным дорогам, тщательно подмечая при этом распорядок стражи и поведение часовых.

Позже, спускаясь под землю, они оказывались лицом к лицу со стражей совсем иного рода — такой, которую нельзя было ни вовремя рассмотреть, ни выждать, пока она отвернется. Им не единожды приходилось прятаться в укромных уголках, пропуская безгласные, тихо позвякивающие оружием патрули. И часто касались их слуха отзвуки зубил, грызущих камень где-то далеко под землей. Безымянные жители подземелья продолжали расширять свой лабиринт.

Когда могильники оставались позади и больше не было необходимости соблюдать тишину, воры нередко пускались в яростный спор, обсуждая, что могли собой представлять странные создатели скальных тоннелей. Всех, в частности, живо интересовал вопрос: могли ли эти существа видеть свет? Или они не замечали *его* точно так же, как не замечали запаха масла и копоти, который источали зашторенные фонари?.. Ни у кого, впрочем, не возникало желания проделать опыт и лично удостовериться в результате. Хотя бы потому, что неведомые создания ходили приличными командами и, судя по звяканью, носили оружие и инструмент.

По мере того как Конан изучал тоннели вблизи осьпи из Ибнизабовой пирамиды и наносил их на карту, ему делалось ясно, что именно эту часть лабиринта подземные жители посещали всего реже. Возможно, потому, что здесь успело уже потрудиться ворье: саркофаги были вскрыты, богатства — вынесены.

Если Осгар не ошибся в догадках и таинственные тоннельщики были личными гробокопателями Хораспеса, грабившими древние захоронения либо для вящего украшения царской гробницы, либо ради личного обогащения пророка, – очевидно, они уже перенесли основные усилия в необозримую, но и менее роскошную часть некрополя, уходившую к подножию холмов. Именно там чаще всего слышался шум, именно туда направлялись сквозь мрак маленькие отряды, которые воры про себя уже называли рабочими командами.

Что же касалось необыкновенной способности странных созданий ориентироваться впотьмах, Азрафель выдвинул следующее предположение:

– Хораспес велел их всех ослепить, как раз затем, чтобы темнота была им домом родным. Я слышал, с утратой зрения остальные чувства приобретают особую остроту... Не удивлюсь, если зараза стигиец пошел еще и на такую жестокость!

Что же касается «непокоя» самих мертвецов, воры ни малейшего тому свидетельства не встречали, а Конан о странном происшествии в нише больше не заговаривал. Ему не хотелось отпугивать подельщиков, расписывая им очередной ужас, от которого у кого угодно затряслись бы поджилки. Кром знал, что Конану и прежде приходилось иметь дело с неупокоенными мертвецами. Наверное, та, с чьей мумией он сражался тогда в коридоре, при жизни была одержимой. Или упырихой, в последний раз пытавшейся присосаться к чужой жизни... В любом случае большинство могил внутри подземных залов стояло пустыми. Иссохшие останки тех, для кого их сооружали, были, видимо, вынесены наружу с мусором. Одним словом, Конан решил, что подобное происшествие навряд ли повторится.

Вот так и шло время. По ночам они спускались в гробницы, а во время дневной жары – спали или по крайней мере отлеживались среди неумолчного гостиничного шума. Конан и Осгар были почти на ножах: они пристально наблюдали один за другим и постоянно грызлись из-за Зефрити. Танцовщице, впрочем, нравилось удвоенное внимание, как и эта грызня. Бывало, она даже провоцировала ссоры, принимаясь ластиться к одному из двоих. Третьей пешкой в ее игре был Азрафель. Конан сразу это понял, хотя с момента его возвращения юному шемиту только и осталось, что обожать ее издалека.

Вечерами Зефрити по-прежнему вовсю танцевала для постояльцев, после чего храбро отправлялась вочные вылазки вместе с мужчинами. Исайаб, как губка, впитывал любые слухи, которыми обменивались

приезжавшие на постоянный двор. Особенno его интересовало все, что касалось здоровья царя и хода строительства пирамиды. И то и другое обстояло самым благоприятным образом – с точки зрения воров, разумеется. Ибназаб постепенно угасал, и, соответственно, его посмертное прибежище возводилось все более лихорадочными темпами. Другой причиной для спешки было ожидавшееся со дня на день приглашение Хораспесу посетить северных соседей. Тогдашние ирукийские посланники вернулись домой чуть ли не убежденными сторонниками учения Хораспеса – все, за исключением одного, умершего в дороге от скоротечной и весьма изнурительной болезни. Этим умершим был военный посланник. Благочестивые люди верили, что болезнь была ему ниспослана в наказание за святотатственные замечания о пророчествах Хораспеса.

Конан, как мог, навел справки о Хораспесовом подручном Нефрене и был немало обеспокоен, выяснив, что за последнее время не появилось никаких сообщений о полученных имувечьях. Судя по всему, Нефрен был по-прежнему полон странной, *неподвижной* жизненной силы. Более того, именно о нем-то народ и говорил больше всего. Нефрен, оказывается, весьма отличился, раскрыв гнусный изменнический заговор. Подумать только, какие-то преступники надумали обрушить великую усыпальницу, ослабив ее фундамент в самых важных местах!..

О том, как был раскрыт этот заговор, рассказывали невероятные вещи. Злоумышленник – чужеземец, конечно, скорее всего стигийский подсып – схватился с Нефреном один на один и в конце концов благополучно погиб в ужасном обвале, который сам же и устраивал на погибель царской гробнице.

Ходили, правда, и еще более темные слухи. Они с некоторой долей вероятности касались некоего капитана дворцовой стражи, а также еще более высоких особ при дворе. Поговаривали, будто советник Хораспес пообещал царю самым тщательным образом во всем разобраться...

Все эти сплетни и досужие пересуды наводили Конана на горестные размышления. В том, что «стигийским подсыпом» был он сам, сомневаться не приходилось. Как и в том, что его побег хитроумно использовали для объяснения неполадок в строительстве и еще для того, чтобы возбудить воинственные настроения при дворе. Он выжил – и тем самым подставил под удар царевну Эфрит. Она, конечно, ни в коем случае не была невинным ребенком – точно так же, как и все, делала хитрые ходы и строила планы. Тем не менее он был ей кое-чем обязан и сам отлично это понимал. Последнее время царевна все чаще занимала его мысли.

Еще его очень беспокоил вопрос, насколько все же серьезно ему удалось ранить Нефrena. Он ведь хорошо пырнул его ножичком – тут уж никак не могло быть ошибки даже при неверном свете, даже под угрозой близкого обвала. Но может быть, у Нефrena оказалось на брюхе что-то вроде защитного жилета, набитого песком?.. Или кинжал угодил в мешочек с травами и душистыми солями, какие носят на поясе, чтобы не подпустить к себе хворь?..

Нет, тут было что-то не то. Кинжал вошел будь здоров как глубоко – в этом Конан был абсолютно уверен. Значит, опять колдовство. И достаточно могущественное, чтобы надежно защитить Нефrena – человека или не человека?.. – от клинка, направляемого умелой рукой!

Короче говоря, городские новости, а того паче выводы, которые можно было из них сделать, свидетельствовали: чем меньше Конан будет попадаться на глаза посторонним, тем лучше. К тому же большинство абеддрахцев было вполне уверено в его гибели. Как еще истолкуют его неожиданное воскрешение! Не посчитают ли его за черное чудо?..

Однажды вечером Конану здорово подфартило. Осгару понадобилось срочно отлучиться из гостиницы. Несмотря на поздний час, у него была назначена с каким-то купцом неотложная встреча. Ванир сразу потребовал, чтобы Азрафель пошел с ним. Хорошо было бы захватить с собой Конана и Зефрити, но не удалось. Конан пойти не мог, поскольку не должен был мозолить глаза абеддрахцам, а у Зефрити как раз подходил час ежевечернего представления. Так и пришлось Осгару оставить их дома. Он ушел вдвоем с юным шемитом, ругаясь на чем свет стоит и чувствуя себя уязвленным в самую душу. И конечно же, когда Зефрити кончила танцевать, Конан уже ждал девушку в ее комнате, готовый помочь освободиться от украшений и слишком жарких, стесняющих движения одежд.

Они сполна, не торопясь, насладились друг другом. Потом Конан стал расспрашивать танцовщицу о ее юности, проведенной в Стигии:

– Ты что-нибудь слышала про Хораспеса, пока жила дома? Что-то он, по-моему, малость бледнокож для стигийца...

– Говорят, он был когда-то рабом, – отвечала Зефрити. – Я слышала, его привезли в Птейон маленьким ребенком откуда-то с севера... Наверное, из Коринфии... – Зефрити сладко вытянулась на своем ложе, которое после той памятной первой драки между Конаном и Осгаром едва удалось починить. С тех пор постель нещадно скрипела. – Если честно, – продолжала танцовщица, – то, что я знаю о нем, не с тех времен. Тогда я была совсем юна и интересовалась не интригами власть имущих, а совсем иным... – Она многозначительно улыбнулась Конану и, протянув руку,

погладила его волосы. – Зато я кое-что слышала из того, о чем перешептываются здесь, в Абеддрахе, выходцы с юга. Знаешь, даже у его бывших соотечественников к нему никакого доверия!

Почему он оказался в изгнании, никто толком не знает. Хотя, с другой стороны, кто может быть в чем-то уверен, когда дело касается жречества? Поговаривают, он был уж слишком властолюбив. И хорошо умел приспособить свои богословские построения к тому, чтобы рассорить противников, ослабить их – и потом подмять под себя. Еще говорят, он и тогда уже проповедовал воскресение и вечную жизнь. И делал это в самых что ни есть дерзких, пугающих выражениях.

Он всю дорогу был очень хитер и к тому же опытен в магии. Но несколько не рассчитал своих сил, бросив вызов религии, существующей уже не первую тысячу лет. Старшие жрецы отвергли его и отрешили от сана. А потом и вовсе двинули войско против подвластных ему храмовых владений в восточных холмах... Это на другом берегу, несколько выше по течению. Но до конца разбить его, насколько я знаю, не удалось даже тогда... – Зефрити подтянула простыню, закрывая бочок от случайного сквозняка. – О битве ходили всевозможные слухи: якобы стигийское войско понесло гораздо большие потери, чем войско сторонников Хораспеса... – Девушка передернула плечами, словно подчеркивая свою полную непричастность к правомерности или ложности этого сообщения. – Всетаки его вынудили сесть в лодку и уплыть по течению сюда, в Абеддрах. А теперь похоже на то, что этот город становится маловат для его властолюбия...

– Ну, а что говорили о его стигийских приверженцах? Небось, всех поубивали? Стигийское войско, насколько я знаю, шуток не шутит...

– Когда он явился сюда, с ним был только Нефрен и еще несколько слуг, – сказала Зефрити. – Но люди, опять же, болтали разное... – Она натянула покрывало на смуглые плечи и прижалась к Конану. – Осгар тогда занимался речной торговлей. Так вот, он слышал, будто по ночам восточнее города разгружались какие-то баржи. Он взял с собой нескольких головорезов и отправился на разведку, решив, что кто-то, верно, решил соперничать с ним в его деле. Он вправду увидел эти баржи, но никаких грузов они не заметили. На берег выходили только люди. Стигийцы, и притом какие-то заморенные, полуживые от голода. Мне сам Осгар об этом рассказывал. Опять же по слухам, это были люди Хораспеса. Я думаю, он сделал из них своих личных бальзамировщиков и строителей усыпальницы...

– Или тех невидимок, от которых мы каждую ночь шарахаемся в

подземельях, – проворчал киммериец. – Да, веселенькая история. Надо будет Осгара поподробнее расспросить. Хотя, если я вздумаю упомянуть при нем твое имя, он же на меня опять с кулаками полезет...

– Ну полезет, и что?.. – промурлыкала Зефрити, вытягиваясь подле него гибким телом. – Мужества в тебе в два раза больше, чем у него.

– Это верно, бояться я его не боюсь, – сказал Конан. – Только все равно лучше мне уйти, пока он назад не приперся. – Конан сел на постели и принялся одеваться. – Мы ведь занялись таким делом, где все зависит от того, насколько хорошо мы споемся. Так что окончательная разборка с Осгаром пускай пока подождет...

Ванир, похоже, был настроен не менее решительно. Зефрити, конечно, не упустила случая подразнить его, кстати и некстати переводя разговор на Конана, – но никакого выяснения отношений так и не воспоследовало. В ту ночь и в последующие осквернители праха продвинулись в своих исследованиях подземелий дальше обычного. А время, не занятное работой и сном, было посвящено приведению в порядок накопленного опыта и уточнению плана.

Исследуя тоннели, проходившие непосредственно под великой гробницей, они нашутили не менее полудюжины возможных подходов к сокровищам – включая и тот оползень, в который угодил Конан. Это место, как и другие ему подобные, были, конечно, по свежим следам заполнены камнем и замазаны известью. Наверное, с той стороны все выглядело – не придраться, но они-то видели, что на самом деле работа была поспешной и грубой.

Еще они видели, что снизу эти ненадежные «заплаты» были подперты прочными крепями.

– Так, значит, вся неприступность Ибнизабовой гробницы – чистой воды чмо!.. – сказал Азрафель, когда они возвратились в спокойствие и безопасность гостиницы. – Сплошная показуха, и только! Сверху – крепость, а снизу кому не лень пальцем ткни – и дырку проткнет!

– Похоже, по мысли Хораспеса, для охраны фундамента вполне достаточно его заклятий, – сказал Исайаб, со значением посмотрев на подельщиков. – И как знать! Не оказались бы они еще покрепче каменных стен!.. И долговечнее... Мы ведь на самом-то деле с ними как следует еще и не сталкивались!

– Кем бы ни были наши неведомые тоннельщики, они так же заботятся о предотвращении оползней, как и те, что работают сверху, – заметил Осгар. – Наверное, хотят сохранить свое присутствие в тайне!

Однако им попадались и некоторые признаки, так сказать,

взаимообмена между миром нижним и верхним. Кое-где возле «заплат» громоздились кучи булыжников, по которым легко было взобраться к самым тонким местам разделяющих стен, – как бы специально затем, чтобы в случае чего легко нарушить границу. В одном таком месте могильные воры обнаружили даже... прямоугольную каменную плиту, посаженную на петли! Со стороны подземелей ее подпирал камень; когда его отвалили, дверь открылась, и фонарь осветил внутренние коридоры пирамиды. Вот он, вход! Готовенький!..

В ту ночь осквернители праха не посмели углубиться внутрь гробницы. Но обратно из подземелей выбиравались в таком восторге, что надлежащее молчание и тишину едва-едва удалось соблюсти. На ближних подступах к гостинице они вполне могли бы сойти за компанию пьяных гуляк: все шли в обнимку и весело шумели, как во хмелю. А добравшись домой, встретили утро за пенящимися кружками. И когда Зефрити исполнила для них Танец Победы, ее встретил хор приветственных криков.

Спать, естественно, никому не хотелось, и Осгар позвал всех в свою комнату для окончательного уточнения планов.

– Даже и не знаю, что нам еще остается делать, кроме как ждать, чтобы проклятый тиран наконец окочурился! – заявил Азрафель. – В день его похорон мы спрячемся в подземелье. А когда внесут все сокровища и запечатают наружную дверь – вот тут-то мы влезем внутрь и унесем что душа пожелает. Всего-то делов!

– Тоже мне сказал: «унесем»! А остальное что, там лежать оставайся? – возмутилась Зефрити. – Нет уж, будем ходить день за днем, а если понадобится – неделя за неделей! Перетащим богатства в одну из старых гробниц – а потом уже и домой, потихонечку, не торопясь...

– Ну и налетим однажды на паршивых тоннельщиков, – тряхнув черной гривой, умерил Конан их прыть. – Спорю на что угодно, они сами носятся с мыслями о том, как бы ограбить царскую усыпальницу. И очень похоже, Хораспес у них за старшего. Наш единственный шанс – это опередить их! Я считаю, нам надо будет пойти туда один раз и как следует, не очень рассчитывая, что удастся наведаться еще. – И он повернулся к Осгару. – Как, сумеешь найти нам в компанию несколько способных воров, готовых рискнуть головой?

– Возможно, возможно, – отмахнулся Осгар. – Давайте, однако, не будем говорить «гоп»! Что нам сейчас больше всего надо – это как следует знать расположение коридоров, а то будем потом ползать по ним в поисках сокровищ, точно слепые котята! – И он хмуро посмотрел на Конана. – Я совсем не собираюсь полностью полагаться на то, что ты будто бы

помнишь расположение подземелий и якобы способен распечатать Царский Чертог. Надо сходить по крайней мере еще разок и как следует все разведать, чтобы в последний момент не попасть впросак! – Он допил свой кувшин и со стуком поставил его на стол. – Вот сегодня и прогуляемся. Зачем откладывать?..

Глава тринадцатая

Все тленно

– Чтоб их разорвало, эти бесконечные коридоры!.. – с приглушенной яростью ворчал Конан. – И хрена понадобилось такую прорвищу городить?..

Он говорил еле слышным шепотом, хотя в пределах прямой видимости не было заметно никого из работников. Чтобы не оказаться изобличенными как чужестранцы, обманом проникшие в великую пирамиду, они с Осгаром договорились в случае чего притворяться глухонемыми.

– Некоторые коридоры образуют священные символы, – прошептал в ответ Осгар. – Другие служат для того, чтобы внутрь проникал прохладный воздух и способствовал скорейшей мумификации.

Он шагал посередине маленького отряда, держа задние ручки большого ящика, выложенного серебром. Конан шел впереди, держа переднюю пару ручек. На обоих были жесткие навощенные парики по местной моде. Парики прикрывали волосы, могущие выдать чужеземное происхождение их обладателей. Осгару к тому же пришлось пожертвовать светлыми усами и сбрить волосы на груди, равно как и затемнить специальной краской веснушчатую кожу. Одежду того и другого составляли сандалии и кожаные юбочки-килты – обычное облачение храмовых невольников.

– Тихо вы! Впереди поворот, – предостерег Исайаб, возглавлявший шествие.

Он церемонно выступал впереди, за ним Зефрити и один из новых членов шайки, державший над головой факел. Азрафель и второй факельщик следовали позади. Зефрити изображала жрицу, мужчины – ее прислужников. Чтобы состряпать соответствующие одеяния, пришлось порядком разорить гардероб танцовщицы. Тем не менее они, похоже, выглядели довольно-таки убедительно. Они уже встречали и стражников, и рабочих, но ни один не стал придираться.

– Эрлик вытряхни мои кишкы! Вот теперь я начинаю узнавать места, – заворачивая за угол, пробормотал Конан. – Мы слишком высоко забрались, там, впереди, главная галерея. Как есть кто-нибудь заметит!

И в самом деле, узкий проход скоро вывел их на неогороженный

карниз, тянувшийся по стенам огромного подземного зала. Несколько впереди зияло устье большого тоннеля, и оттуда вниз, к полу, спускался довольно крутой пандус. Видны были входы в другие тоннели. Вдоль стен на высоких бронзовых подставках коптили дымные светильники. В целом зал наводил на малоприятные мысли об ужасах преисподней.

Ступив на карниз, Конан невольно поднял голову и посмотрел вверх – туда, где считанные дни назад раскинулся бы полог звездного неба. Теперь взгляд натыкался лишь на обширный, плохо освещенный потолок. Зодчие уже свели купол, строительство гробницы действительно близилось к завершению.

Замысел строителей (и весьма удачно воплощенный притом) сомнения не вызывал: создать впечатление давящей пустоты. Бегун, привыкший к коротким рывкам, задохнулся бы, пересекая зал. Карниз проходил над полом на высоте, не менее чем в двенадцать раз превышавшей человеческий рост. До потолка было вдвое дальше. На завершающей стадии строительства зал использовали как мастерскую: всюду виднелись верстаки и столы и громоздились подручные материалы. Невзирая на поздний час, внизу сновали туда и сюда сотни рабочих. Руководили ими высшие жрецы Эллаэля.

Подслушивать здесь было некому, и Конан опять отважился заговорить.

– Эта галерея – самое сердце пирамиды, – пояснил он. – Вон тот тоннель посередине внизу ведет непосредственно в Царский Черног. А тот, который с пандусом, тянется до самых внешних врат.

– Смотрите-ка! Позолоченные гробы!.. – Зефрити подошла к отвесному краю, привлеченная видом сверкающих саркофагов, что покоились на особых козлах прямо под ними.

– Ага, только нам их все равно не вынести, – сказал Исараб. – Золото придется отдирать и переплавлять. – Он указал на рабочих, склонившихся над гладкими каменными плитами, на которых покоились неподвижные, закутанные в саваны тела. – Это бальзамировочные столы. Здесь из усопших вынимают внутренности и укладывают в дорогие шкатулки, а на их место, согласно последним предначертаниям Хораспеса, кладут благовония и песок. – Пожилой шемит вновь двинулся вдоль карниза, старательно имитируя неестественную походку жрецов. – Дальше, вон на тех столах, кожу слой за слоем покрывают лаком, а потом тело заворачивают в пелены, перекладывая ткань драгоценными камнями и фигурками скарабеев... Получается сладкий рулет с изюмом. А куда, собственно, мы направляемся?

– Насколько я помню, – проворчал сзади Конан, – кратчайший путь вниз – вон тот пандус.

Услышав это, Исаиаб замолчал. Он по-прежнему шагал вперед, но с видимой неохотой. Азрафель, шедший позади, пытался храбриться.

– Наконец-то, – заметил он с наигранной бодростью, – проверим в деле, насколько мы преуспели в переодевании...

Юный шемит, несомненно, был прав: люди по крутыму пандусу так и сновали. Маленький отряд сдвинулся теснее, все напустили на себя как можно более важный и целеустремленный вид, чтобы ни у кого и мысли не шевельнулось их останавливать. Стараясь глядеть прямо перед собой, они очень по-деловому миновали два огромных пузатых светильника, горевших у ближней стороны устья тоннеля, и повернули на спуск.

– Назад, назад! Эй там, назад!.. – неожиданно гавкнули из тоннеля грубые голоса. – Все живо с дороги!

Конан вздрогнул и обернулся. Он увидел шесть суровых лиц под гребнистыми шлемами дворцовых стражников. За воинами спускалась порядочная группа людей, но из-за наклона тоннеля Конан покамест видел только их ноги.

Он послушно сдвинулся в сторону, таща сундук с оружием и вместе с ним – Осгара. Зефрити и ее спутники также поспешно посторонились. Они успели юркнуть с пандуса назад на карниз, и сейчас же перед ними в напряженной позе застыло двое стражников. Могильным ворам только и осталось, что наблюдать за процессией из-за покрытых доспехами спин.

Оказывается, следом за стражей двигались носильщики. На их плечах лежали длинные жерди тяжелого портшеза. Носильщики шли босыми, несомненно ради того, чтобы уберечь седока от малейшего сотрясения или качки. Ко всему прочему, бедняги еще и отчаянно пригибались, чтобы хозяин, не приведи Эллаэль, не чиркнул головой по низкому потолку.

Скоро этот самый хозяин предстал взорам Конана и остальных, благо портшез был открыт. Кто-то тихо ахнул при виде бесформенной туши, тяжело навалившейся на спинку носилок. Ибо это был не кто иной, как Его Царственное Великолепие Ибнизаб Абеддрахский.

С того дня, когда Конан видел его в первый и единственный раз, монарх здорово сдал. Он еще больше обрюзг, пухлая полнота превратилась в нездоровий отек, желтоватый цвет кожи говорил о разлитии желчи. Тем не менее лицо Ибнизаба так и сияло возбуждением, маленькие глазки блестели, жадно впитывая все новые чудеса и красоты.

Как только высокая тиара царя выплыла из среза тоннеля, прозвучала резкая команда и носильщики остановились. Рабы, которым, по всей

видимости, несладко пришлось на крутом спуске, воспользовались передышкой, чтобы размять сведенные судорогой мышцы и поудобнее устроить у себя на плечах неуклюжую тяжесть.

Конан, скучожившийся среди своих товарищей (еще не хватало, чтобы его кто-нибудь признал!), услышал рядом с собой тихий шепот Азрафеля:

– Вот он передо мной, ненавистный тиран. Жадная, жестокая тварь!..

Каждого слова по отдельности хватило бы на смертную казнь. Конану шепот юноши показался опасно громким, но руки киммерийца были по-прежнему заняты сундуком. Пришлось ограничиться крепким тычком под ребра и свирепым оскалом.

Старший офицер стражи обернулся к Его Величеству и обеспокоенно обратился к царю. Пандус казался офицеру слишком крутым и поэтому небезопасным.

– Вперед, вперед!.. – проквакал Ибназаб и даже приподнял отяжелевшую руку, чтобы неопределенно ткнуть ею вперед. – Я хочу своими глазами увидеть свою могилу до того, как меня в ней похоронят!

Делать нечего, офицер повернулся к пандусу и вновь принялся командовать, разгоняя подальше последних работников, замешкавшихся внизу. Потом отдал приказ и первым направился вниз. Носильщики засеменили следом. Пандус, огороженный бортиками высотой всего по щиколотку, был достаточно широк и к тому же шершав, чтобы не скользила нога. Шедшие позади опять согнули коленки, а те, что стояли впереди, вытянули руки с шестами над головой, чтобы портшез не наклонялся на крутизне.

Когда носильщики оказались на спуске, стража покинула карниз и двинулась за ними. Конан смотрел вслед удалявшейся процессии, с облегчением переводя дух. Внезапно что-то с металлическим грохотом обрушилось совсем рядом с ним, и брызги жгучей жидкости ошпарили ему голые ноги.

Это перевернулся один из громадных бронзовых светильников. Теперь он катился под уклон, извергая потоки раскаленного, дымящегося масла. По счастью, сандалии киммерийца предохранили ему ступни, да и основной поток оказался направлен не на воров, а вниз по пандусу, вдогонку царской свите. Камень, заливаемый маслом, быстро темнел, и по нему уже бежали вниз язычки призрачно-синеватого пламени.

Кое-кому из стоявших на карнизе все-таки прижгло ноги: люди с криками кинулись врассыпную. Конана чуть не спихнули вниз, но он вовремя выпустил неуклюжий сундук и отскочил прочь от края. Оглянувшись на светопреставление, происходившее за спиной, он увидел

Азрафеля. Юноша уперся ногой в бронзовое брюхо второго светильника, что было мочи толкнул – и отправил гигантскую лампу следом за первой.

– Получай, убийца моего отца!.. – пронзительно кричал молодой шемит. – Смерть тирану! Моего отца утопили – так чтобы ты одновременно утонул и сгорел!..

Новый поток масла ринулся поверх первого. Горящие ручейки добрались до арьергарда стражников. Кортеж успел одолеть едва половину спуска, для прыжка вниз здесь было еще высоко. Люди с воем подскакивали, пытаясь уберечься от потоков раскаленного масла. Оставаться на месте было невозможно, бежать вперед, налетая друг на дружку, – тоже. Кто-то пытался вспрыгивать на бортик, но перемазанные в масле сандалии неминуемо соскальзывали с гладкого камня, люди теряли равновесие и с отчаянными криками падали вниз.

Когда обжигающий поток добрался до босоногих носильщиков, кое-кто из них героически попытался остаться на месте, удерживая портшез. Но долго переносить подобную пытку было не в человеческих силах. Вид второго светильника, который, крутясь и продолжая гореть, катился с крутизны прямо на них, отнял у носильщиков последнее мужество. Несчастные рабы закричали громче прежнего и кинулись кто куда. Портшез опрокинулся, и находившаяся в нем беспомощная туша вывалилась наружу. Ибнизабу не повезло – носилки перевернулись на самом краю пандуса, и царь, перевалившись через бортик, полетел вниз, чтобы приземлиться на кучу строительного камня. Работники, стоявшие там, в ужасе порскнули в разные стороны. Вместе с царем отправилось вниз несколько носильщиков, а потом и носилки, при падении разлетевшиеся в щепы. Те, кто еще оставался на пандусе, кувырком катились вниз, спасаясь от гремевшего и подскакивающего светильника.

– Азза! Азза!.. Свергнем коронованных негодяев!.. – Азрафель танцевал, как сумасшедший, возле входа в тоннель. – Вот так мы расправляемся с мерзавцами!.. Эй, вы! Можете заколачивать его в гроб!..

Исайаб отчаянно дергал его за руку:

– Молчи, глупец, всех погубишь!.. – Он косился вниз, на возмущенную толпу. Множество глаз смотрело оттуда, и Исайаб сказал: – Впрочем, нас, скорее всего, и так уже заметили...

– Ну так вооружайтесь скорее – и делаем ноги!..

Конан откинулся крышку сундука, где хранился воровской инструмент, и принял торопливо раздавать подельщикам мечи. Зефрити тоже протянула руку и вытащила плюгавого вида кинжалчик. По мнению Конана, кинжалчик мог сгодиться разве для самоубийства, а больше ни

для чего.

Осгар сгреб Азрафеля за шкирку и потащил его прочь.

— Шевелись, ненормальный фанатик! — рычал ванир. — Еще не хватало, чтобы тебя замели! Даже если ты достанешься им мертвым, они всяко выйдут и на меня! Только поэтому я еще своими руками тебя не задушил...

— А что, собственно, ты так сердишься? — невинно спросил Азрафель. — Жирного шута больше нет. По-моему, тебе очень даже не терпелось поскорее добраться до сокровищ...

— О, глупец, глупец!.. — стенал Исараб. — Да он и так душу отдал бы не позже чем через неделю! И что было не повременить, пока своей смертью издохнет?..

— Лично я так не вполне уверен, что он вправду ухайдакался, — буркнул Осгар. — Но даже если это так и даже если сегодня случится чудо и мы каким-то образом сумеем удрать, у меня очко не выдержит вернуться и ограбить его! В общем, все наши великие планы — коту под хвост!..

Споря и переругиваясь, они тем не менее со всех ног улепетывали прочь по карнизу. Рабочие, находившиеся по ту сторону входа в тоннель, сперва отшатнулись назад, напуганные потоком горячего масла, да и теперь не торопились в погоню, опасаясь, как бы удирающие убийцы не дали им «оборотку». Одним словом, на плечах у беглецов пока никто не висел. Но снизу, помогая себе яростными криками, уже лезли по скользкому пандусу царские телохранители, да и из верхнего коридора слышались встревоженные голоса. Понятно, что все это только добавляло ревности удиравшим могильным ворам.

При этом они видели, что впереди их поджидали скорые неприятности. С полдюжины жрецов и охранников мчались наперехват по карнизу противоположной стены. Не было никакой возможности опередить их и юркнуть в тоннель первыми. Конан отшвырнул прочь мешавший ему навошенный парик и прибавил шагу, чтобы первым ввязаться в схватку.

Карниз в этом месте был совсем нешироким, так что нападавшие могли атаковать его только по одному, в лучшем случае — по двое. И надо ли говорить, что против гиганта киммерийца особого шанса ни у кого из них не было. Он скорее напоминал волка, ворвавшегося в овчарню с ягнятами. Меч первого из стражников разлетелся на куски, следующим ударом Конан выпустил шемиту кишкы. Меч второго он не стал даже и отбивать, просто пырнул воина в живот, и тот сам выронил оружие. Третьему — это был жрец — варвар распорол ногу, и жрец ухнулся с карниза. Он еще попытался ухватиться за край, но камень был слишком скользким от его собственной

крови.

Можно сказать, что тем, кто полетел вниз, повезло даже больше, чем тем, до кого добрался кровожадный меч киммерийца. Так или иначе, в углу чертога образовалась целая груда безжизненных, кровоточащих, изломанных тел, только что бывших живыми людьми, а путь к тоннелю очистился. Конан отступил в сторону, пропуская подельщиков вперед себя в коридор.

– Никак решил всю драку себе заграбастать?.. – пропыхтел Осгар, вталкивая в тоннель Азрафеля и сам проскакивая мимо Конана. – Ты и со стражей думаешь так же разделаться?..

– Именно, – сказал Конан. – Но ты не беспокойся, особо я не отстану и любое предательство с твоей стороны заметить успею. А теперь живо вперед, чтобы преследователи не обнаружили наш потайной лаз!..

Последовал безумный бег по узким проходам, но в конце концов так и не настигнутые беглецы благополучно юркнули в свою нору, и Конан с Исаиабом тихонько задвинули вращающуюся плиту. Осквернители праха не стали ждать, пока погоня доберется до лаза и станет ясно, обнаружен он или нет. Они сразу устремились в непроглядный мрак древних гробниц.

Им пришлось пробираться вперед со всей осторожностью: они потеряли один из факелов, а Осгар не стал задерживаться, чтобы зажечь потайной светильник. Впрочем, Конана тревожил не только свет. Он ощущал какую-то безымянную угрозу, разлитую в тяжелом воздухе подземелья. Что-то таилось в темных углах. Что-то недобroе...

Следуя за единственным факелом, колебавшимся и подпрыгивавшим далеко впереди, Конан ощущал запах собственного страха. Впервые в течение этой ночи. Он слышал, как в неосвещенных тоннелях что-то скреблось и шуршало. А когда он останавливался прислушаться, он слышал тишину, какая бывает перед прыжком черной пантеры. Он знал подгонял подельщиков, в том числе и тычками в спину, и отказывался объяснять, почему он так поступает. Наконец они чуть только не бежали вперед по своему лабиринту.

Когда же над ними снова раскинулось звездное небо, Конан как можно плотнее прикрыл за собой дверь кошачьей усыпальницы и еще забил под нее клин. Он не мог отделаться от впечатления, что ему чудом удалось избегнуть опасности, гораздо большей, чем целое войско врагов, размахивающих мечами...

Глава четырнадцатая

Клич скорби

После убийства царя жизнь в городе окрасилась в странные, приглушенные тона. Простолюдины ходили по улицам в траурных одеяниях, все с остриженными волосами и, согласно древнему обычанию, с лицами, выкрашенными синеватой сурьмой или древесным углем. Тем не менее скорбь была в основном внешней, душевной подавленности особо никто не испытывал. Скорее наоборот, под покровом траура царило приподнятое настроение, почти что предвкушение праздника. Все готовились к грандиозным похоронам.

Отовсюду слышалось неумолчное пение жрецов и неустанный рев медных рогов – клич скорби по безвременно почившему Ибназабу и одновременно клич торжества по поводу вознесения Его Царского Великолепия в Вечность. Высшее жречество объявило пост, но простонародье, согнанное с земель небывалым разливом, и так питалось хуже некуда – какой уж тут пост. Если указ как-то и повлиял на этих людей, то разве что подогрел их аппетит: они начали загодя думать о роскошном пире, который наверняка зададут на царских похоронах. Может, и им кусочек достанется?..

Великая пирамида, которая все последние месяцы росла и росла за городской стеной, теперь начала, наоборот, как бы уменьшаться – рабочие сновали по ее внешним стенам, разбирая вспомогательные земляные насыпи и снимая строительные леса. Гладкая серая кладка открывалась во всей красе завершенности. Силуэт был аскетически прост. Квадратное в плане, сооружение сперва устремлялось круто вверх, потом следовали округлые «плечи» и наконец – заостренная пирамидальная вершина. Высокие, узкие, двустворчатые бронзовые врата – челюсти, которым предстояло мистически поглотить правителя города на этом свете и вновь извергнуть его в потустороннем мире – смотрели на восток, в сторону города, и были хорошо видны с любой точки на западной стене. Абеддрахзам доставляла определенное удовольствие мысль, что в ясные дни величественная усыпальница будет хорошо видна через реку и станет наводить на стигийцев такой же трепет, как далекие гробницы южан – на обитателей этого берега.

По мере того как разбирались деревянные подъемники и настилы,

бревна и доски складывали в четыре огромные кучи, по одной у каждого угла сооружения. Каждый вечер, опять-таки по приказу жрецов, их поджигали, так что громадные языки пляшущего огня бросали багровые отсветы на потные спины рабочих команд, которые не покладая рук трудились теперь и по ночам. Дерева сжигалось так много, что копоть и дым никак не желали рассеиваться. В душной жаре над городом висели желтоватые облака чада.

Все это время Конан прятался у Осгара, в особой потайной комнате, и слушал оттуда непрекращающиеся вопли храмовых труб. Остальные воры, отсидевшиеся в течение суток и не обнаружив никаких признаков слежки, отваживались спускаться вниз, в общую комнату. Зефрити даже продолжала свои ежевечерние представления. Из всей шайки наибольшая опасность оказаться опознанным и схваченным угрожала, конечно, Конану. Это ведь его в жреческом указе поименовали вредителем и шпионом.

— Если бы только мы могли избавиться от тебя, киммериец!.. — тоскливо вздохнул как-то Осгар и тут же неуклюже поправился: — Э-э... то есть я имею в виду... тайно выпроводить тебя из Абеддраха. Тогда уже точно никто не дознался бы, что мои люди могут быть как-то причастны к цареубийству!.. — И хозяин гостиницы с сожалением покачал головой. — Нет, нет, бояться тебе нечего. Пока ты остаешься в моем доме, я о тебе позабочусь. А потом уж придумаем, как тебе бежать из страны.

Конан на это промолчал. Он сам отлично понимал, сколько хлопот с ним Осгару. Соответственно, чтобы его благодетель не вздумал пырнуть его ножичком, киммериец почти не спал. А ел, опасаясь быть отправленным, и того меньше. Настроение у него было препоганое. Ссугнувшись, он тупо сидел на плетеном сиденье в углу темного чулана.

— Между прочим, и в убийстве Ибнизаба обвиняют опять же тебя, а не Азрафеля. Если тебе это интересно, конечно, — продолжал ванир, присаживаясь возле подноса с нетронутой пищей, стоявшего на низком деревянном столике посреди комнаты. — Кое-кто из рабочих опознал тебя как того самого стигийского подсыла, которого разыскивают власть предержащие.

Конан пожал плечами.

— А какая мне разница? — сказал он мрачно. — И потом, лучше уж действительно пускай обвинят в цареубийстве меня, а не юного сорвиголову Азрафеля, который всего-то мстил за родных. — Он переменил положение тела, и плетеное сиденье зашуршало. — Кроме известно, что ложных обвинений на мне и так по самое не балуйся. Пусть уж если повесят, так не только за убийство никогда не существовавшей козы, но и

за то, что пристукнул одного такого откормленного быка... – И он наклонил жалобно скрипнувшее кресло назад к глинобитной стене, в глазах появился былой блеск. – Если честно, терять мне особо нечего, так почему бы и не поднять ставки еще выше? Право же, меня так и подывает возобновить наш план по ограблению царской усыпальницы. Что скажешь?

Осгар улыбнулся, недоверчиво грозя пальцем киммерийцу, почти невидимому в полутиме:

– Во имя грудей Иштар, украшенных звездами! Ты точно свихнулся, Конан! Соваться на кладбище сейчас... когда повсюду разыскивают воров... – Он пожал плечами. – Я еще понимаю – через несколько месяцев, скажем, этак через годик, когда все успокоится и страсти остынут...

– Кого ты обманываешь, Осгар? – Глаза киммерийца блеснули в тени. – Мы с тобой оба отлично знаем, что ты бегом побежишь на дело в тот же миг, как я буду убит или скроюсь. Только к тому времени самый лакомый кусочек от тебя уже уплывет...

Он замолчал: в дверь постучали особым, заранее оговоренным образом. Хозяин гостиницы поднялся и, откинув щеколду, впустил Зефрити и Исаиаба. С той стороны дверь представляла собой всего лишь секцию резной деревянной панели, ничем не отличавшуюся от других. Когда она закрылась за вошедшими, танцовщица возбужденно заговорила:

– Отличные новости! Дворцовая стража понятия не имеет ни о том, как мы удрали, ни о том, где нас искать. Конечно, они вовсю утверждают, будто вот-вот нас найдут, но это так, просто треп, чтобы успокоить народ.

– Я бы не обольщался, – сказал Конан из своего темного угла. – Не удивлюсь, если Хораспес сумеет проследить наш путь не только внутри пирамиды, но и под ней. Стоит ему пустить в ход свои сверхъестественные способности...

– Если он что и знает, то держит это при себе, – сказал Исаиаб. – Нам-то откуда знать? Может, ему не особо охота нас и ловить. У него и так весь двор на ушах стоит. Он же колдовской стигийский заговор разоблачил, и наша разборка с Ибнизабом ему здорово помогла!

– Да, и у людей только и разговоров, что о завершении пирамиды и завтраших похоронах!

Зефрити грациозным движением опустилась на пол рядом с Осгаром и оперлась о его колено.

– Все, кому не лень, осаждают дворец, требуя, чтобы царица велела выкопать их недавно умерших родственников и похоронить с Ибнизабом в качестве свиты! Не менее дюжины молодых воинов и вовсе утопилось в храмовом пруду, чтобы лечь в одну могилу с царем и продолжать служить

ему на том свете... – И она изумленно тряхнула вороными кудрями. – Даже у нас в Стигии не настолько с ума сходят. Жрецы, помнится, объявили, кто отправится в пирамиду, и люди шли. Но чтобы добровольно...

– Ты что-то говорила про царицу, – перебил Конан. – Ты какую имела в виду, прежнюю или новую?

– А прежняя, она и есть новая, – развела руками Зефрити. – Порядок наследования определил сам царь, покуда был жив, и двор поддержал его выбор. Теперь Абеддрахом правит Нитокар... или будет править, когда отремята похороны. Так что мои глубокие соболезнования всем, кто был еще недоволен правлением Ибназаба...

– Что слышно про царевну? – спросил киммериец.

Зефрити беззаботно рассмеялась:

– Что про нее может быть слышно? Пала жертвой дворцового выяснения отношений, я полагаю. Может, она и спаслась бы, не будь ее имя связано с изменой...

– Измена? Какая еще измена?.. – Передние ножки плетеного кресла, в котором сидел Конан, резко стукнули об пол.

– Ну как же, о том самом заговоре с целью обрушить пирамиду! Его еще Нефрен раскрыл. Там оказался впутан Арамас, капитан дворцовой стражи, и ты сам, Конан, насколько я помню. Имя Эфрит всплыло перед самой гибелью Ибназаба, после того как в глубинах пирамиды нашли клочок зеленого шелка. А ты что, неужели не знал?

– Нет, – мрачно глядя на нее, ответил Конан. – Я ничего об этом не слышал.

– Ну, ты даешь! Ведь царь оградил ее от немедленного наказания только по большой отеческой любви. Да только скандал лишил ее последней поддержки, на которую она могла рассчитывать при дворе! – Танцовщица обвела слушателей весело блестевшими глазами: рассказ о дрязгах и неприятностях власть имущих доставлял ей искреннее наслаждение. – Вообще-то, – продолжала она, – как вам отлично известно, по абеддрахскому закону Нитокар должна была бы отправиться вместе с Ибназабом вкушать в раю царские наслаждения. Но ее муженек переменил это обыкновение, и привилегия достанется счастливице Эфрит. А бедняжечке Нитокар – труды и тяготы земного правления!..

– Хватит выкрутас, девочка, говори прямо! – Конан так и подался вперед. – Ты что, хочешь сказать, что Эфрит закопают в могилу вместе с царем?..

– Закопают. Причем, по сугубому повелению любящего отца, живьем, дабы никоим образом не портить ее прекрасного юного тела. Девчонку

прикуют к его саркофагу золотыми цепями и закроют с ним в пирамиде.

– Да уж, царица наилучшим образом обо всем позаботилась, – вставил Исараб. – Теперь корона перейдет к ее сынку, Иблису. Который, несмотря на нежный возраст, уже теперь обещает стать тираном еще покруче мамаши...

– Хорошо, нам-то какая разница? – Осгар бросил огрызок фрукта и съело рыгнул. – Кто бы ни правил в Абеддраке, мое дело не пострадает. Самое важное, что они, расследуя преступление, не вышли на нас... пока не вышли, по крайности. Так что если мы еще немножечко выждем...

– Давай, ложись на дно, да еще закопайся, как ты один и умеешь! – прорычал Конан из потемок. – Чтоб тебе пусто было, хитроумный ванир! – И киммериец вскочил на ноги, сжимая рукоятку меча. – В общем, знайте: я полезу в пирамиду завтра, как мы и собирались! Эфрит спасла мне жизнь, когда вы все меня бросили. Так вот, и я не допущу, чтобы ее живой зарыли в могилу! – Он обвел свирепым взглядом обращенные к нему удивленные физиономии. – Я спасу ее. Или прикончу своей рукой, если другого выхода не будет.

– Слушай, оставь-ка в покое свою живорезку и сядь! – сказал Осгар. Как это на первый взгляд ни странно, ванир говорил безо всякой ярости, размеренно и даже торжественно. – Лично мне глубоко наплевать на твои любовные шашни, Конан. Как и всем остальным, кто здесь сидит. Ты только пойми меня правильно. Мы ни в коем случае не можем допустить, чтобы ты очертя голову ринулся туда и благополучно свернулся себе шею. Тебя поймают и будут пытать, пока не заговоришь. Или проследят за тобой и явятся пряником сюда. – Осгар с терпеливой усталостью покачал головой. – Ты всех нас хочешь под топор подвести, неужели не ясно?

– И где это ты у нас заделался таким знатоком риска?

Неожиданным движением Конан выдернул меч из ножен. То и другое он не выпускал из рук вот уже два дня.

– Я тебе покажу, что такое настоящий риск! Собрался меня остановить – давай, останавливай! – Его меч смотрел прямо на Осгара, глаза горели кровожадным предвкушением битвы. – Либо обожди и выдай меня кладбищенским стражникам. Только не думай, что я им про твои преступления все как есть не выложу, когда меня будут пытать!.. – Он ощерился в улыбке, в которой, как показалось остальным, была немалая доля безумия. – Есть еще путь – идите вместе со мной, и разбогатеете! Дорогу мы теперь знаем, все необходимое приготовили. Ну?.. Так что вы выбираете?..

Осгар держал руку на рукояти кинжала. Он не спускал с Конана злых

глаз. Зефрити смотрела на хозяина гостиницы, и на ее смуглом лице было написано плохо скрытое возбуждение. Исаиабу было явно не по себе. Он ежился, но помалкивал.

– С вами или без вас – в любом случае вечером я пойду, – сказал Конан, и было ясно, что поколебать его решения не удастся. – Если попробуете меня удержать, пеняйте на себя!

Глава пятнадцатая

Порог вечности

День похорон должен был одновременно стать и днем коронации. Народ Абеддракха с раннего утра высыпал из домов. На широкой улице, что вела от дворца к западным городским воротам, было не протолкнуться. Здесь присутствовало без малого все население города-государства. Большинство были бедные земледельцы; Многие, лишившиеся земли, держали при себе весь свой нехитрый скарб, увязанный в потертые узлы, и опирали на плечо длинные черпаки для воды. Несмотря на то что в ночь гибели Ибнизаба (поистине, могло ли это не быть проявлением божественной воли?) разлив Стиksа начал спадать, вода стояла еще очень высоко, так что возвращение в полу затопленные дома вполне можно было отложить до окончания торжественных похорон. Незадолго до полудня невероятная толпа заполнила широкую, недавно расчищенную площадь перед великой пирамидой и даже выплеснулась на возвышенные берега близких каналов.

Люди в толпе были преисполнены благоговейного ужаса и восторга. Им предстояло провожать в последний путь не простого смертного человека, но существо, чью природу они едва могли уразуметь, существо, чье великолепие и величие светило им, как солнце, из невообразимого далека. Они знали, что очень скоро на трон взойдет еще один, вернее, одна, из той же таинственной породы полубогов. Вельможи ожидали на стене или занимали места в траурном поезде, расположившемся пока во дворе царской резиденции. Одни молились, другие по крайней мере сохраняли приличествовавший случаю вид благочестивой задумчивости. Все они понимали, что переход власти из рук сумасшедшего царя в руки сумасшедшей царицы, да еще при посредничестве советника, сдвинутого на религии, сулил много невероятнейших выгод, катастрофических падений... и всевозможной неопределенности.

Когда наконец скорбная процессия выдвинулась из дворцовых ворот и потянулась по улице к воротам, толпа подалась в стороны и расступилась без лишнего шума и неподобающей толкотни. Ко всему прочему, впереди кортежа выступала целая фаланга дворцовой стражи, мерно шагавшая под бой барабанов из слоновой кости. Лица стражников дышали такой безмятежной решимостью, что улица перед ними очищалась сама собой:

не понадобилось пускать в ход ни дубинки, ни черенки алебард.

Это был отборный отряд добровольцев, изъявивших желание последовать за Ибнизабом в могилу и принявших особое благословение Хораспеса. Всех их замкнут в пирамиде живыми. В День, Который Грядет, воскресший царь своей рукой выпустит их на свободу и поведет под своим знаменем на завоевание Лучшего Мира.

За живыми следовала мертвая армия. Умершие вельможи и офицеры в гробах, лошади, конюхи. Рокочущие колесницы везли бренные останки своих мертвых возниц. Торопливые рабы, по четыре на каждый гроб, несли целые отряды копейщиков и стрелков, и к каждому саркофагу было прикреплено оружие, которым тот или иной воин пользовался при жизни. Тщательно сохраненные для этого случая, здесь, так сказать, присутствовали все «военные потери» за прошедшие несколько лет. И с ними – порядочное число новопреставленных молодых солдат.

В толпе при виде этого раздался возбужденный ропот. Столь великолепное зрелище военной мощи Абеддраха поневоле всколыхнуло в каждом чувство гордости за свой город.

За мертвым войском двигались припасы и провиант. Провиант частью шел своим ходом – рабы вели целые стада овец и коров. Чисто вымытые животные были умащены благовониями и увиты разноцветными лентами. Большие повозки везли походную мебель, рабы тащили корзины с едой и сосуды с питьем. Другие невольники несли ярко раскрашенные гробы, в которых покоились такие же рабы, как и они сами.

Торжественное шествие двигалось своим чередом. Завороженным зрителям довелось в одночасье увидеть столько всяких богатств, сколько при иных обстоятельствах они не узрели бы в течение всей своей жизни.

И при всем том перед ними была лишь только прелюдия! Люди поняли это, когда наконец показались повозки с личным имуществом покойного государя. Шестерка тщательно, в масть подобранных серебристых скакунов влекла золотую, в драгоценных каменьях, боевую колесницу. При жизни царь почти ею не пользовался. Четыре десятка рабов тащили модель царского корабля. Модель, нагруженная позолоченной мебелью, была слишком велика, чтобы плавать по Стиксу. Далее следовали блистающие роскошью гробы любимых наложниц. Их несли рабыни в одеяниях из прозрачной ткани, на ходу распевавшие погребальные песни.

И наконец выехал сам Его Величество царь Ибнизаб.

Великолепные носилки Ибнизаба погибли с ним вместе, разлетевшись в щепы при падении с каменного пандуса. Но даже если бы они уцелели,

они все равно не могли бы вместить громадного саркофага. Новые носилки были раза в два больше прежних. Опорой им служили крепкие шесты, но и те заметно прогибались посередине, с трудом выдерживая колossalную тяжесть. Носильщики были подобраны по росту, и в середине шли самые невысокие, но и те поневоле согнулись.

Ужас ситуации заключался еще и в том, что, согласно нерушимой традиции, нести монарха в последний путь должны были самые приближенные из вельмож. Понятно, что высшая знать была весьма далека от привычки к тяжелому труду. Так что вид у сановников, облаченных в скромные килты носильщиков, был попросту жалкий. Конечно, их хилые ряды были изрядно усилены могучими рабами, на чьи широкие плечи и лег основной вес. Только благодаря этому спотыкавшимся аристократам удавалось сохранять хоть какие-то остатки достоинства.

По счастью для них, толпа любопытных рассматривала в первую очередь не их самих, а саркофаг Ибнизаба. И воистину было на что посмотреть, ибо это было самое настоящее воплощение роскоши, сверкающий панцирь из платины и золота, поражавший не только весом и размерами, но и невероятно искусной отделкой. Он был так мастерски отполирован и так ярко горел на утреннем солнце, что мало кто мог долго смотреть на него, не отводя глаз. Кто пробовал, несколько суток потом, закрывая глаза, видел перед собой его сияющий призрак; ходили слухи, будто кое-кто и вовсе ослеп на месте. Все, узревшие саркофаг хоть краешком глаза, благоговейно ахали. Продвижение лучистого чуда по улице можно было проследить издалека, слушая волну восхищенного ропота. Так многовесельная галера оставляет после себя пенистый след на воде.

Оглушительная роскошь саркофага способствовала тому, что мало кто обращал внимание на босоногую юную женщину, шедшую непосредственно следом. Она была одета в тонкую простую рубашку, но на голове сияла дорогими каменьями царская диадема. Она шла с трудом: ее тянули к земле надетые на руки тяжелые золотые оковы. Тем не менее шаг девушки оставался решительным. Чуть склонив голову, она старалась не смотреть в сияние саркофага...

Рядом с ней шел мужчина, которому приходилось еще хуже, чем ей. Когда-то это был крепкий, сильный молодой парень, но его так изуродовали пытками, что он еле переставлял ноги, — и то больше благодаря двоим рабам, шагавшим справа и слева. Время от времени юная женщина придвигалась к нему и брала его бессильно повисшую руку в свою. Но он, казалось, ее присутствия и не замечал.

Любой из зрителей мог бы во всех подробностях объяснить, что

девушка была не кто иная, как царевна Эфрит. Всем было известно: царевне предстояло понести наказание за государственную измену и вместе с нею должен был умереть ее помощник Арамас, бывший капитан дворцовой стражи. Все это знали, но особых чувств никто не испытывал. Ни ненависти, ни сочувствия. Настал судьбоносный день, день великих чудес, и двое несчастных были слишком малы и ничтожны, чтобы привлечь чье-то внимание.

Но даже если кто-то и удосуживался взглянуть на осужденных, все внимание и взгляды тотчас отвлекала та, что ехала следом за ними, — царица Нитокар. Она приветствовала абеддрахцев и своей рукой бросала с носилок в толпу медные и серебряные монеты. Царица была одета таким образом, чтобы наилучшим образом оттенить свои земные прелести. Ее траурный наряд состоял в основном из усеянных блестками черных лент, да глаза, в знак почтения к усопшему, были еще гуще обведены сурьмой. Она вовсе не выглядела подавленной горем, да и народ веселился вовсю, ловя на лету даруемые ею монеты. Носилки Нитокар были невелики и выстроены в расчете на скорость. Шестеро красавцев-рабов, шагавших особым парадным шагом, легко несли их на плечах.

Процессия длилась. На смену Нитокар появились младшие вельможи, лично возглавлявшие караваны с милодарами покойному царю. Шествие замыкала дополнительная стража. Эти воины двигались совсем не так, как передние. По окончании церемонии им предстояло вернуться назад живыми.

Многие отметили, что в траурном поезде почему-то не было видно ни Хораспеса, ни его слуги Нефrena. Официальное объяснение гласило, что пророк трудился в уединении, завершая могущественные заклятия, долженствовавшие оградить от посягательства и гробницу, и престолонаследников. В народе, однако, ходили упорные слухи, что пророк уже убыл в более богатый северный город. Великое дело, которому он посвятил свое пребывание в Абеддрахе, завершилось, и Хораспес якобы потерял к городу интерес.

Но и отсутствие главного советника не портило великолепного зрелища. Народ от души наслаждался чудом, которое двигалось по направлению к западным воротам. Эти ворота были не столь роскошны, как главные, но зато выходили прямо к некрополю. Они и служили в основном для похоронных процессий. Мало-помалу основное действие переместилось на огромную открытую площадь у края могильников. Народ, теснившийся в разные стороны, полез на возвышенные места, чтобы хоть что-нибудь рассмотреть.

С возвышенностей, как и с городской стены, и толпа, и участники шествия казались ничтожными муравьями перед лицом величественной, подавляющей размерами пирамиды. Людской водоворот у ее подножия казался мелкой лужей, обтекающей подошву громадного берегового утеса. Почти отвесные стены и в самом деле казались зловещими серыми скалами. Их гладкости противостоял лишь высокий, утопленный в камень портал. К нему-то и плыл сверкающий гроб Ибназаба, плыл, как серебряный корабль в необозримом человеческом море.

Когда процессия приблизилась к усыпальнице, вокруг подножия протяжно заревели трубы. Потом изнутри пирамиды раздался стонущий скрежет металла и скрип лебедок. Колossalные бронзовые створки дверей, каждая в локоть толщиной и сплошь покрытая фризами, изображавшими славу и благодать правления Ибназаба, начали медленно открываться. В следующий раз им предстояло открыться не прежде, чем минует нынешняя Вечность и настанет День, Который Грядет.

Створки распахнулись во всю ширину и замерли в неподвижности, как раз когда воины, возглавлявшие процессию, добрались до порога. Они вошли внутрь черного провала под аккомпанемент нового всплеска фанфар. Зрители разразились криками – кто восторженными, кто жалобными. Эхо множества голосов, как морской прибой, гуляло между городской стеной и стенами пирамиды. Наконец и царский саркофаг был поглощен зияющей чернотой.

Внутри пирамиды людей, мертвцев, животных и припасы без промедления размещали в заранее подготовленных помещениях. Что касается Ибназабова саркофага, то наготове уже стояли свежие рабы, готовые сменить выдохшихся под непосильной ношей вельмож. Но даже и со свежими силами тащить неподъемную тяжесть наклонными коридорами было куда как нелегко. Процессия то и дело останавливалась, а в главном коридоре и вовсе пришлось прекратить всякое иное движение.

Кроме того, требовалось избежать повторения трагической случайности, подстерегшей Ибназаба на пандусе в главном зале. Когда монарший гроб прибыл к злосчастному месту, его крепко обвязали канатами и осторожно спустили вниз на деревянных салазках.

В нижнем тоннеле последовали новые задержки, и еще худшие – в самом Царском Чертоге, вдоль стен которого теперь громоздились сокровища, а темно-синий потолок в свете ламп действительно напоминал сумеречное небо, усеянное бриллиантами звезд. Внесенный туда саркофаг надо было еще убрать в каменный футляр и опустить массивную крышку. При этом было жестоко покалечено несколько невольников, но наконец

работу завершили, и яростное сияние саркофага померкло внутри холодного камня. К тому времени царица Нитокар, лично присматривавшая за работой, была в ярости.

– Живее, бездельники! – кричала она на слуг, торопливо вносявших последние подарки царю. – Кладите безделушки и убирайтесь!

Ее портшез и носильщики ожидали в центральном зале. Сама царица прохаживалась туда и сюда по роскошному мозаичному полу Царского Чертога. Она производила немалое впечатление: черный лиф, черная, с разрезами, юбка, сандалии на высоких подошвах. В руках у нее был длинный хлыст, которым она обыкновенно подгоняла своих красавцев-рабов. Расхаживая взад и вперед, она раздавала хлесткие удары метавшимся рабам так же охотно, как прежде разбрасывала монеты в толпу.

– До чего надоела эта возня!.. – слышался ее голос. – Бросайте как есть, и пускай гниет рядом с этим куском жира!.. – Свистящий кнут прошелся по подножию каменного саркофага. – Тьфу!.. До чего надоели все эти могилы с их бесконечными сквозняками!.. У меня других дел полно! Городом править надо!..

– О моя царица, осмелюсь ли я попросить... о малой толике сдержанности в этих священных пределах, в этот богоизбранный день... – обратился к Нитокар единственный из важных придворных, находившийся вместе с нею в Царском Чертоге. Это был один из высших жрецов Эллаэля – высокий полный мужчина в расшитых блестками ризах.

– Сдержанность?.. Глупец! Что способно сдержать монарха?..

Крутянувшись, Нитокар занесла хлыст, как бы собираясь хлестнуть его по щеке, и священник испуганно отшатнулся.

– Нет, жрец, не бойся, – расхохоталась Нитокар. – Я не трону тебя. Я – сама сдержанность. Но если мое взволнованное состояние тебе не нравится, тогда ступай прочь! Иди посмотри, что делается в других помещениях. Я пошлю за тобой, когда пора будет запирать Царский Чертог.

– О великая царица, мое место здесь, рядом с тобою и царем...

– Ну уж нет! Брысь, я сказала! – Она угрожающе шагнула к жрецу, и тот попятился. – Да присмотри, чтобы другие священные олухи вроде тебя не толклись у порога! Я хочу побывать наедине с моей возлюбленной дочерью и достойным образом с нею попрощаться!

Жрец попятился от нее ко входу, пригибаясь и кланяясь на каждом шагу.

Проводив его взглядом, царица проследовала к изголовью громадного саркофага, где молча стояла на коленях царевна Эфрит. Каштановые кудри

ниспадали на схваченные кандалами запястья, которые ей приходилось держать на весу. Тяжелые золотые цепи исчезали в отверстии, проделанном в каменном футляре. Лицо девушки было белым, как ткань ее простенькой рубашки, но глаза оставались сухими. Она примирилась с судьбой, но дух ее оставался несломленным.

– Вот так, девочка, – сказала ей Нитокар. – Скоро ты избавишься от меня навсегда. От меня и от всех. Вообще избавишься от забот этого мира. Останешься наедине со своим сдвинутым папенькой... – Царица похлопала по выпуклому боку каменного саркофага. – Ах да!.. Не считая вон того полутрупа, твоего сотоварища по изменническому заговору против меня. Можете теперь болтать сколько влезет и строить заговоры, пока не испустите дух. Я-то с ним уже вволю наговорилась – беседовала долго и интересно...

Она ткнула хлыстом в сторону несчастного Арамаса, безучастно скорчившегося у стены. Он был прикован за ноги железными кандалами к позолоченному каменному блоку. Он сидел в неуклюжей, беспомощной позе, развернув колени. Плохо зажившие отметины по всему телу свидетельствовали о страданиях, которые ему выпало перенести.

– Как скверно, когда маленькие девочки начинают замышлять зло против родителей, – продолжала Нитокар, не обращая ни малейшего внимания на рабов, продолжавших таскать сокровища. – И как вышло, малышка, что ты выросла такой испорченной? Наверное, надо было мне проводить с тобой больше времени и материнской заботой заслужить если не твою любовь, так по крайней мере уважение. А заодно ласковой, но твердой рукой научить тебя послушанию! Родительская твердость, знаешь ли, творит чудеса. Возьмем хотя бы этого парнишку, как его там, – Арамас, кажется? Сперва он был таким букой! Наверное, успел набраться от тебя непочтительности по отношению к своим законным господам. Но очень скоро он начал хныкать, как младенец, и пачками выдавать мне все ваши секреты! Как он меня умолял, как во весь голос выкрикивал твое имя!.. О, ты же знаешь, я всегда умею найти подход к молодым людям вроде него. Я и тебя, девочка моя, не отказалась бы вразумить подобным же образом, но, увы, твой отец так и не дал мне как следует развернуться. Не хотел, видите ли, чтобы я тебя даже пальчиком тронула. Даже в смерть вместе с ним ты должна уйти целенькой и невредименькой!.. Вот пусты-ка теперь попробует меня остановить!..

Нитокар расхохоталась и взмахнула кнутом, с силой хлестнув девушку по руке. Эфрит ахнула от боли и схватилась за мгновенно вздувшийся рубец.

– А это что такое, царевна? – продолжала Нитокар. – Когда Царский Суд определял твою участь, я что-то не припомню, чтобы в приговоре было сказано об одежде! А ну-ка, живо снимай!

Движением при рожденной хищницы Нитокар схватила край рубашки Эфрит и с силой рванула. Большая часть тонкого одеяния осталась у нее в кулаке. Девушка вскрикнула и забилась в оковах.

– Вот так-то лучше! Попробуй теперь прикрыть срам!.. – ликовала Нитокар, вновь и вновь замахиваясь кнутом; на спине и обнаженных ногах Эфрит одна за другой вспыхивали багровые полосы. – Вот как надо было поступить с тобой в самом начале, когда ты в самый первый раз принялась наушничать своему отцу против меня! Вот тебе, вот тебе, вот тебе!..

Царевна отчаянно уворачивалась, даже попыталась несколько раз лягнуть свою истязательницу, но не достала. Она мало что могла противопоставить длинному кнуту и не менее жестокому языку Нитокар. Наконец удары прекратились, и Эфрит, всхлипывая, поникла на пол рядом с саркофагом.

– Ну, что уставились? – обернулась Эфрит к паре рабов, парню и девушке, которые точно приросли к месту от жалости и изумления, видя расправу над царевной. Нитокар замахнулась кнутом и заорала уже в спины бегущим: – Пока я – царица, учитесь быть не только глухонемыми, но и слепыми!..

Ярость Нитокар не ведала уголения. Теперь она обернулась к несчастному сломленному Арамасу, который впервые поднял глаза, как будто начиная осознавать окружающее.

– А ты?.. Уже готов снова за мной поухаживать?.. Вот тебе мой поцелуй!..

Хлыст прошелся прямо по его лицу. Арамас отвернулся, не издав ни звука и даже не подняв руки, чтобы заслониться.

– Вот видишь, девочка? Это я называю преданностью... – И Нитокар вновь глумливо осклабилась, обернувшись к Эфрит. – Теперь он выучен лучше пса, ползающего в ногах. Дай мне немного времени, и я... Э, а это кого еще принесло?

В дверях Чертога стоял мужчина богатырского сложения, облаченный в доспехи кладбищенской стражи.

– Пошел вон! – крикнула Нитокар. – Стража мне не нужна! Я сама здесь распоряжаюсь!..

– К счастью для меня, ты действительно так думаешь, – хмыкнул вошедший.

Утвердительно кивнув кому-то, стоявшему по ту сторону входа, он

повернулся к царице, и его меч с шипением выплыл из ножен. Мужчина был очень рослым, и под тонким серым плащом так и перекатывались могучие мышцы, но двигался великан с легкостью и грацией горного кота.

– Ты!.. – узнала его Нитокар. – Конан!.. Тот самый беглец!.. – Голос царицы стал невыносимо пронзительным от ярости и страха. – Стража, стража! Сюда!.. Здесь убийца!..

Конан только засмеялся низким, грозным смехом и даже не попытался заставить ее замолчать. Позади него в дверь просунулись две головы в стражницких шлемах. Но на помочь царице вошедшие не спешили. Напротив, они деловито двинулись к сундукам и столикам, расставленным вдоль стен, и принялись набивать сокровищами большие мешки.

– Живее, песики!.. – обратился к ним Конан. – Хватайте что попадется, и будем быстренько уходить.

– Что?.. Вы осмеливаетесь осквернять Царский Чертог?.. – Нитокар выпрямилась от возмущения. – Вы хотите унести то, что составит честь и славу моего дорого мужа в последующей жизни?.. – И она обратила на грабителей царственный взор. – Живо убирайтесь откуда пришли, и я обещаю чуточку подождать, прежде чем вызывать своих людей!..

Конан вновь рассмеялся:

– Если у твоих людей котелки хоть сколько-нибудь варят, они сообразят, что лучше для города, и оставят тебя здесь. Я нисколько не сомневаюсь, что очень многие из них уже сейчас подумывают, как бы тебя спихнуть!

И он покосился на двоих воров, как раз выскочивших с полными мешками добра. Им на смену тотчас вбежало двое других – с пустыми мешками.

– Ах ты, негодяй!.. Да тебя на городской площади на части разрежут за эти слова! Притом раскаленными ножами!.. – Царица говорила так, словно была вполне уверена в сказанном. – Мне предан весь народ, от последнего нищего до первых вельмож! В том числе и Хораспес, герой и любимец народа!.. – Она сложила руки на груди, так что хлыст смотрел вбок. – Под его водительством я вознесу Абеддрах к славе, которой этот город еще не видывал!..

– Например, объявишь войну стигийцам? – пристально глядя на нее, сказал Конан. – Хотел бы я знать, какие планы относительно твоего правления вынашивает этот святоша-заговорщик! – И он вновь покосился на дверь, в которой с полными мешками исчезали Исаиаб и Азрафель. – Хотя какая теперь разница! Корону тебе всяко не носить. Будем надеяться, что она окажется на голове поумнее твоей...

И он двинулся к царице.

– Конан, это позор! – Руки Нитокар упали вдоль тела. – Откажись от восстания, и я сделаю тебя своим супругом на троне! Как только я увидела тебя в самый первый раз, я тотчас поняла, что ты человек необыкновенный! А какие наслаждения я тебе подарю... какие неизведанные ощущения... Мы с тобой вместе откроем... за пределами страдания и удовольствия... – Она поднесла руки к груди, потом простерла к нему. – Сколько нового мы узнали бы вместе... вместе...

Она пристально смотрела в лицо подходившему киммерийцу.

– О нет, – сказала она затем. – Я вижу, ты не откажешься от своего жестокого замысла. Что ж, убивай меня, как ты уже убил моего раба...

Нитокар ждала его, слегка раздвинув влажные губы.

– Сделай это, Конан! Сделай же! Не дай себя обмануть!.. – Эфрит, стоявшая как раз за спиной у царицы, изо всех сил пыталась растянуть цепи. – Эта ведьма и моему отцу то же самое обещала!..

Конан занес меч над головой и сказал:

– Нет.

Широкое лезвие со свистом пронеслось мимо головы Нитокар и обрушилось на звенья цепей, уходивших в отверстие каменного саркофага. Острая сталь с глухим стуком рассекла мягкое золото.

– Я же говорил тебе, Эфрит, что я не наемный убийца. Если тебе нужна грязная работа, делай ее сама.

Освобожденная царевна с яростным криком бросилась к мачехе, раздирая ей кожу ногтями и молотя по чему попало тяжелыми браслетами кандалов. Царица в свою очередь не успела пустить в ход кнут и принялась драться точно так же, по-женски неумело. Но до натиска взбешенной маленькой фурии ей было далеко. Почти сразу она подвернула ногу в высокой сандалии и завалилась на пол. Эфрит тотчас воспользовалась преимуществом: принялась таскать царицу за волосы, бить ногами.

– Уважаю хорошую драку, – сказал Конан. – Но лучше ты, царевна, кончай побыстрей, да и пойдем отсюда вместе с твоим капитаном...

Конан вытащил из-за пояса прямой кинжал с бронзовой рукоятью и ловко перебросил его Эфрит. Ему показалось, что, летя в воздухе, кинжал как-то странновато сверкнул.

Царевна отпустила черные волосы Нитокар и обеими руками ухватила летящий кинжал. Но тут же с криком выронила его и с изумлением уставилась на свои ладони: на обеих краснели пятна ожогов. Конан с трудом поверил собственным глазам, глядя, как упавший на пол клинок превращается в дымящуюся лужицу, еще сохранявшую форму кинжала.

– Приношу свои извинения... – по-шемитски, с легким акцентом произнес знакомый голос у Конана за спиной. – Вообще-то я очень не люблю опускаться до низких чародейских штучек, но временами они бывают куда как полезны. К примеру, позволяют завладеть вниманием слушателей...

Конан крутанулся на месте и посмотрел туда, куда уже смотрели обе женщины. В комнату, облаченный в белые одеяния, входил Хораспес, и рядом с пророком шел его телохранитель – Нефрен...

Глава шестнадцатая

Дети ночи

Пророк самодовольно улыбался Конану. Рослый стигиец свирепо смотрел через его плечо. Хораспес выглядел еще более уверенным в себе и своих возможностях, чем обычно. Нефрен казался таким же, как всегда: темное лицо сохраняло деревянную неподвижность, в глазах застыло странное выражение, напоминавшее то ли непреходящее удивление, то ли испуг.

Конан уже стоял в боевой стойке, напряженный, готовый ко всему, с выдернутым из ножен мечом. Эфрит и Нитокар у него за спиной прекратили борьбу. В одно мгновение лица двух женщин как будто обменялись выражениями: торжество сменилось отчаянием, отчаяние – торжеством. Только на несчастного Арамаса, скорчившегося в углу, изменившиеся обстоятельства не произвели никакого видимого впечатления.

– О чём печаль, северянин? Наверное, волнуешься, чтосталось с твоими дружками-грабителями? – Круглая розовая физиономия Хораспеса прямо-таки лучилась доброжелательством. – Ты знаешь, они нас даже не видели. Я умею обходить незамеченным самую бдительную стражу, а уж такую, как там стоит, и подавно. – И он великодушным жестом развел руки. – Я, в свою очередь, не стал их тревожить. Они и так не избегнут своей участи, когда попробуют выбраться из катакомб... А ты, моя царица Нитокар! Я, кажется, подоспел как раз вовремя, чтобы предотвратить недолжные изменения в порядке престолонаследования! – И пророк покачал головой с видом мягкого упрека. – Ты, моя царица, как всегда, ищешь приключений и совсем не ведаешь страха...

Нитокар, багровая и всклокоченная, поднялась на ноги.

– Ха, советник!.. То, что ты видел, было всего лишь последней попыткой любящей матери достучаться до непослушного детища. Теперь, с твоей помощью, мои усилия непременно завершатся скорым успехом...

Она схватила Эфрит за руку. Девушка рванулась прочь,сыпля проклятиями.

– О нет, царица, повремени с местью! – вмешался Хораспес. – Я сам позабочусь об этом, когда придет время.

Нитокар злобно посмотрела на него, и он терпеливо добавил:

– Я поддерживаю твоё правление, поскольку мне нужно, чтобы ты правила Абеддрахом так, как мы с тобой договаривались. А для этого надо, чтобы ты блюла царское достоинство хотя бы внешне... – В мягком, ласковом голосе прорезалась властная твердость: – Ступай. Ступай к рабам и жрецам, которые по моему приказу ждут в главном зале. В центральном коридоре никого нет. И... будь так любезна, приведи волосы в порядок!

Последние слова пророк сопроводил елейной улыбкой. Однако Нитокар, как это на первый взгляд ни странно, повиновалась без единого слова. Конан сразу почувствовал, что царица была вынуждена склониться перед безжалостной властью, далеко превосходившей ее собственную. Когда она проходила мимо киммерийца, он резким движением вытянул руку и преградил ей путь.

– А какого рожна нам ее отпускать? – поинтересовался он, обращаясь к Хораспесу. – Может, лучше просто прирезать вас троих, да и уйти?

Пророк посмотрел на него и безразлично повел плечом.

– Ты хочешь, чтобы я продемонстрировал свою... ловкость рук еще разок? Что ж, пожалуйста. Все равно ты ничего не добьешься, пока я тебе противостою.

Конан промолчал. Ему совсем не хотелось, чтобы его меч превратился в дымящуюся лужицу, как тот злополучный кинжал. Когда Нитокар – бочком-бочком – вновь двинулась мимо него, он дал ей пройти.

Она с почтением остановилась возле пророка:

– Мне привести сюда стражу?

Хораспес покачал головой:

– Не надо. На мой взгляд, им незачем знать об этом варварском вторжении. Пусть все выйдут из пирамиды и приступают к ритуалу Замыкания Врат. Все припасы и подарки уже разложены. Сейчас уберем эту досадную маленькую помеху, – он кивнул на Конана и царевну, – и я сам запечатаю Царский Чертог на целую Вечность. А потом выйду из гробницы известным мне магическим способом... – Его лицо снова дышало добротой и благорасположением. Он взял руку царицы. – Ступай! Подданные тебя ждут и уже, наверное, беспокоятся...

Нитокар послушно кивнула и наклонилась, чтобы поцеловать руку пророка. Потом, бросив на Конана и Эфрит последний смертоубийственный взгляд, прошла между Хораспесом и его телохранителем и покинула Царский Чертог.

Проводив ее взглядом, Хораспес с сияющей улыбкой обернулся к оставшимся в комнате:

– Не очень-то надежная штучка эта Нитокар. Что ж, если все пройдет гладко, эта бездарность долго на троне не засидится...

Конан пристально наблюдал за обоими своими противниками.

– Значит, – сказал он, – у тебя полно далеко идущих планов, колдун?..

На самом деле планы Хораспеса волновали его менее всего. Киммериец попросту тянул время: он чувствовал, что к прямой схватке еще не готов.

– Полнό, – кивнул Хораспес. – Причем *самых* далеко идущих. А с какой бы стати истинно целеустремленному человеку признавать какие-либо ограничения своей земной власти? А если уж на то пошло – и в иных мирах?..

Царевна пряталась у Конана за спиной, укрывая свою наготу от похотливых глаз пророка и его подручного. Киммериец, не глядя, одной рукой расстегнул на шее серый стражницкий плащ и протянул его девушки.

– Ограничения есть всегда, – сообщил он Хораспесу. – Если ты вправду пророк, то должен знать это лучше меня.

Советник еще ласковей улыбнулся Конану и Эфрит. Так, наверное, голодная кошка смотрит на ничего не подозревающую парочку голубей.

– Я предвижу только великолепную победу. И вы, мои дорогие, поможете мне ее одержать. Вот поэтому-то я вас сюда и заманил.

Он с доверительным видом прошел на середину комнаты и, не обращая ни малейшего внимания на сверкающие драгоценности, остановился у пустой боковой стены.

– В самом деле, северянин, не мог же я просто так отпустить тебя и твоих дружков-гробокопателей! А можно ли для таких, как вы, придумать лучшую приманку, чем клад царских сокровищ... и царевна в беде?

Нефрен остался стоять на месте. Тощий, рослый, он как раз перегораживал выход.

– Наше время – время величайших возможностей, – продолжал Хораспес. Он говорил деловым тоном, словно в самом деле пытался что-то втолковать киммерийцу. – Я имею в виду, что возможности предоставляются тем, кто достаточно предприимчив и дальновиден, чтобы ими воспользоваться... Здешняя часть мира – плодородная долина Стиksа – невероятно богата. Особенно же богат Абеддрах – в основном благодаря тысячелетней традиции погребений... Ты ведь и сам заметил это, не так ли? И решил использовать на свой лад – чтобы ограбить эту усыпальницу. Тебе не откажешь в сообразительности, киммериец! – Хораспес кивнул Конану с насмешливым одобрением. – Однако на большее воображения у тебя не хватило. *Настоящей* выгоды ты, конечно, не разглядел. Да и где

тебе!

В такой древней стране, как Стигия, – а я сам веду оттуда свое происхождение, – мертвых гораздо больше, чем живых. – Теперь он смотрел на Конана и Эфрит без улыбки, ни дать ни взять что-то прикидывая. – Это относится и к здешним местам, к Абеддраху. И еще к другим, где успела укорениться стигийская вера. Кое-где, конечно, это не имеет значения, ибо мертвые сгнили и исчезли в земле. Их плоть досталась шакалам, а прах костей развеяли ветры... Но здесь, на юге, как вы сами видели, умерших тщательно бальзамируют и сохраняют. Сохраняют вместе с имуществом и скотом, и все это ради грядущей славы народа! – Лицо Хораспеса вновь лучилось улыбкой. – Просто потрясающе, как они умудряются сохранять трупы на здешней жаре! Вообразите: я видел, как выкапывали мумии, насчитывавшие несколько столетий. И что? Их плоть нисколько не ссохлась, мышцы остались упругими, кожа – гладкой! Добавлю, что древние реликвии можно как бы подновить и уподобить только что умершим, – достаточно использовать некоторые масла и бальзамы. И в таком состоянии они опять же могут сохраняться много столетий!

Главнейший их враг – это, конечно, солнце, которое иссушает мертвую плоть и вызывает гниение. Солнце!.. Вот источник всяческого тлена. Ты замечал, вероятно, что я по возможности избегаю его лучей и стараюсь не выходить наружу в течение дня. Вот почему моя кожа так восхитительно бледна. – И Хораспес вытянул перед собой пухлые розовые руки. – Но, по счастью, день – понятие временное. День так же преходящ, как и ночь. И, вне всякого сомнения, прежде самого первого рассвета была Великая Ночь! – Опытный оратор покачал головой, как бы собираясь задать себе и слушателям загадку, которую сам же был готов разрешить. – Я спрашиваю себя: с какой, собственно, стати Человек предпочел День Ночи? Не вижу никаких причин, по которым обычные занятия смертных не могли бы совершаться по ночам. Зато день, право, следовало бы пережидать за закрытыми ставнями!

Так вот, теперь вы можете постичь основной смысл моих планов. Я хочу, чтобы восторжествовала Ночь и восстановила свое первенство над Днем. Если же вы еще не поняли, какие средства я собираюсь пустить в ход, что ж... – Хораспес приблизился к пустой стене комнаты и трижды стукнул в нее основанием ладони. – День олицетворяет Жизнь, не так ли? А Ночь олицетворяет Смерть! – И он отступил от покрытой фресками стены в глубину комнаты, как бы для того, чтобы слушателям было удобнее смотреть. – Из чего со всей очевидностью следует, что Империя Ночи не

может быть построена руками живых!

...Конан слушал пророка, испытывая неясное ощущение ужаса. Он пытался предугадать, куда же клонит Хораспес, но не очень-то получалось. Понятно было только общее направление его мыслей, и это направление пугало. Эфрит, колотившаяся в ознобе, несмотря на Конанов плащ, ухватилась за плечо киммерийца, точно пытаясь позаимствовать часть его силы.

Сам же он пристально смотрел на стену, по которой Хораспес ударил рукой. Там что-то начало шевелиться! Сперва Конан решил, что пророк незаметно накарябал еще один магический символ, который сейчас превратится в движущиеся картинки: посреди фрески появилось и задвигалось черное пятнышко. Но потом слой за слоем начала отваливаться штукатурка, открылась темная дыра, и от нее во все стороны, быстро расширяясь, ринулись трещины. Наконец вся центральная часть стены затрещала и рухнула на пол, открыв черный провал. Это определенно была не иллюзия, как те, что Хораспес показывал на пиру у Ибназаба. Но тем не менее в темноте, сквозь тучу оседающей пыли, видны были какие-то жуткие призрачные тени!

Эфрит в ужасе вцепилась в руку киммерийца. Оба напрягали зрение, силясь рассмотреть, что же такое таилось по ту сторону, за невысокой кучкой мусора, оставшейся на полу. Потом Конан почувствовал, как от страха и отвращения подвело живот: он явственно различил десятки силуэтов у самого края отверстия, и силуэты эти были чудовищны.

И все они смотрели прямо на него!

...Конан заглядывал в блестящие глаза крупной гиены, чья полусгнившая голова невозможным образом покоилась на широких плечах человеческого мужчины. За спиной монстра посвечивали две горящие искры, вправленные в глазницы почти оголенного черепа, увенчанного самоцветной короной. Еще дальше стояло нечто в пыльном жреческом одеянии, и из-под складок древнего капюшона смотрела покрытая облезлыми остатками перьев голова священного ибиса. Эта голова проворно поворачивалась туда и сюда, разглядывая Конана то одним глазом, то другим.

И так далее, и тому подобное, – насколько мог проникнуть глаз в темную глубину тоннеля, из которого они появились! Одни создания пригибались к полу, другие, наоборот, взбирались на кучи мусора, чтобы лучше видеть. Одни были облачены в золоченые латы, другие – в лохмотья истлевших повязок. Все были в разной степени человекообразны, иные – настолько чудовищны, что разум просто не позволял взгляду задерживаться

на них надолго. Конан сообразил, что по крайней мере часть из них явилась из разоренных могил, накопившихся со времен седой древности Абеддраха. Воспрянув к жизни по зову своего пророка, они готовы были хлынуть наружу, в живой мир.

– Перед тобой мой народ будущего, мои Дети Ночи! – торжественно объявил Хораспес.

Эфрит задыхалась от ужаса, уткнувшись лицом Конану в спину, и пророк обратился к ней:

– Умоляю, царевна, не обращай внимания на частично животную природу некоторых из этих бедняжек. Я понимаю, они, конечно, самым прискорбным образом отстали от моды. Во времена их жизни здесь, в долине Стиksа, бальзамировщики очень часто сшивали воедино части животных и человеческих тел, ибо, по их неразвитой вере, это было угодно Богам. Нижайше прошу тебя, царевна, взгляни на них с подобающей добротой, ибо они суть также твои подданные! Причем до того послушные и исполнительные, что лучших и пожелать невозможно! Должен только предупредить, что все они питают некую благодарность и ко мне, вновь раздувшему искру жизни внутри их истлевавших костей...

Слушая вполуха хвастливую болтовню пророка, Конан заставил себя попристальнее приглядеться к ожившим мертвецам. Некоторые выглядели исключительно крепкими и полными сил. Их кожа так и блестела, – наверное, от бальзамического масла, о котором толковал Хораспес. Видимо, кожа, обработанная таким образом, действительно могла пережить одежду, клочками свисавшие с плеч. Зато другие были почти бесплотны и состояли из одних скелетов и сухожилий. Их тела горбились и сгибались – результат несовершенного бальзамирования. Кое у кого не хватало руки или ноги. Или иных, не столь жизненно важных частей тела.

Конан внутренне корчился от отвращения, но продолжал смотреть. И видел, что могильные выходцы отнюдь не сидели без дела. У многих были при себе кайла, зубила и иные инструменты, пригодные для работы по мягкому здешнему камню. Так вот, значит, откуда позякивание, предупреждавшее о появлении неведомых тоннельщиков. Все инструменты были сильно трачены беспрестанной работой, да и сами «рабочие» были, если можно так выражаться, изрядно потрепаны и поношены. Немало пальцев, сжимавших стальные орудия, было стерто до самой кости.

– Видишь теперь, северянин, что в своих примитивных грабительских замыслах ты проглядел истинное сокровище древних гробниц – самих мертвецов! – Хораспес воодушевился, точно на проповеди. – Я начал всего-то с нескольких сотен мертвых душ, которые я вывез из Стигии: то были

выжившие – странно звучит это слово в применении к мертвцам, но все же! – выжившие в моем столкновении с узколобым тамошним священством и войском, ему подчиненным. Так вот, с ними я покорил и подчинил себе все могильники Абеддрака!

Совершив это, я завладел не только сокровищами и оружием, хранившимися в усыпальницах, но и самими обитателями могил – богатыми и бедными, мужчинами, женщинами и детьми! Никакая могила не может противостоять их неустанным трудам. И даже сей Чертог, строившийся в расчете на Вечность. В этот самый момент мои послушные слуги освобождают последних из числа своих братьев, покоящихся в самых поздних, самых отдаленных могилах! Могу себе представить, как ожившие пленники могил извиваются внутри и царапают стенки гробов, стремясь скорее вырваться на свободу! Ибо к тому побуждают их мои заклинания, которые я простер над всем городом мертвых!

Знай, северянин, что численный перевес уже на моей стороне. У меня опытные войска, не нуждающиеся в свете и к тому же один раз уже претерпевшие маленькое неудобство, именуемое смертью. Я мог бы ударить прямо теперь и в два счета взять ничего не подозревающий городишко. Но сперва я хочу распространить свое учение – и тайные сбороища своих подземных сторонников – по всем городам Шема. И когда наконец я решу, что время настало, у меня будет империя, достаточная, чтобы потрясти Стигию и заставить жидко обделаться ее жирных жрецов, исполненных ложного сознания собственной правоты!

В конце концов, куда мне торопиться? Ведь каждая новая могила лишь обогащает и усиливает меня, делая еще более неотвратимым мой конечный триумф. Взять хоть эту усыпальницу, например! Сколько войск погребено здесь вместе с царем! Сколько живых людей заперто, какие запасы продовольствия!.. Они утолят голод моего войска... Ибо вам следует знать, что мертвцы чувствуют голод. Правда, они переносят его терпеливой и дольше живых...

Тут Хораспес сделал паузу, поглядывая на царевну, которая давно уже зажала пальцами уши, пытаясь не слушать, и прятала лицо у Конана на плече.

– Ах, бедненькая Эфрит! – пожалел ее пророк. – Я вижу, мои слова тебя огорчают? Уверяю, дитя, ты превратно истолковала их смысл. Я вовсе не собираюсь скармливать тебя моим алчущим подданным. Девушка царских кровей, пусть даже упрямая и волевая, для этого слишком ценна. Лучше уж я сберегу тебя в целости и сохранности, чтобы посадить на трон Абеддрака, когда горожане взвоют от Нитокар. Да и я, таким образом, буду

в их глазах выглядеть не захватчиком, а освободителем!

Не бойся же, Эфрит. Мумификация, совершающаяся руками мастера, безболезненна и быстра, да и смерть от удушения личика твоего не испортит. Ты будешь выглядеть почти так же, как теперь, только станешь гораздо крепче. А заодно излечишься от множества девических сомнений и недостатков, присущих тебе ныне, и смиришься с простыми и жестокими законами земного существования. Вот спроси хоть Нефrena. Это был самый первый мой опыт. Конан, я думаю, также пригодится мне в качестве телохранителя, после того как я подвергну его упомянутому преображению. Такого, как он, тоже слишком расточительно было бы использовать просто на корм...

В этот момент голос Хораспеса пресекся, он пошатнулся. Расписывая во всех подробностях незавидную судьбу Конана и царевны, он прохаживался туда и сюда. И сам не заметил, как оказался возле Арамаса. И тот, прикованный, беспомощный, из последних сил вцепился в него сзади.

Пророк обернулся, и его лицо исказила гримаса ярости. Нагнувшись, он приложил обе ладони к телу Арамаса. Таким образом, его внимание было на краткий миг отвлечено. Мертвых, толпившихся за его спиной, заметно взбудоражило неожиданное происшествие, но в комнату они так и не хлынули.

Зато Конан, мигом понявший, что счастливый шанс наконец-то ему подвернулся, уже несся вперед. Таша за собой царевну, он налетел на Нефrena. Тот все так же загораживал ему выход наружу. Стигиец стоял с поднятым мечом наготове, но косил глазом в сторону, на своего господина. Меч Конана, воткнувшийся ему в живот, вновь встретил отчетливое сопротивление. На сей раз киммериец даже услышал скрип песка по клинку. Одновременно Конан ударил Нефrena ногой и отшвырнул стигийца к обломкам стены.

Конан уже мчался по короткому коридору, по-прежнему таща за собою Эфрит. Царевна вдруг начала отчаянно упираться, и он услышал ее душераздирающий крик:

– Конан!.. Там же Арамас!.. Он был верен мне!.. Я не могу его бросить...

Ему пришлось остановиться и оглянуться, хотя делать этого очень не хотелось.

– Что я, по-твоему, могу один против Хораспеса и его мертвяков? О!.. Смотри!..

Оглянувшись, они увидели, как выпрямился Хораспес. Несчастный

капитан неподвижно лежал на полу. Там, где его груди коснулись ладони пророка, зияли две дымящиеся дыры.

Потом Хораспес повернулся вслед беглецам, и его лицо было лицом демона. Но неожиданно между ними возник силуэт гиганта Нефrena. С поднятым мечом он ворвался за ними в проход; из прорехи в одежде вместо крови струился песок. Конан отшвырнул Эфрит себе за спину и начал медленно пятиться. А потом вдруг проворно скакнул в сторону, замахнулся и разнес мечом вмуренный в стену глиняный сосуд. Одновременно он оттолкнул Эфрит еще дальше. На пол хлынул песок пополам с черепками. Нефрен приостановился и задрал голову, пытаясь отыскать источник внезапно поднявшегося шума и скрежета. Внезапно позади него с потолка обрушились два тяжелых камня, обтесанных в форме трапеции. За ними последовали еще два. Потом еще четыре. Проход оказался намертво перекрыт. Мумия отреагировала почти как человек: Нефрен прыгнул вперед. Но напоролся на взмах Конанова меча, который угодил ему по руке и отбросил его в сторону. И вот тут-то с оглушительным треском пошла вниз остальная часть тщательно пригнанного Затвора. Лавина дохнула песком на отскочившего Конана. А Нефrena похоронила под чудовищной тяжестью камня.

Эфрит, упавшая на четвереньки, смогла только выдохнуть:

– Это... устройство для запечатывания?..

– Ага, оно самое, – подходя к ней, кивнул Конан. – Его сработал один умный парень по имени Мардак. Боюсь, его больше нет на свете. Вот только вряд ли оно надолго отгородило нас от Хораспеса... Вставай, девочка! Ноги в руки – и бегом во всю прыть!..

Глава семнадцатая

День, который...

Конан и Эфрит сломя голову мчались вверх по наклонному центральному коридору. Там было пусто, лишь лампы тускло горели в своих скобах. Царевна, не отягощенная даже обувью, оказалась превосходной бегуньей. Конан остановился только один раз, чтобы содрать с ее запястий золотые браслеты кандалов и помочь осушить слезы по Арамасу. После чего она даже обогнала киммерийца, – только сверкали из-под летящего плаща стремительные стройные ножки. Но спустя некоторое время Эфрит умерила бег, чтобы испуганно обратиться к Конану:

– А что, если Врата уже затворились?.. Есть ли еще выход отсюда?..

– Пока Хораспесовы жмурики повсюду гуляют – другого выхода нет, – тяжело отдуваясь, ответил воин. – Сколько хоть времени он занимает, этот Ритуал Замыкания?..

– Толком не знаю... – Эфрит побежала с ним рядом. Ее силы, похоже, были на исходе. – Трудно судить о времени в здешних тоннелях...

– Давай-ка мы все же здесь остановимся, – добравшись до очередного перекрестка, сказал Конан. – Обожди. Если увидишь или услышишь погоню – сразу кричи!

Эфрит прижалась к стене, а Конан трусцой скрылся в боковом коридоре.

– Осгар! Исараб!.. Здесь вы или удрали? – раскатился гулким эхом по высокому, узкому проходу его крик. – Осторожнее в подземельях! Там такая чертовщина разгуливает!..

– Конан! Где тебя нелегкая столько времени носила? – Исараб вывернулся из-за угла, ухмыляясь и придерживая на плече пухлый мешок. – Ну и добычливое здесь место! Надо будет вернуться сюда еще дюжину раз!.. – Тут он присмотрелся к своему товарищу, и улыбка начала меркнуть. – А ты что, ничего не прихватил?.. Царевну-то свою хоть вызволил?..

– К чертям добычу!

Конан шагнул мимо него, за угол. Остальные пятеро членов шайки деловито трудились, раскладывая сверкающие сокровища по коробкам и сумкам.

– Бросай безделушки – и все за мной! – не допускающим возражений

тоном обратился к ним киммериец. – Уходим через главную дверь, и быстро!

Осгар поднял на него глаза. Он еще не осознал всей серьезности происходившего.

– Что с тобой, парень? – спросил ванир. – Тебе что, моча в голову ударила? Если мы туда сунемся, нас толпа на части порвет!

И он вернулся к прерванному занятию: опустился на колени рядом с Зефрити и принял что-то перекладывать из одного грязного мешка в другой. Разноцветное сияние, исходившее из мешков, бросало отсветы на их лица.

– Я не шучу, ванир!

Конан выдернул меч из ножен и звонко грянул рукоятью о каменную стену. Неожиданный звук заставил всех обернуться к нему.

– Я говорю о единственном способе уйти живыми из ловушки! Бросай, говорю, это дермо – и живо за мной!

Осгар вскочил на ноги и тоже выхватил меч:

– Да чтоб ты сдох, киммериец! Что еще за штучки? Во что ты решил нас втравить? О какой ловушке ты мелешь? Нас и видеть-то никто не увидел, кроме царицы, которую, кстати, ты собирался убить! А теперь ты прибегаешь, как настеганный, и требуешь, чтобы мы все бросили и куда-то там у бе...

Неожиданный шум, поднявшийся в глубине коридора, заставил его замолчать буквально на полуслове. Железный перестук инструментов, грохот падающих камней, а потом, несколько мгновений спустя, – шуршание множества ног!

– Во имя бездн Нифльхейма, какого...

Осгар схватил ближайший светильник и высоко поднял его над головой. Пламя осветило тучу пыли, медленно выкатывавшуюся из тоннеля, и двигавшиеся в ней неясные силуэты.

– Вот они!.. Жмурики, которых оживил Хораспес!.. – И Конан, не тряся времени попусту, пихнул Исаиаба по коридору вперед. – Живо за мной!..

Уже на бегу он услышал, как остальные поспешили бросают награбленное и устремляются следом за ним. Выскочив из узкого прохода в главный коридор, он направил Исаиаба в нужную сторону, ухватил за руку Эфрит и со всей возможной скоростью потащил ее вперед.

– Дети Ночи пробились в боковой коридор, – сообщил он ей, скачками летя вперед. – Ребята, которых я привел, это мои друзья. Вот только, если Врата уже замкнуты, у нас рук не хватит со всеми справиться...

Мимо мелькали двери многочисленных сокровищниц, запечатанных всего-то восковыми печатями да шнурками с особыми узлами, которые умеют вязать только жрецы. Скоро беглецы очутились в столь памятном для них главном зале. Здесь больше не было никаких следов мастерской. Взамен верстаков и куч всяческих материалов повсюду теперь красовались воинские припасы: кувшины, тюки, свернутые шатры, колесницы и даже загородки для лошадей, в которых ржали ничего не понимающие кони.

– Срамотища! Такое место испоганили, – взбираясь по пандусу, сказал Конан царевне. – Если бы не мертвяки, здесь несколько лет прожить было бы можно!..

Остальные члены шайки, возглавляемые Исаиабом и чуть приотставшим от него Осгаром, лезли следом за ними. Они добрались почти до самого верха, когда внизу показались преследователи. Тоющие мумии были вооружены кто чем – от секир и мечей до рабочих лопат. Плохо гнувшиеся ноги несли их с такой же безжалостной быстротой, что и не к ночи будь помянутого Нефrena. При виде них лошади в ужасе завизжали, но сами Дети Ночи бежали в зловещем молчании. Они не кричали и, кажется, даже не переводили дыхания на бегу.

Выскочив наверх, Конан стал озираться в поисках хоть какого-нибудь способа если не остановить их, то задержать. Но огромных светильников больше не было на прежнем месте. А устье тоннеля оказалось слишком широким для обороны. Делать нечего, киммериец побежал дальше. Бедная Эфрит совсем выдохлась, и он тащил ее за руку.

Спустя некоторое время сзади раздался жалобный вопль. Дети Ночи настигли и сбили с ног одного из новых парней Осгара, который пытался унести с собой хоть полмешка добычи. Жадность погубила молодого шемита. Его поймали на самом верху пандуса. Сплошной клубок мумий не дал беглецам увидеть его конец, но конец этот, вероятно, был страшен. И особой отсрочки осквернителям праха он не дал. Пока одни мертвецы расправлялись с несчастным грабителем, другие обегали их и с прежней быстротой мчались по следу.

– Молись, чтобы Врата были еще открыты!.. – крикнул Конан Осгару, тяжело бежавшему бок о бок с Зефрити. – Если нет – придется вставать насмерть в конце этого коридора!..

Тут ему подвернулась боковая дверь, выглядевшая капитальней других. Она была вырезана из камня и заперта, в отличие от остальных, здоровенным металлическим бруском. Конан мог поклясться, что из-за нее доносились возбужденные голоса. Выругавшись, он остановился и стал сдирать жреческие талисманы, свисавшие с запора. Пока мимо бежали

подельщики, Конан поднял брус и, используя его как рычаг, настежь отворил дверь.

Внутри сидели избранные телохранители Ибнизаба, составлявшие его могильную свиту. Их оружие валялось в одном углу помещения; воины кричали и ссорились, проводя последние часы своей жизни за игрой в кости. Было очевидно, что всех их опоили каким-то дурманом.

Они изумленно обернулись на звук открывшейся двери.

– Если вам так уж надо драться, собаки, так деритесь с этими адовыми отродьями, что залезли в вашу могилу!.. – во всю мощь легких заорал Конан им в лицо.

Воины завозились, медленно осознавая – что-то не так, но киммериец уже исчез. Дети Ночи висели у него почти на плечах. Однако спустя всего несколько мгновений погоня приотсталла, а из коридора позади Конана послышался бешеный лязг оружия.

Киммериец не стал оборачиваться. Он гигантскими прыжками мчался по коридору, желая первым встретить любую опасность,ющую поджидать их наверху. Постепенно он обогнал всех. Сперва Азрафеля и Осгара, помогавших Зефрити, – обычно проворная танцовщица почему-то двигалась тяжело и неловко. Потом он миновал царевну Эфрит, которая бежала одна и явно была на пределе сил. Впереди уже зияло выходное отверстие тоннеля, когда Конан поравнялся с Исаиабом и с уцелевшим новым наемником Осгара. И вот тут-то душа в нем возликовала: силуэты устали пошатывавшихся воров четко обозначились на фоне солнечного дневного света!

Вот только щель, пропускавшая этот свет, при ближайшем рассмотрении оказалась весьма узкой и к тому же сокращалась на глазах. Вырвавшись из коридора в пустынный входной чертог, Конан обнаружил, что гигантские двери были уже наполовину закрыты. Под высокими сводами отдавался скрежет противовесов, которым предстояло спустя считанные мгновения окончательно затворить Врата – причем без какого-либо людского вмешательства. Запущенный механизм работал сам по себе. Ослепленные ярким светом глаза киммерийца с трудом различали сквозь узкую вертикальную щель плотно сдвинувшуюся, замершую в ожидании толпу. Ближе всех ко Вратам стояли коленопреклоненные жрецы Эллаэля, наблюдавшие за окончанием Ритуала Замыкания. Если они и видели воров, бегущих из темного тоннеля, по их лицам этого нельзя было сказать.

Конан понятия не имел, как работает дверной механизм, и времени на разгадывание загадок у него не было. Особенно если учесть, что Дети Ночи должны были вот-вот смять злополучных стражников и вновь

устремиться в погоню. Исараб и остальные мужчины, запыхавшиеся от долгого бега, из последних сил навалились на одну из чудовищных створок, пытаясь ее удержать. Но их сандалии беспомощно скользили по каменному полу: они не могли не то что остановить бронзовую громаду, хотя бы просто задержать ее безжалостное движение.

Дверь нечем было даже заклинить. Конан заметил это, бросаясь вперед. Да никакой клин и не удержался бы на полированном каменном полу. Однако сквозь щель еще мог проскочить человек, и Исараб первым сделал выбор. Оказаться лицом к лицу с толпой снаружи было, по его мнению, все-таки лучше, чем носом к носу – с ожившими мертвецами. Тщедушный грабитель уже приготовился нырнуть в спасительный проем, и один из подельщиков собирался последовать его примеру...

Обоих снесло в сторону, точно ветром. Конан отбросил их и метнулся вперед. Но наружу выскакивать не стал. Он остановился как раз между готовыми сомкнуться створками. И уперся предплечьями в толстые бронзовые торцы. Могучие мышцы вздулись в предельном напряжении на его спине и плечах...

Он мигом понял, что не совладает: у него были очень сильные руки, но тут требовалось нечто большее. Он не справился бы, даже не будь он измотан погоней. Быстро переменив положение, варвар уперся в одну надвигающуюся дверь спиной, а в другую – подошвами обутых в сандалии ног. Когда двери сошлись еще немногого, Конан дотянулся и уперся ладонями.

Его неожиданное появление вызвало удивленные и испуганные восклицания. Вздох огромной толпы отдался в стенах входного чертога. Однако никто из жрецов не двинулся с места. У них не вызывало сомнения, что двери спустя считанные мгновения сомнут нахального святотатца, точно букашку, попавшую под сапог.

Они стояли и смотрели, как бронзовая кожа Конана постепенно багровеет от страшного напряжения. Узловатые канаты мышц на его торсе и бедрах готовы были прорвать кожу. Сухожилия чуть только не лопались. Ему уже пришлось согнуть руки и ноги, миновав самую выгодную позицию. Он теперь не смог бы выскочить, даже если бы и захотел. Он сражался с машиной насмерть, так же, как сражался бы с двуногим убийцей, – до последнего вздоха, до последней искры разума, до последнего напряжения воли...

Те, кто находился внутри пирамиды, первыми ощутили – что-то случилось! Для них все было облечено в звук: вот замедлился скрип блоков, вот утратил первоначальную частоту перестук храповиков... А

потом и вовсе произошло чудо. Наступила тишина, и луч света, рассекавший пыльный полумрак, перестал суживаться.

К тому времени, когда толпа снаружи отозвалась на это чудо приглушенным гулом, к двери подоспели последние отставшие члены воровской шайки. За их спинами в тоннеле слышался приближающийся шум: это изрядно поредевшая стража отступала перед ненасытной толпой живых мертвецов. Беглецы в нерешительности остановились перед Вратами...

– Наружу... вашу мать!.. – прохрипел Конан сквозь стиснутые зубы. – Меня сейчас раздавит!..

Исайаб первым выскочил в щель – прополз на четвереньках под застывшим, как статуя, киммерийцем и оказался перед лицом изумленной толпы. За ним выбрался другой вор. Запыхавшийся Осгар протянул Зефрити волосатую руку. Та еще помедлила, охорашивая прическу и платье и пряча с глаз долой сокровища, которые утаила на себе. И только потом грациозно нырнула в дверь следом за своим нанимателем. За нею без дальнейших проволочек выкатился Азрафель.

Царевна Эфрит оказалась последней. Она и не пыталась протолкаться вперед, пользуясь задержкой, чтобы по возможности прикрыть наготу остатками рубашки, разорванной Нитокар, и стражницким плащом. Результат, пожалуй, только подчеркивал ее девичью прелесть. Она еще поправила сбившуюся набок драгоценную диадему: царевна должна была появиться перед народом в подобающем виде.

– Во имя Иштар, девочка, поторопись!.. – простонал Конан. Его лицо было сплошь залито потом, он уже видел, скосившись, смутные тени, выбегавшие из тоннеля. – Если нас не прихлопнет чертова дверь, значит, придушат вон те высохшие придурки...

– Потерпи, Конан, – отозвалась царевна. – Может статься, от того, как я буду выглядеть, зависит не меньше, чем от всей твоей моци!

Прокользнув между замершими створками, она выпрямилась на глазах у громадной толпы и пошла вперед, к своим подданным, с безмятежным достоинством, ну никак не подходившим ни к ее лохмотьям, ни к общему положению дел. Люди тотчас узнали ее, и взволнованные разговоры сменились перешептыванием.

Убедившись, что царевне уже ничто не грозило, Конан совершил последнее усилие и все-таки вывернулся из щели. Прыжком отлетев прочь, он сразу вскочил, хотя, правду сказать, ноги у него ощутимо подламывались в коленках. Он пошел следом за Эфрит, очень стараясь не пошатнуться, несмотря на слабость и судороги, сводившие все тело. Когда за его спиной

возобновился медленный рокот механизма дверей, он оглянулся посмотреть вместе со всеми. Он очень надеялся, что его дурнота не слишком бросалась в глаза.

В суживавшейся щели произошло еще какое-то движение. Наружу выпросталась рука, сжимавшая обломанный меч. Потом голова и туловище в серой рубашке. Это был офицер «посмертной» стражи, вынужденной отступать перед Детьми Ночи. Он вывалился наружу, шатаясь, ослепленный ярким солнечным светом. За офицером, скрежеща латами по бронзе, протиснулся в невозможную узкую щель один из воинов. Он тоже пошатывался, его одежда была пропитана кровью, он зажимал ладонью рану в плече. Конан различал еще движение в узкой щели, но наружу больше никто не совался, потому что створки сдвинулись почти вплотную...

...И наконец сомкнулись. Они сошлись с громоподобным, оглушительным звуком, и камни дрогнули у зрителей под ногами. Эхо долетело до городской стены и вернулось обратно.

Чудовищный звон, казалось, пробудил заворожено молчавших людей. Никто, впрочем, не кинулся вперед, ибо только передние ряды видели, что, собственно, стряслось, а жрецы и предводители покамест не отдали никаких распоряжений относительно беглецов. Когда отзвучал бронзовый лязг, множество голосов затянуло древнюю шемитскую погребальную песнь. Мощный хор звучал над широкой площадью, точно океанский прибой.

Мало кто видел, что высшее жречество, сопровожданное своей стражей, двинулось вперед, чтобы, как того требовал случай, расспросить царевну и ее сотоварищей по побегу.

Конан наконец полностью пришел в себя и после полумрака гробницы, и в особенности после сверхчеловеческого подвига, который он только что совершил. Его глаза свыклись с ярким солнцем. И даже несмотря на явные опасности, по-прежнему грозившие ему со всех сторон, он не смог удержаться от благоговейного изумления при виде гигантской поющщей толпы и передней грани пирамиды, вздымающейся над ним, подобно горе.

Но вот что поразило его больше всего, так это необычность погоды. Небо, из глубин пирамиды казавшееся попросту ослепительным, на самом деле было плотно затянуто тяжелыми облаками. Казалось, небо хмурилось в тягостном размышлении, точно скорбя вместе с людьми об их усопшем правителе. Конан не первый день жил в Шеме, но подобного еще не видал... Хотя погодите-ка! Зрелище странного неба показалось ему

удивительно знакомым!.. Но вот где?..

Конану сделалось не по себе, он повел плечами, словно пытаясь отшвырнуть тягостное ощущение. Потом подошел к царевне и остальным. Он изо всех сил старался выглядеть совершенно уверенным в себе и сдержанно-грозным. Как ни громко звучал шемитский траурный гимн, киммериец явственно слышал гнев в голосах жрецов, задававших вопросы Эфрит. Та, надо отдать ей должное, стояла перед ними с царственно-крутым видом.

– Значит, вот как ты блудишь божественную волю своего усопшего родителя? – спрашивал ее лысый жрец с лицом хорька. – Самовольно покинуть Царский Чертог!.. Да еще с помощью... этих! Какое невероятное пренебрежение долгом – и дочерним, и царским!..

– Уже не говоря о том, как это скажется на твоей душе, – раздался еще один церемонный голос.

Конан присмотрелся и узнал того самого высокого, пузатого жреца, что был в Царском Чертоге вместе с Нитокар. Теперь он стоял между двумя стражниками, вооруженными церемониальными алебардами в золотой насечке.

– Следует задаться вопросом: будучи должным образом похоронена и совершив затем побег из могилы, не отрезала ли ты себе пути к Последующей Жизни?..

– Я уже объясняла вам, ваши священства, и еще раз повторю: вдаваться сейчас в столь незначительные вопросы – значит не обращать никакого внимания на осквернение могилы моего отца, происходящее как раз в данный момент! – отвечала Эфрит, со спокойной гордостью взирая на допрашивающих. – Прямо у вас под ногами кишат выходцы из Преисподней, вызванные с помощью магии, дабы надсмеяться над вашим благочестивым рвением!

– А ты-то что здесь делаешь?!! – завизжал из-за спин жрецов пронзительный женский голос.

К ним быстрым шагом подошла царица Нитокар, и за ней следовали красавцы-носильщики. Нитокар покинула преддверие могилы, чтобы побывать со своими любимцами из числа придворных вельмож, но теперь возвратилась. И вид у нее был такой, что испугаться мог кто угодно.

– Твой побег из священной могилы изобличает твое неуважение к вере! Ты самым низменным образом привержена вещественным благам этого мира, тварь! За это ты заслуживаешь, самое меньшее, смертной казни!..

– Что вы все-таки скажете о чудовищах, которые как раз потрошат

гробницу царя? – перебив ее, громко поинтересовался Конан. Он протолкался вперед, раздвинув своих друзей, уже начинавших помаленьку готовиться к последнему неравному бою. – Мы пришли предупредить вас о страшной угрозе. Хораспес – стигийский колдун, и он намерен всех нас погубить!

Жрецы потрясенно заахали, а царица хрепло расхохоталась:

– Не вижу никаких других осквернителей, кроме вас самих! И наказать вас за это следует без промедления! – Нитокар махнула рукой стражникам, многие десятки которых сдерживали любопытную толпу знати и простолюдинов. – А что касается каких-то там чудовищ...

– Там в самом деле чудовища! – прозвучал голос из-за спины киммерийца.

Это говорил спасшийся офицер стражи. Он шел к ним, поддерживая своего раненого подчиненного. Юноша был одет в такой же серый плащ, как и тот, что скрывал наготу царевны Эфрит, только его одежда была растерзана и сплошь в крови. Подведя раненого поближе, офицер поднял повыше край плаща. Все увидели, что на ткани еще висела отрубленная рука – высохшая, бесплотная, костлявая. Она кончалась обломком сплющенной кости – ее обрушили, смыкаясь, створки дверей. Тем не менее она еще сжимала серую ткань и никак не хотела ее отпускать. Офицер все-таки сбросил ее на камни. К ужасу зрителей, пальцы мертвотой руки начали двигаться, словно лапки гигантского жука, перевернутого вверх тормашками...

– Ну что, убедились? – спросил Конан. – Колдовство Хораспеса пробудило всех мертвых, столетиями спавших в этой земле! Но пробудило не к добной человеческой жизни! Он сделал их чудовищами, враждебными всему живому! По его приказу они подкопались к могиле царя Ибнизаба снизу, из древних подземелий!..

Остальные воры утвердительно закивали, но осторожно, чтобы не привлекать ненужного внимания к своим особам.

– Некромантия! Несомненно, это колдовское вызывание мертвых! – воскликнул один из жрецов. – Но как нам быть? Эти преступники возлагают страшное обвинение на самого советника Хораспеса! Где доказательства?

– Хорошо, тогда я вас спрошу: где он, ваш долбаный пророк? – со всей свирепостью насыпал на него Конан. – Лично я меньше часа назад видел его там, внизу! Во главе армии оживших мумий!..

– Придержи свой поганый язык, ты, изменник!.. – вновь завизжала Нитокар.

Она отчаянно пыталась завладеть вниманием жрецов и склонить их на свою сторону, но безуспешно. Они смотрели на руку, все еще шевелившуюся на камнях, и спорили между собой.

– Хораспес – спаситель нашей страны!.. – кричала она. – Всякий, кто вздумает его поносить, дорого заплатит за свою смелость!..

– ...Все это не имеет никакого значения, – твердо втолковывал ученому коллеге пузатый жрец. – Даже если в усыпальнице вправду совершается какое-то колдовство, – а на это очень похоже, – мы все равно ничего сделать не сумеем. Смертные не в силах войти. Пирамида заперта до скончания Вечности...

Его расслышали многие, потому что как раз в это время стало тихо: все повернулись в сторону гигантских сомкнутых дверей гробницы. Все споры затихли, прекратилось и пение. Толпа, начавшая уже беспокоиться, погрузилась в молчание.

Эта необычная настороженность была вызвана неким звуком, который спустя время повторился. Где-то далеко раздался металлический удар. Потом послышался скрежет, как будто заработал тяжеловесный, медлительный механизм. И наконец заскрипели, застонали сами громадные двери, медленно и неохотно поворачивавшиеся в петлях.

Толпа встревоженно шевельнулась, но продолжала смотреть, стоя под низким небом, затянутым тяжелыми рваными облаками. Тут до Конана наконец дошло, что все это было подозрительно похоже на заключительное видение, которое пророк показывал когда-то на пиру в движущихся картинках. Он узнал и глухой медный свет, льющийся с неба, и скрежет растворяющихся Врат. Потрясенные абеддрахцы застыли на месте, наблюдая за тем, как медленно распахивались бронзовые створки. Потом раздались вопли ужаса и народ, затаптывая друг друга, ринулся прочь. Из разверстой гробницы на них орда за ордой двинулись воскресшие мертвецы.

«День, Который Грядет» наступил неожиданно и неизбежно...

Глава восемнадцатая

Империя ночи

При виде отверзающихся Врат жители Абеддраха ужаснулись. Люди нисколько не сомневались, что в самом деле началось светопреставление. Страшное слово *джазарат* витало над толпой, шурша, точно рой налетающей саранчи. Хмурое, нависшее небо и траурное убранство, развешанное повсюду, только добавляли ужаса.

Абедрахцы были традиционно крепки в вере и хорошо знали долгую и богатую историю своей родины. Но тот кошмар, что извергали раскрывшиеся Врата пирамиды, не оставлял от древней славы камня на камне, превращая ее в страшный и отвратительный фарс. Облики и одежды из прошлого, все то, что они любили и знали по древним изображениям и сказаниям старины, — все это внезапно ринулось на них в образе полусгнивших, безжалостных, неупокоенных мертвцевов. Цари, герои и чьи-то собственные предки составляли ряды загробного войска. Вместо того чтобы вознести к славе Последующей Жизни, прадеды готовились занести ржавые мечи над своими правнуками. Мертвое войско изливалось из недр усыпальницы с потрясающей быстротой. Испуганная толпа отступала перед ними, люди сбивали друг друга с ног в тесноте.

Могильные воры и царевна Эфрит избежали первого сокрушительного натиска Детей Ночи. В основном благодаря Конану: пока потрясенный народ разинув рот глазел на Врата, киммериец, понимая, что сейчас будет, быстремько оттащил своих друзей в сторону. Поэтому боевые колесницы, вылетевшие из мрачного провала, прогрохотали мимо. Воины-скелеты настегивали залитых пеной, сходящих с ума лошадей. Колесницы подминали и стражников, и жрецов, но на тех, кто успевал отскочить прочь, возничие не оборачивались.

Последовавшие за колесницами передовые отряды пехоты быстро заняли большую часть террасы. Плотное кольцо иссохших тел, ощетинившихся всевозможным древним оружием, окружило царицу Нитокар. Выстроившись фалангой, мертвцы зашагали вперед, сметая с крыльца всех, кто на нем еще оставался, и рубя каждого, кто пытался оказывать сопротивление.

Тем не менее, когда ошалевшая толпа качнулась назад, Конан и его товарищи увидели путь к спасению. Колесницы буквально выкосили толпу

перед входом в гробницу и разъезжали туда-сюда, обращая весьма мало внимания на смертных, в чьи тела время от времени впивались острые лезвия, вращавшиеся на колесах. Немногие из абеддракхцев пришли на похороны вооруженными, но и тех навалившийся ужас лишил воли к сопротивлению. По углам и у выходов с площади, там, где людской прибой бушевал, точно море в отлив, больше людей погибло затопанными, чем от рук мертвецов.

Даже дворцовая стража и вооруженные жрецы от ужаса опустили руки и оказались совершенно не способны к толковому сопротивлению. Конан устроился в узком месте с краю террасы, справедливо полагая, что здесь отбиваться будет легче, чем на открытой площадке. Но с ним остались только Исараб, Азрафель и несколько выживших стражей ворот. Остальные сбежали, нисколько не стыдясь собственной трусости.

Конан посмотрел на своих немногочисленных соратников и подумал, что они, должно быть, все-таки прикроют его с боков. Занеся меч, он для пробы ударил им по краю щита какого-то облаченного в шлем и кольчугу выходца из давно прошедших времен. Позеленевший металл оковки легко разлетелся. Но рука, державшая щит, отнюдь не ослабела от болезненного удара, как непременно случилось бы, принадлежи она живому человеку. Наоборот! Воин-мумия ловко отвел щит, подцепив им и застрявший Конанов меч, и в лицо киммерийцу понесся боевой топор, зажатый в костяном кулаке. Конан отскочил, одновременно выдергивая меч, и увернулся, уходя от нанесенного наотмашь удара секиры. А потом ударил сам — ударил с невероятной быстротой, порожденной яростью и отвращением. Его меч пришелся немного пониже золоченого шлема, как раз туда, где он соединялся с наплечниками лат. Шлем свалился на камни и покатился прочь, внутри него со стуком болтался почти оголенный череп. Безголовое тело продолжало драться дальше, вслепую нанося удар за ударом и круша своих же мертвых товарищей. Конан мимолетно задумался, не «добить» ли его, и решил, что не следует. Пускай себе рубит.

Вооруженный жрец, сражавшийся подле него, как раз проткнул копьем высокую, облаченную в тряпье стигийскую мумию. Наконечник, нисколько не испачканный кровью, вышел между бесплотных лопаток, но мумия не остановилась. Она зашагала вперед, скользя по древку копья, добралась до пораженного жреца и воткнула ему в горло кинжал.

Хрипло ругаясь, Конан одним ударом разнес хрупкий череп загробного убийцы, потом подрубил ноги еще одному. После чего... повернулся и дал тягу вместе со своими немногочисленными соратниками. Уж слишком неравен был бой. Последний взгляд, брошенный назад,

позволил ему увидеть на пороге усыпальницы Хораспеса в белых одеждах. Пророк шагал среди своих неупокоенных воинов, отдавая приказания войскам.

– Псы Крома!.. – выругался Конан, наконец разыскав своих воров посреди толпы, отступившей туда, куда еще не добрались колесницы. – Видели вы когда-нибудь нечто похожее? Переколошматить эту сволочь будет не легче, чем искрошить в щепки дубовый лес!..

– А нам-то что, в конце концов, за дело? Чего ради с ними драться?.. – недоуменно спросил Осгар, укрывавший в могучих объятиях напуганную Зефрити. – Сокровища, верно, уплыли у нас из рук, но шкуры пока еще на плечах, и на том спасибо! Можно удратить, коли еще не поздно...

Конан ответил ему презрительным взглядом:

– И бросить здешний народ тухлым жмурикам на расправу?.. А куда, кстати, ты собрался? На север?

– Сам беги на север, если охота, – сказал Осгар. – Что до меня... Абеддрах и раньше не так уж редко видел перевороты, и мы с моей гостиницей их как-то переживали. Кому охота, пускай дерется за власть, а разумному деловому человеку, знающему свое место, ввязываться ни к чему...

Конан не поверил собственным ушам:

– Так ты намерен остаться тут и вести дела при правлении Хораспеса, как будто ничего не случилось?..

Осгар только отмахнулся:

– На чем бы ни была основана власть так называемого пророка, уверяю тебя, его царству будут всяко необходимы послы, торговля, пошлины и так далее. А значит, и мне найдется тепленъкое местечко. Я – не то что ты, киммериец. Я и без войны и подвигов могу неплохо прожить. Мне так даже и лучше.

Конан шагнул поближе к нему.

– Дурак ты! – прохрипел он на ухо ваниру. – Да этот сумасшедший колдун намерен истребить все живое – и людей, и зверье! Он хочет навсегда погасить свет и установить Империю Ночи!..

Осгар нахмурился, на всякий случай не давая Конану схватить себя за руку.

– Если уж на то пошло, кое-какие делишки, я бы даже сказал, самые выгодные, лучше обделывать по ночам... Учи, я не имею в виду ограбление могил, которое у меня уже вот где сидит! Чтобы я еще хоть раз с тобой увязался!.. Вот что, киммериец, катись колбасой куда хочешь, а нас оставь жить так, как нам по душе!..

И в это время...

– СЛУШАЙ МЕНЯ, НАРОД АБЕДДРАХА!

Голос, неожиданно прозвучавший из-за спины Конана, как бы вмешался в его спор с Осгаром. Он был так громок, что моментально заглушил все остальные разговоры на площади. Все глаза обратились ко входу в усыпальницу, где виднелась облаченная в белые ризы фигура Хораспеса.

– СЛУШАЙТЕ МЕНЯ, ПОДДАННЫЕ!

Пророк обращался к толпе, стоя под сводами Врат. Его голос отдавался эхом и гремел, разносясь над площадью. Конан прислушался и решил, что никакие человеческие легкие не могли порождать звук такой силы. Наверняка колдун не просто поднес руки ко рту, но и пустил в ход какую-нибудь бесовщину. То-то его голос звучал неестественно, не по-человечески, скорее так, как если бы какое-то огромное чудовище выговаривало людские слова.

– ВАМ НЕЧЕГО БОЯТЬСЯ, – продолжал оглушительный Голос. – Я БУДУ ПРИКАЗЫВАТЬ ВАМ ОТ ИМЕНИ ВАШЕЙ ЦАРИЦЫ. – И он указал людям на Нитокар, которая махала им рукой с возвышения несколько пониже того, на котором стоял он сам. – ЕСЛИ ВЫ СТАНЕТЕ ПОВИНОВАТЬСЯ МНЕ, ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО. НО ТОТ, КТО ОКАЖЕТ СОПРОТИВЛЕНИЕ, БУДЕТ УБИТ! – Он сделал паузу, опустил руки и что-то неслышно спросил у Нитокар. Ее Величество ответила, пророк снова поднес руки ко рту, и на толпу опять обрушился Голос: – СЕЙЧАС ЦАРИЦА НИТОКАР ПРОСЛЕДУЕТ ВО ДВОРЕЦ, ЧТОБЫ ЗАНЯТЬ ТРОН. ОТКРОЙТЕ ДЛЯ НЕЕ ГОРОДСКИЕ ВОРОТА!

Громоподобный Голос умолк, Хораспес сошел с возвышения и стал невидим. Хотел он на самом деле успокоить толпу или не хотел, но на деле вышло так, что он только перепугал народ еще больше. Все опять пришло в полное смятение, и людской водоворот разлучил могильных воров. Множество людей, стиснутых в огромной толпе, одновременно хотело удрать с площади. А когда Дети Ночи снова качнулись вперед, даже те, кто успел очнуться от первоначальной паники, снова превратились в бестолково мечущееся стадо. Конан остался один в море крутящихся, толкающихся, орующих коричневых тел.

Вот когда его рост и огромная сила сослужили ему хорошую службу, позволив выбиться из отчаянной толчеи! Он все-таки добрался до группы дворцовых стражников, занявших оборонительную позицию на возвышении у городских ворот. Внутри их строя царевна Эфрит держала совет с уцелевшими офицерами и священством. В сторонке, маленький на

фоне взрослых воинов, мрачно стоял сын Нитокар – Иблис. Когда Конан подобрался достаточно близко, он разглядел одну важную вещь: отправляясь исполнять и раздавать приказания, сановники и военные низко, почтительно кланялись Эфрит.

Достигнув частокола склоненных копий, Конан, опять-таки благодаря высокому росту, легко попался на глаза царевне. Она хлопнула в ладоши, приказывая стражникам расступиться и пропустить его внутрь. Подойдя к ней, стоявшей между двумя здоровенными воинами в кольчугах, Конан заново убедился, что перед лицом страшной угрозы девочка и не думала впадать в растерянность. Она держалась, как подобает настоящей правительнице.

Она тепло приветствовала его и сразу ухватила его руку своими двумя.

– Ох, Конан! Ты видишь, что делается? Хораспес все-таки зашел слишком далеко! Жрецы и предводители войска поклялись, что остановят его. Его – и Нитокар! Они собрались поддерживать меня, как законную наследницу трона!

– Ну и отлично, маленькая! – Конан хотел было дружески обнять царевну за плечи, но вовремя заметил, как неодобрительно нахмурились вновь назначенные телохранители Эфрит, и передумал. Незачем связываться. – В любом случае не обольщайся и будь осторожна, – сказал он царевне. – Ты лучше меня знаешь, что верность придворных дешево продается... – И он покосился на Иблиса. Пухлолицый мальчишка был бледен и не отводил от них пристального взгляда. – А этот-то что тут делает? Это ведь щенок Нитокар, верно?

– Да, это мой единокровный брат, – ответила Эфрит. – Толпа разлучила его с царицей, когда все бежали прочь от Врат. Вельможи хотят использовать его против нее как заложника.

– Заложник, беглец или подсып – как бы то ни было, следи за ним в оба, – тихо посоветовал Конан. – Он, конечно, еще соплив, но, по-моему, успел уже порядочно набраться от маменьки. И вот еще что. Насколько я понял, мертвяков будет трудновато одолеть в открытом бою. По крайней мере, пока Хораспес помогает им своими заклятиями! Так что на легкую победу нам рассчитывать нечего!

Эфрит кивнула. Вид у нее был встревоженный.

– Наша основная надежда – городская стена, – сказала она. – Верные войска уже посланы туда и занимают позиции. Но нам понадобится и помочь народа... – И царевна вновь ухватила Конана за руку. – Если бы ты мог склонить на нашу сторону своих друзей!.. Или уговорил драться хоть сколько-то жителей! Это многое изменило бы! Впрочем, ты один раз уже

спас мне жизнь, я и за это никогда не смогу тебя должным образом отблагодарить... – Она покраснела и опустила глаза, не выпуская его руки из своей.

– Ладно, сделаю что смогу, – проворчал киммериец, легонько сжал ее руку, потом выпустил. – Во имя Крома, девочка, я на твоей стороне, а Хораспес – слишком опасный враг, чтобы от него бегать. Только, к сожалению, не возьмусь обещать, что кто-то из моих, с позволения сказать, друзей за нами последует!

Они попрощались, и Эфрит, не тратя времени попусту, ушла прочь во главе маленького отряда, чтобы обратиться к подданным с вершины городской стены. Она горделиво шагала среди перешедших на ее сторону вельмож, окруженная верной охраной. И надо сказать, что ушла она весьма вовремя. Войско Хораспеса перестроилось и снова взялось разгонять толпу.

Что творилось на площади, невозможно передать никакими словами. Толпа насчитывала несколько десятков тысяч человек, а выходов было раз два и обчелся. Ко всему прочему стража, верная Эфрит, назло приказу Хораспеса уже замыкала западные городские ворота. Деревянные мосты через каналы один за другим рушились под тяжестью бегущих человеческих множеств, а дорогу, проходившую вдоль городских стен, плотно занимали войска...

Хораспес только что говорил о мире и о том, что проявившие покорность могли ничего более для себя не опасаться. Тем не менее его боевые колесницы и пешие воины продолжали методично очищать площадь, убивая всех, кто попадался навстречу. Самый вид его воинства отнюдь не способствовал тому, чтобы кого-нибудь успокаивать. Даже наиболее человекообразные любого могли до смерти напугать своими застывшими лицами трупов, а что говорить о наполовину разложившихся или вовсе частично скроенных из звериных тел! Тех, кого они убивали, без промедления тащили внутрь пирамиды. В толпе уже ходил слух о том, что там их быстренько обряжали как мумии, затем возвращали к жизни – и отправляли обратно на площадь, но уже затем, чтобы сражаться и убивать на стороне пророка...

Мужчины, женщины, дети в страхе карабкались на берега каналов, жались к подножию городской стены или пытались забраться на каменную ограду некрополя. Те, кому было недоступно даже и такое жиенькое укрытие, по-прежнему крутились на открытой площадке, бросаясь из стороны в сторону, смотря по тому, какой очередной дикий слух рождался в воспаленных умах. Мечи нападавших и копыта безумных коней уносили

все новые жизни. Иные впали в буйное помешательство, иные, наоборот, затихли в полном отупении и безразличии, – куда, в самом деле, деваться, коли уж наступило светопреставление?..

Первоначально на площадь были вывезены тележки со всевозможным угощением для гостей похорон. Их, конечно, давно опрокинули, а лакомства – растоптали. Тех, кто еще сохранял более-менее здравый рассудок, начинал мучить голод, потому что дело шло к сумеркам. Набрякшее небо понемногу меркло, и зловещая сцена приобретала все большее сходство с тем кошмаром, о котором когда-то пророчествовал Хораспес...

Бродя без особенной цели, Конан наткнулся на кое-кого из шемитов, с которыми он успел познакомиться, пока работал на строительстве пирамиды. Эти люди, одичавшие от ярости и отчаяния, сбились в плотную стаю, чтобы не погибнуть поодиночке. Переговорив с ними, Конан дал дельный совет, и они раздобыли подобие оружия, разгромив повозку с инструментами. Потом киммериец повел их на перехват одной из вражеских колесниц.

Это было крепкое, надежное сооружение, только сегодня торжественно завезенное в пирамиду; строили его в расчете на Вечность. Скакуны тоже были что надо, породистые и дорогие. Однако они были уже загнаны беспощадными наездниками и чуть не падали в упряжи. Когда колесница мчалась мимо, новые товарищи Конана умудрились заклинить ломиком одно из колес, и боевая повозка, протащившись юзом, остановилась. Шемиты налетели со всех сторон, вскочили на колесницу и, действуя лопатами и топорами, разнесли в клочья стигийца-возниcu и его песьеголового спутника. Толпа, видевшая это с берега канала, приветствовала успешную вылазку громкими криками.

Это не прошло незамеченным, и очень скоро на них устремился новый отряд выходцев из могил. Конан с друзьями подготовились давать отпор. К тому времени на свет Божий выползли из подземелий наихудшие из мумии – древние, ветхие, чуть не разваливающиеся на ходу. Многие были скомпонованы из человеческих и звериных членов так, что казалось – над ними потрудился сумасшедший художник. Киммериец нутром почувствовал, как дрогнули его люди, выстроенные в жалкую линию. Последняя степень ужаса наступила, когда один из шемитов признал в самой, так сказать, свежей мумии, двигавшейся им навстречу... своего младшего брата. Этот брат входил в избранную посмертную стражу и был все еще одет в безукоризненные погребальные одеяния. Старший брат не выдержал и с безумными криками устремился прочь...

Остальные разом утратили боевой дух. Когда сразу двое пали под ржавыми мечами и терзающими когтями мертвецов, Конан скомандовал отступление. По счастью, древние мумии не могли угнаться за живыми людьми. Беглецам удалось прорваться на другую сторону площади и там снова принять боевой порядок.

Дело, таким образом, кончилось отнюдь не победой, но успешный захват колесницы подал шемитам, притулившимся возле стены, отличный пример. Оказывается, с Детьми Ночи все же можно было справляться. К людям Конана стали примыкать другие, начали появляться и новые самостоятельные отряды. Многие уже слышали страстную речь, произнесенную царевной Эфрит с городских ворот, а говорила она о необходимости сопротивления воинству Хораспеса. Нашлись, конечно, и такие, кто заявил о непреходящей верности царице Нитокар. Распра между двумя партиями опять же была вовсе не на руку пророку.

Между тем Хораспес явно поставил себе очередной целью захват западных ворот. Вскоре его войска устремились туда кратчайшим путем, по прямой от гробницы. Они шли плотным, сомкнутым строем, рассекая площадь надвое. Конан ни на миг не забывал, что его противник был искушен в колдовстве. Помнил он и о том, что надвигавшаяся ночь сулила своим Детям еще большие преимущества. Он предоставил своим шемитам совершать вылазки под водительством вновь избранных вожаков, а сам попробовал разузнать, что именно замышляли полководцы Хораспеса. И вышло так, что он натолкнулся на Осгара, Исараба и Зефрити.

Они были сплошь покрыты пылью и едва держались на ногах от усталости. Им, как и многим другим, так и не удалось выбраться с площади. Исараб рад был присоединиться к Конану. Даже осунувшийся Осгар держался без прежнего высокомерия.

– Значит, ты думаешь, что правление Хораспеса грозит городу гибелью... – задумчиво проговорил ванир, глядя, как неупокоенное воинство расправляетя с кричащими, плачущими людьми, не успевшими увернуться с дороги.

Конан мрачно кивнул в ответ:

– Видишь, как хорошо служат ему его жмурики? Так зачем себя утруждать, связываясь с живыми рабами?

Зефрити цеплялась за Осгара, испуганно следя за зловещими передвижениями мертвого войска.

– Ужас, ужас!.. – всхлипывала девушка. – Это напоминает мне мою родину, Стигию... Только хуже, в тысячу раз хуже!..

– Да уж, веселого мало, – в свой черед кивнул Осгар. – Если Хораспес

влезет на трон, это вправду может скверно отразиться на деловой жизни...

Конан посмотрел ему в глаза:

– Ну так помоги мне разделаться с ним!.. Царевна пообещала нам свою поддержку. Не хочешь же ты упустить такой шанс расцвести и возвыситься, если она победит?

– М-да... а что, пожалуй, в самом деле пришла пора переметнуться на другую сторону, – сказал расчетливый ванир.

Конан улыбнулся, хотя улыбка больше напоминала волчий оскал. И, дотянувшись поверх головы Зефрити, хлопнул Осгара по плечу:

– Давно бы так!.. А где Азрафель? Жив, надеюсь?

– Жив, – ответила Зефрити. – Я его видела. Некоторое время назад он куда-то свалил, крича, что придумал во-о-от такой план угрозать Хораспеса, а заодно все его войско...

– Ну и парень! – сказал Конан. – Кипучая башка. Я-то считал его безобидным, пока он не ухайдакал царя Ибнизаба!.. Боюсь только, дела нынче такие, что одной страсти для победы не хватит...

Войска уже развертывались для боя перед воротами, когда к киммерийцу подлетел запыхавшийся юный шемит.

– Конан! Меня прислал мой дядя Эзра! Хораспес сам двинулся вперед!.. Он идет сюда пешком, окруженный целой фалангой мумий...

Конан задумчиво кивнул.

– Так-так, – сказал он. – Значит, его магия оттуда до ворот дотянуться не может. Я-то считал, он дождется темноты, когда у его дохляков будут все преимущества! А он... ну что ж, нам так даже и лучше! – И киммериец повернулся к Осгару с Исарабом. – Я могу бросить на него с фланга несколько сотен осатаневших шемитов, но этой лавине, чтобы прорваться, нужно хорошее острие. Я хочу, чтобы вы оба пошли со мной!

Осгар мгновение подумал, потом встретился глазами с киммерийцем:

– Добро! Я с тобой. Клянусь Митрой, чтобы мы на пару да не справились с каким-то там откормленным чернокнижником!.. Но вот Исараб пускай останется с Зефрити и позаботится о ней. Ад вырвался на землю! Кто знает, чем еще кончится эта ночь!..

Конан посмотрел на Исараба и танцовщицу и увидел, что они не возражали. И он крепко сжал руку Осгара:

– Значит, вдвоем! Смерть Хораспесу! И новая, уже окончательная смерть – всем, кто вернулся из могил и служит ему!..

Глава девятнадцатая

Грядет мертвый царь

Когда прошел слух о решительном бое, у городских ворот собралось множество самых отчаянных и упрямых шемитов, как мужчин, так и женщин. Конан тружился не покладая рук – назначал предводителей, уговаривался насчет сигнала к атаке. Еще он старался заглянуть в глаза каждому воину, пытаясь одним взглядом передать ему (или ей) все то, что полагается приобретать многими годами воинского учения. Он сам понимал, что таким образом мог сделать немногое, разве только воодушевить. Оставалось надеяться, что благодать Богов пребывала на их стороне...

Огар тоже ходил среди воинов, и его в городе знали, конечно, лучше, чем киммерийца. Видя ванира рядом с собой, мужчины и женщины принимались размахивать неизвестно как раздобытыми мечами и иным попавшим в руки оружием и улыбались, изо всех сил пытаясь храбриться.

На них уже надвигался латный кулак вражеских войск, внутри которого, как говорили, шел сам Хораспес, и вскоре Конан предал всем приказ, призывая к тишине. Сам он забрался на опрокинутую повозку, чтобы лучше видеть.

Мертвое войско стояло в две линии, протянувшись от усыпальницы к городским воротам. По обе стороны оставался широкий промежуток, куда живые боялись соваться. Хораспес действительно шел по внутреннему коридору, окруженный тройной стеной тяжеловооруженных неупокоенных воинов. Царицы Нитокар при нем не было видно. Соглядатай уже донес киммерийцу, что она осталась командовать войсками возле пирамиды, чья темная вершина казалась еще более зловещей на фоне сумеречного неба.

На городской стене, напротив, в преддверии ночи уже зажглись факелы. Защитники города стояли на бастионах, причем гуще всего – над закрытыми и запертыми воротами. Конан со своего места мог разглядеть вершину башни, с которой смотрела Эфрит, окруженная высшими сановниками. Внизу, чуть не прямо под ними, в полном виде ворот стояли передовые посты Детей Ночи. До них можно было докинуть копье, но они не обращали на опасность никакого внимания. Как выразился Хораспес, один раз они уже претерпели «маленькое неудобство, именуемое смертью», и теперь им не было особого дела до оружия смертных.

Все это Конану очень не нравилось. Он не сомневался: если Хораспес сумеет подобраться вплотную к воротам, он сможет и отворить их при помощи каких-нибудь магических штучек... либо пустит в ход военную хитрость. Или опять всем зубы заговорит. Если это случится, защитники Абеддрака неминуемо будут разбиты, а город – погибнет. Предотвратить это могла только быстрая и неожиданная атака.

Именно такую он и собирался в скором времени предпринять.

Между тем толпа, оттесненная на окраины площади, плакала и причитала. Тем, у кого не хватило сил или мужества взять в руки оружие, только и оставалось, что ждать ночи и исхода осады. Однако даже и там далеко не все опустили руки, примиряясь с судьбой. Облака на западе багровели закатом, и Конан видел, как по берегам каналов деловито сутились рабочие. У кого-то мелькало в руках оружие, у других – инструменты. Что они там делали? Пытались навести временную переправу? Строили плоты?..

В любом случае Конану некогда было особо к ним присматриваться. Отряд Хораспеса оказался почти прямо перед ним, и киммериец подготовился дать сигнал к нападению. Шемиты смотрели на него со всех сторон, одни – с мрачной решимостью, другие – с отвагой отчаяния. Видно было, что каждый готовился вложить последнюю надежду в один яростный рывок. Осгар озирался кругом, и на его мясистой физиономии явственно читалось сомнение. Но вокруг было слишком много действительно крутых ребят, чтобы идти теперь на попятный. Конан опустил руку на черен меча, готовясь подать сигнал...

Двигавшийся вперед отряд Детей Ночи неожиданно остановился, чуть-чуть не дойдя до того места, где Конан собирался их атаковать. Мертвецы, шагавшие по краям, начали расходиться в стороны, а те, что находились посередине, взялись за края большого щита, повернутого горизонтально, и Хораспес взошел на этот щит. Расшитый золотом край белого одеяния плескался на ветру у лодыжек. Стражники подняли щит до уровня плеч, так что пророк оказался над головами толпы. Он отдал легкий поклон в сторону городских ворот и снова приложил руки ко рту. Опять зазвучал оглушительный Голос, причем с такой силой, что у Конана застучали зубы.

– ЛЮДИ АБЕДДРАХА! БЛИЗИТСЯ ВАШЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ!

Беспомощная толпа ответила криком и плачем: радостная весть, провозглашенная Хораспесом, чуть не заставила землю растрескаться у них под ногами. На городской стене потрясенно молчали. Та часть толпы, что составляла войско Конана, замерла в напряженном ожидании. Люди

поглядывали то на Конана, то на пророка. Они ждали сигнала, а по барабанным перепонкам, точно кузнечные молоты, бил Голос.

– ДА НЕ УСОМНИТЕСЬ В НЕПРЕХОДЯЩЕЙ МИЛОСТИ ЭЛЛАЭЛЯ,
О ШЕМИТЫ! НАСТАЛ ДЕНЬ ВЕЛИКОЙ СЛАВЫ! Я ВОЗВРАЩАЮ ВАМ
ТОГО, РАДИ КОТОРОГО ВЫ ВСЕ ЗДЕСЬ СОБРАЛИСЬ! ТОГО, КОГО ВЫ
ЛЮБИТЕ БОЛЬШЕ САМОЙ ЖИЗНИ!

Едва только отгремели последние слова, как пророк снова указал рукой в сторону великой могилы, и люди увидели: у подножия пирамиды что-то начало происходить. Там в самом деле строился новый отряд войска. Посередине виднелось возвышение – а может быть, носилки, – в которых возлежало нечто большое, бесформенное, бледное! Даже в меркнущем свете дня никакой ошибки быть не могло...

– АБЕДДРАХЦЫ! К ВАМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО
ЦАРЬ ИБНИЗАБ! ОТКРОЙТЕ СВОЕМУ ЦАРЮ ГОРОДСКИЕ ВОРОТА!

Толпа отреагировала бурно, но неодинаково. С вершины стены раздались изумленные крики. Часть стражников кинулась выполнять распоряжение, другие бросились наперерез. На бастионах творилось нечто неописуемое. Толпа внизу заходилась от ужаса и надежды.

Вновь подобно трубе прозвучал Голос пророка:

– ВЫЙДИТЕ ВПЕРЕД, ЗНАТНЫЕ, И ПРИВЕТСТВУЙТЕ СВОЕГО
ЦАРЯ! ПУСТЬ ЕГО ДЕТИ ПОДОЙДУТ ПОКЛОНИТЬСЯ ОТЦУ!

Услышав такое, Конан содрогнулся. Значит, пророку потребовались заложники, в том числе Эфрит!.. Киммерийцу некогда было гадать, как еще воспримут шемиты требования пророка, равно как и воскрешение своего царя. Он твердо знал одно: дальнейшее промедление с атакой было смерти подобно! Он выхватил меч и взмахнул им над головой:

– Вперед, псы! За Шем!.. Долой колдуна!..

После оглушительного Голоса, которым вещал пророк, собственный крик показался ему жалким комариным писком. Тем не менее десятки глоток тотчас подхватили его. Люди отбрасывали последние сомнения и срывались с мест. Ревущей волной они пронеслись через открытую площадку и схлестнулись с неупокое иными.

– За Шем!.. За Шем!..

Началась беспощадная схватка. Что такое «отступление», древние мумии не имели никакого понятия. Они рубились и отбивались, не отходя назад ни на шаг. Их валили и раздирали на части, но они даже не думали перестроиться или сомкнуть ряды. Шемиты колошматили их дубинками, рубили мечами и рабочими топорами, валили наземь. Иных, наоборот, отрывали от земли, и дюжины вцепившихся рук тотчас оставляли от мумий

мелкие клочья. Линия сражения вскоре превратилась во множество отдельных водоворотов: окружив одного или нескольких мертвых, живые мстили им за надругательство над жизнью и смертью. Горожане видели их успех, и в маленькое войско Конана, преодолевая страх, вливалось все больше народу.

Но обольщаться не следовало. Им удалось разметать лишь первую линию обороны стражников Хораспеса. За их спинами ждали свежие и лучше вооруженные выходцы из могил. Это были большей частью умершие аристократы из славного и богатого прошлого Абеддрака. Они были облачены в дорогие, красивые и весьма надежные латы, составлявшие когда-то их погребальное убранство. И отличались они от живых в основном неживой бледностью кожи да ярким гримом, которым покрывали лица умерших. Между ними виднелось несколько красивых, безупречно сложенных юношей, совсем недавно покинувших жизнь. Некоторые из их числа принадлежали к тем самым посмертным избранным стражам. Только сегодня их убили внутри пирамиды и подвергли тела спешному бальзамированию. Они вышли навстречу живым плотно сомкнутым строем, орудуя мечами с опустошительным искусством и нарушая стремительность их атаки.

Конан и Осгар были готовы как раз к такому случаю: теперь настал их черед. Ни один защитник Хораспеса, и даже двое сразу, не могли противостоять этой паре северных великанов, когда те действовали сообща.

Первым, с кем они сшиблись, был пышнобородый вельможа из какого-то минувшего века. Его лицо было бледно, точно акулье брюхо. Удар Осгара рассек на нем покрытый рубинами головной венец и череп под ним. Конанов меч отшвырнул в сторону украшенный самоцветами клинок и проткнул насеквоздь его обладателя, перерубив позвоночник. Когда Конан рывком высвободил меч, мумия невозможным образом перегнулась назад. Потом сложилась пополам, кровоточа песком из вспоротого живота, и наконец рухнула наземь, и сотни ног тотчас растоптали ее на камнях.

Следующим перед ними предстал юный офицер из числа кладбищенской стражи. Красивый парень – вот только выглядел он так, как всегда выглядят утопленники. Он, похоже, был из числа тех, кто утопился по собственной воле, желая последовать в Мир Иной за царем Ибнизабом. Мертвец занес кривой меч, уже замаранный человеческой кровью, и вознамерился ударить им Осгара. Мечи северян одновременно обрушились на его клинок и разнесли его вдребезги. Последующие удары отsekли руки, еще пытающиеся замахнуться рукоятью. Выходец из могилы повернулся и,

шатаясь, побрел прочь. Его глаза лезли из орбит, рот раскрывался в беззвучном вопле.

– ПОДДАННЫЕ! ГРЯДЕТ ВАШ ЦАРЬ! – вещал Хораспес, не обращая никакого внимания на столпотворение прямо у себя под ногами. – СКОРЕЕ ОТВОРИТЕ ВОРОТА И ПРИГОТОВЬТЕСЬ К ТОРЖЕСТВЕННОЙ ВСТРЕЧЕ!

Конан про себя полагал, что знать все же вряд ли послушается приказа пророка, но необходимо было спешить. Он рассек пополам тощего воинажреца, размахивавшего топором. Осгар расправился с дюжим храмовым стражником...

И вот двое северян прорвались сквозь плотную линию обороны и оказались в гуще Детей Ночи; к сожалению, некому было последовать за ними в прорыв. Некоторое время они ожесточенно крушили направо и налево, рубя шеи и поджилки мумиям, среди которых очутились. Конан перерубил колено какому-то толстопузому бывшему придворному, еще не успевшему засохнуть в могиле. Тело завалилось со всплеском, и Конан, к своему изумлению, неожиданно обнаружил, что стоит по щиколотку в воде.

Вода плескалась повсюду! Она наступала пенящимся приливом, кое-где уже плавали обломки мумий. Среди сплошного гама сражения послышались возбужденные крики:

– Они разобрали дамбы!.. Отец Стикс спешит нам на помощь!..

Поняв наконец, чем занимались вдалеке рабочие, Конан обернулся через плечо. Там, еще видимый на фоне пунцового неба, согласно трудился народ. Мелькали черпаки, лихорадочно сновали лопаты. Даже сквозь рев и грохот сражения издалека были слышны крики восторга. Дети Реки сражались с Детьми Ночи, используя против них силу, с которой были знакомы накоротке.

Вот молодцы!.. Конан даже пожалел, что не сам додумался до такого блестящего плана. Хотя, правду сказать, этот план грозил им всем немедленным потоплением. Вода уже поднималась по икрам ног. Конан вброд добрался к Осгару, который как раз рубил вооруженную руку поверженной мумии.

– Крестьяне открыли шлюзы! – пропыхтел он ваниру в ухо. – Скоро река затопит все кладбище и смоет жмуриков!

– Во имя Митры!.. Так вот о чем задвигал Азрафель!.. – изумленно огляделся Осгар. – Парнишка, похоже, нашел таких же сумасшедших себе в компанию...

Конан лишь усмехнулся. Все правильно: Азрафель происходил из

семьи земледельцев, и люди Ибнизаба утопили его отца. Однако рассуждать о смекалке юного шемита ему было некогда.

— Теперь займемся Хораспесом, — вполголоса сказал он Осгару. — Только не подходи к нему близко и смотри в оба! Он способен на лету расплавить металл, а его прикосновение несет смерть!

Он уже видел (насколько вообще можно было что-либо рассмотреть в сгущавшихся сумерках), что в общем сражении наступил перелом и достойное сопротивление оказывали лишь те Дети Ночи, которые стояли рядом с самим Хораспесом. Все они были богато разубраны и увенчаны коронами. Пророка окружали прежние цари Абеддраха. Их ногти и седые волосы неимоверно выросли в течение прошедших столетий. Двое мертвых царей все еще держали Хораспеса на щите, поднятом до уровня пояса. Остальные рубились с шемитами.

Сам Хораспес, казалось, только тут осознал, что нападение толпы и неожиданный потоп таили в себе нешуточную опасность. Он принялся отдавать приказания своей свите на каком-то резком, непонятном наречии и все бросал обеспокоенные взгляды в сторону великой гробницы. Судя по крикам, оттуда ему на подмогу двигалось новое войско мумий, а посередине его следовали носилки Ибнизаба.

Время настало! — решил Конан. *Теперь или никогда!* Издав яростный рык, киммериец бросился на телохранителей пророка. Его меч перехватил разящий замах какого-то мертвого царя. Одновременно Конан с силой пнул мумию ногой в грудь.

Пинок еще и облил его супротивника грязной водой, благо та уже достигала колен. Сломалась ли иссохшая шея, киммериец не понял. Неупокоенный монарх, пошатываясь, качнулся назад, и Конан, двинувшись следом, отsek скимавшую топор руку еще более древнего царя, напавшего на него сбоку. Первый вновь попробовал замахнуться огромным мечом, но не успел. Удар Конана, который живому человеку непременно выпустил бы кишку, повытряс из мумии песок и швырнул ее в воду, где она и осталась беспомощно барабататься.

Осгар тем временем поступал примерно так же с мертвой стражей по другую руку Хораспеса. Он яростными ударами загонял мумии в воду, к неописуемой ярости пророка. Однако его проклятия и яростные призывы к войскам неожиданно прекратились. И Хораспес, и напавшие на него северяне одновременно обернулись на лязг тяжелых цепей и увидели, что городские ворота Абеддраха начали открываться!

Ворота здесь были подъемными, и они уже порядочно отошли от земли, пропуская освещенную факелами процессию стражников и

придворных. Посередине процессии Конан разглядел увенчанные короной кудри царевны Эфрит. Непослушная, мятежная дочь вышла встречать своих царственных родителей. Хотела она того или не хотела?.. Конан не знал.

Значит, победа Хораспеса была почти решена!.. Вельможные недоумки меньше боялись чудовищ и толпы у ворот, нежели гнева своего мертвого царя! Их не волновал даже потоп, благо городская стена находилась на возвышении и вода еще не добралась до ворот!..

Итак, с одной стороны к Хораспесу вот-вот подоспевают подкрепления, а с другой – город готов был сам всунуть голову в петлю!.. Но вместо отчаяния в сердце Конана пробудилась невероятная ярость, поистине превратившая молодого варвара в живое стихийное бедствие, разрушительное и неудержимое. Его меч взметал воду, словно морской смерч; несколькими стремительными взмахами он подрубил ноги последней царственной мумии. Мертвый царь завалился, размахивая руками, и угодил прямо на одного из своих неупокоенных собратьев, державших щит Хораспеса. Тот в свою очередь поскользнулся в грязи и упал на колени. Щит опасно накренился... и пророк, отчаянно матерясь, волей-неволей спрыгнул в воду.

И оказался прямехонько между двумя северянами, твердо намеренными его прикончить!

Конан понял, что долгожданный момент наконец наступил, и, забыв обо всех прочих опасностях, занес меч для необоримого выпада. Осгар одновременно замахнулся, готовясь раскроить непокрытую голову пророка...

Реакция стигийца была столь же мгновенной, сколь и неожиданной. Его ничем не защищенные руки вдруг выстрелили вперед, перехватив оба клинка. Ему словно бы не было дела ни до силы ударов, ни до остроты мечей. Моцъ его хватки застала нападавших врасплох. И не только потому, что он остановил оба меча посередине размаха.

Едва только Хораспес коснулся его меча, Конан сразу почувствовал, как начала нагреваться рукоять. Он ощутил действие могучей, таинственной энергии, и ее поток с каждым мгновением нарастал. Было ли это просто игрой воображения, или он в самом деле увидел, как порозовел конец длинного лезвия, отдавая назад тот самый жар, что когда-то придал ему форму... а может, даже тот самый, что вплавил некогда частицы металла в рудный камень земли?.. Какое-то время Конан только и мог стоять и смотреть. Ему в ноздри ударили запах паленой кожи – это горел ремень, которым была обмотана рукоять. Жар уже обжигал саму ладонь...

Звериное упрямство, свойственное варвару, все-таки удержало его от

того, чтобы выпустить меч. Он поступил иначе: присел на колени и окунул раскаленный клинок в воду. Вода была уже по пояс, и ее прохлада пришла как раз кстати обожженной руке. Металл, однако, продолжал рдеть даже под водой. Кверху ринулись струи пара, больно обваривавшего кожу.

Между тем Осгар, в отличие от киммерийца, не вынес мучительного жара и выпустил меч. Мгновением позже выпустил его и Хораспес. Меч упал в воду между ваниром и пророком, и там, где он утонул, взвилось большое облако раскаленного пара, почти скрывшее Осгара. Странно!.. Тучи пара не рассеялись мгновения спустя, как это бывает, когда кузнец окунает в воду горячую сталь. Пар продолжал со свистом бить вверх. И Конан увидел, как волшебник быстрым, хищным движением ткнул рукой внутрь клубившегося облака. Тому, против кого было нацелено это движение, явно ничего хорошего ждать не приходилось...

Такое зрелище подстегнуло Конана и заставило его сделать новое усилие. Ярость все еще помогала ему справляться с болью в обожженной ладони. И он воспользовался тем, что Хораспес отвлекся. Нечеловеческая хватка пророка по-прежнему удерживала меч под водой, не давая замахнуться. Ну так что ж!.. Конан крепче сжал на рукояти покрытые волдырями пальцы и изо всех сил, умноженных яростью и отчаянием, ткнул острым лезвием вверх и вперед!..

Он почувствовал, как скользнул клинок сквозь нечаянно раскрывшуюся ладонь Хораспеса. Еще миг – и он попал в цель. Кончик, светящийся от жара, зашипел о мокрое одеяние. Потом вошел пророку в живот. Перегретое лезвие вдвинулось в плоть, словно раскаленный нож – в холодное масло. Пройдя насквозь, оно горбом натянуло ткань у него на спине. Прожгло ее – и осталось торчать, светясь в сумерках, точно факел. Только тут Конан выпустил рукоять, уворачиваясь от скрюченных, как когти, пальцев пророка, потянувшихся к его руке.

Хораспес повернулся к нему лицом. Его глаза выступили из орбит, рот раскрылся в мучительном оскале, и оттуда повалил пар. Меч, проткнувший его, сиял чем дальше, тем ярче. Хораспес схватился за него пухлой рукой... и начал корчиться всем телом. Теперь он напоминал скорее не смертельно раненного человека, а бесформенную котлету, жарящуюся на вертеле. Бот он задохнулся, ахнул... и повалился навзничь в темную воду.

Конан не побежал прочь. Он внимательно смотрел, как плавает, исходя паром, тело поверженного колдуна. Так смотрят на зарубленную змею, убеждаясь, что она действительно издохла. Только спустя некоторое время он обошел отвратительный труп, желая посмотреть, что же там с Осгаром.

Могильный вор неподвижно лежал в нагревшейся воде. Конан подхватил тяжелое тело и оттащил его в сторону.

Его друг-соперник был мертв. Посередине груди зияло обугленное отверстие вроде тех, что оставили ладони пророка на теле бедняги Арамаса. Опустив мертвеца обратно в воду, Конан снова посмотрел на Хораспеса и увидел, что рука колдуна, торчавшая из грязи, сжимала какой-то обгоревший ком.

Сердце Осгара.

Содрогаясь, Конан наконец собрался с духом и прикоснулся к горячей, обваренной плоти Хораспеса. При этом он с удивлением отметил, что его собственные ожоги почти не ощущались. Очень осторожно он разжал стиснутые пальцы Хораспеса и положил обугленный ком в воду рядом с его законным владельцем...

Битва кругом него, казалось, растворилась в ночи. Уцелевшие люди столпились на отмели близ городской стены. Несколько неупокоенных воинов все еще бесцельно шатались по площади, по грудь в воде. Им приходились туго: иссущенные тела так и порывались всплыть. Пока Конан смотрел, кое-кого из них унесло течением прочь. Мумии только бессильно брахтались. Воскрешенного царя нигде не было видно. Равно как и его царицы, их колесниц, повозок и остатков мертвого воинства. Между тем местом, где стоял киммериец, и входом в гробницу простиравась только вода, а по ней плясали рыжие отсветы факелов, еще горевших в своих скобах вокруг подножия пирамиды.

И пока Конан всматривался в разлив и созерцал плавающий сверху мусор, он вдруг понял, что движение воды было осмысленным. Тела, остатки мумий и всяческий хлам – все это постепенно собиралось вместе. И плыло в сторону Ибнизабовой усыпальницы, втягиваясь в разверстые ворота. По лестницам и коридорам пирамиды сейчас хлестал водопад, и его рев достигал городских стен. Казалось, выходцы из могил низвергались непосредственно в Загробный Мир!

Какая ирония, – подумалось киммерийцу. Все те, кто умер в этот день, и те, кому вовсе не следовало бы вставать из могил, бок о бок укладывались вкушать вечный покой. И укладывала их не знающая устали рука Отца Стикса...

Потом ушей молодого варвара достиг еще один звук, раздававшийся неподалеку, а именно лязг сшибающейся стали. Оказывается, на пологом возвышении у городских ворот еще оставалось достаточно Детей Ночи. Они лишились предводителя, но все-таки очень по-деловому наседали на вышедших из города царедворцев. Горожане пробирались по мелководью,

желая укрыться от рукотворного наводнения за городскими стенами. В общем, опять сражение и всеобщая давка. Опасное дело! И царевна Эфрит была где-то там, в самой гуще!..

Конан без лишних раздумий направился к воротам. Он был без оружия и наполовину шел, наполовину плыл...

Глава двадцатая

Многая лета царице!

Наступило утро, но город, заглянувший в бездну светопреставления, все никак не мог прийти в себя. Как всегда бывало во времена войн, аллеи и переулки заполонил деревенский люд, искавший спасения внутри городских стен. Кто-то безуспешно пытался заснуть на жестких каменных плитах, кто-то бродил туда и сюда в поисках пищи и крова. Люди ходили по улицам, на которых дома и лавки были частью закрыты и заперты на все замки, частью – особенно те, чьи владельцы отсутствовали или погибли, – взломаны и разорены голодными беженцами.

Горожане, те попросту ждали, что будет. Как всегда во дни междуцарствия, никто не мог быть в чем-либо уверен.

Все ощущали отсутствие твердой руки. Но вот кто из жаждущих власти в конце концов захватит ее, пока оставалось загадкой. Однако в воздухе витало и некое облегчение. Половина абеддрахцев посчитала рассвет за некое доброе чудо: многие уже не верили, что когда-нибудь снова увидят, как утреннее солнце умывает розовым золотом стены их города.

Свет сперва коснулся высоких бастионов. Стражники, стоявшие на стенах, переговаривались между собой, обсуждая, у какого офицера они теперь окажутся в подчинении. За всю ночь их ни разу не сменили, и они очень устали. Тем не менее никто с поста не уходил. Воины любовались обширным зеркальным прудом, разлившимся от подножия укреплений до самой Ибнизабовой пирамиды. Незадолго перед рассветом наконец стих рев водопада, низвергавшегося вовнутрь усыпальницы. Вода успокоилась. Разлив простерся далеко в пределы древнего некрополя; тихая гладь отражала величавые монументы и синее небо.

Когда солнце начало проникать на городские улицы, все по-прежнему оставалось спокойно. Те, кто пытался заснуть, оставляли свои попытки и отправлялись бродить, неизбежно попадая в конце концов на торговую площадь. Там встречались и беседовали знакомые, находили друг друга и радовались члены семей, уже не чаявшие увидеться после кромешной ночи. Все обсуждали похороны царя, битву, ужасы и чудеса, случившиеся накануне.

Те, кто минувшим вечером оказался вблизи (но, конечно, на

безопасном удалении!) от входа в пирамиду, рассказывали, как через порог усыпальницы хлынул неудержимый поток и как этот поток унес с собой в бездну и неистовую царицу Нитокар, и стражу, и всех ее слуг. И о том, как ненасытная глотка могилы чуть позже втянула огромные носилки вместе с царем Ибназабом, – если, конечно, развалившаяся в паланкине тучная фигура в самом деле была таковым. К худу или к добру стряслось все произшедшее, никто не отваживался судить, но история гуляла из уст в уста. Люди тысячекратно рассказывали ее друг другу, и, как водится, каждый раз она обрастала все новыми подробностями.

Неподалеку от главной улицы находилась лавочка торговца тканями, подвергшаяся разграблению во время беспорядков. Когда как следует рассвело, в глубине разгромленного помещения открылась прочная дубовая дверь и наружу выглянула скелетная физиономия, обрамленная спутанной гривой черных волос. Синие глаза бдительно обежали пустую лавку.

Потом дверь распахнулась шире, и через порог шагнул рослый, мускулистый, голый по пояс северянин. Ему пришлось низко пригнуться в дверях, чтобы не зацепить головой притолоку. За ним выскоцила гибкая девушка. Косые лучи пыльного света играли в самоцветной диадеме на ее волосах. Она где-то разыскала кусок бледно-голубой ткани и укрепила его на себе с помощью булавок, изобразив подобие платья. Она опасливо держалась за руку северянина, и то, как она это делала, говорило о большой близости между ними.

– Конан, мне... мне ужасно не хочется возвращаться во дворец! – проговорила она и покраснела, вспомнив о чем-то. – Там до того скучно!.. То есть последнее время, конечно, зевать было некогда. Но обычно только и приходится, что следить за налогами и издавать бесконечные указы, да еще придворные – каждый на себя одеяло тянет... – Нежные руки обхватили Конана поперек тела. – Честное слово, я бы лучше с тобой тут осталась...

– И я бы не отказался, девочка моя, – сказал киммериец. Притянув к себе царевну, он поднял ее лицо к своему и со вкусом поцеловал, потом отпустил. – Однако пора нам двигаться. Надо тебе прибирать Абеддрах под каблучок, и, право же, ты с ним не скоро соскучишься!

И, раздвигая поломанную и перевернутую мебель, Конан стал пробираться в сторону выхода.

– Ты в самом деле думаешь, будто у меня что-то получится?.. – спросила Эфрит, по-прежнему не выпуская его руки.

– Конечно, получится. Ты еще вчера могла бы взять вожжи. Но эти глупцы, готовые чуть что наделать в штаны, едва не отправили тебя на погибель! Вчерашняя ночь отчетливо показала, какого доверия они

заслуживают! – И Конан поправил у бедра украденный меч. – Будем надеяться, что за ночь разные партии успели устаканиться и определиться. Увидишь, все они будут теперь искать твоего расположения! – Приостановившись, он покосился на царевну. – Ну и, конечно, далеко не все будут желать тебе добра. Что до меня, то я жизнью отвечаю за твою безопасность, пока ты не доберешься к надежным союзникам. А дальше смотри сама!

– А дальше, – Эфрит потерлась шелковистой щекой о его плечо, – дальше для тебя непременно найдется местечко у меня при дворе...

– Посмотрим, – проворчал киммериец. Оглядел переулок сквозь проем выбитой двери, он вышел наружу и вывел за собою царевну. – Не будем говорить «гоп»... Давай сперва чин чином поставим тебя перед вельможами...

Пока они шли по улицам, величавая походка и сверкающая корона царевны, естественно, привлекали взгляды и вызывали ахи и охи. Но никто не пытался задерживать Эфрит или угрожать ей (чего Конан втайне боялся). Наоборот, люди почтительно расступались. Ну, а Эфрит шла теперь рядом с ним так, как полагается знатной даме с телохранителем: под руку, чуть касаясь пальцами его локтя. Так, чтобы в случае чего не помешать ему схватиться за меч.

Абеддрахцы увязывались следом за ними, и, когда они вступили на торговую площадь, Конан оглянулся и с некоторым удивлением убедился, что дружелюбно настроенная толпа запрудила, оказывается, всю улицу у них за спиной.

На площади при виде Эфрит началось небольшое столпотворение, и Конан, насторожившись, постарался как можно скорее провести царевну сквозь толчью. Но потом, услышав знакомые голоса, обернулся и с радостью увидел спешивших к нему Исаиаба и Азрафеля.

– Привет вам, негодяи! Вот вы-то мне и нужны! – откликнулся киммериец.

Не выпуская ладонки Эфрит, он пожал руки друзьям и от души похлопал их по спинам. Потом, помрачнев, сказал:

– Но вот Осгар...

– Мы знаем, Конан, – кивнул Исаиаб. – Я видел. И я все рассказал Азрафелю.

– Жестокая смерть, – кивнул юный шемит. – Впрочем, гораздо более достойная, чем на самом деле заслуживал такой проходимец...

– Да уж... – Конан вновь усмехнулся. – А ты-то каким молодцом показал себя в бою, Азрафель! Этот город должен быть тебе благодарен!.. –

И повернулся к Исайабу. – А что слыхать про Зефрити?

– Жива-здрава, – передернул плечами Исайаб. – Сидит в гостинице, принимает ванну, прихорашивается... С нее, Конан, все как с гуся вода!

– Ну и хорошо. Только не надо при всех называть меня по имени... – Конан подозрительно покосился на собравшуюся толпу. – Помогите-ка лучше проводить царевну во дворец. И как бы не оказалось, что главные неприятности только еще начинаются! Ну что? Вы со мной?

Эфрит шагнула вперед и сказала очень серьезно:

– Любая помощь, которую вы сможете мне оказать, лишь усугубит мой долг перед вами, достойные господа.

Двое могильных воров гордо расправили плечи и изобразили перед царевной нечто, отдаленно напоминавшее придворный поклон. Втроем они повели ее вперед, раздвигая толпу. Через середину площади проходила длинная колоннада, и, когда они туда добрались, дело сразу пошло быстрей. А вскоре впереди показался и высокий портик дворца.

Здесь тоже, несмотря на ранний час, кишмя кишел народ. К подножию широкой мраморной лестницы подъезжали колесницы, а на ступенях расположилось самое меньшее три рода войск – дворцовая охрана, кладбищенские стражники и вооруженные жрецы. Все они неуверенно поглядывали друг на друга. Кучи выгоревших огрызков факелов свидетельствовали, что бдение продолжалось всю ночь.

Оставив внизу следовавший за ними народ, четверо стали подниматься по лестнице. Царевна смотрела на стражников безо всякого страха. Никто не только не преградил ей дороги, но даже и не окликнул. Слишком уверенно, истинно по-царски держалась Эфрит, да и охрана толком не знала, кому теперь подчиняться. Они уже подходили к приоткрытым дверям, когда навстречу поспешил некто в жреческом облачении.

– О, царевна, наконец-то!.. – Это был тот самый жрец, рослый, пузатый, которого Конан видел в Царском Чертоге. Узнав его, киммериец отнюдь не проникся к нему доверием. – Никто не знал, что стало с Вашим Высочеством... Мы так страшились... Позволь же скорее проводить тебя, моя царевна, пред лицо Высшего Совета! Я вижу, поданные явились тебе приветствовать... – Он посмотрел на внушительных размеров толпу. – Слава Эллаэлю, настал судьбоносный день для нашей страны! Ты можешь оставить свою охрану здесь, ибо, право же, более тебе ничто не грозит... – И он, елейно улыбаясь, подобострастно простер руки к Эфрит, умудряясь одновременно излучать неприятие по отношению к Конану, Исайабу и Азрафелю.

– Ваше священство, – сказала царевна, – эти люди спасли мне жизнь и

до сих пор преданнейшим образом меня охраняли. Я желаю, чтобы они остались при мне.

Она взяла жреца за руки, не дав заключить себя в объятия, и повлекла его с собой во дворец. Там внутри опять-таки прохлаждались воины. При виде вошедших они подозрительно вскинули головы. Царевна, не задерживаясь, направилась к следующим дверям.

Миновав коридор, Конан оказался в обширном помещении. Он сразу узнал громадный чертог, в котором он когда-то впервые увидел царское семейство и для забавы придворных сразился с Хада Хуфи, заклинателем змей. Теперь вместо стражников в зале толпились священники и царедворцы, осунувшиеся, растрепанные, многие – в перепачканных церемониальных одеждах. Эти одежды надевали ради торжественных похорон, а пришлось в них убегать и сражаться. Одни придворные сидели, другие стояли, а посередине виднелся мягкий диван. На диване, в позе, которая больше подошла бы его царственному отцу, развалился мальчишка Иблис.

При виде своей единокровной сестры юный царевич поднял голову, и на лице его отразилось удивление, смешанное с явным неудовольствием. Вельможи выказали гораздо больше радости и теплоты. Все поднялись и двинулись навстречу Эфрит, почтительно кланяясь. В раздававшихся приветствиях смешивались самые разные оттенки чувств – от глубокого облегчения до осторожной расчетливости. Кто-то опасливо косился на троих ее телохранителей.

Не менее полудюжины сановников тотчас насыли на нее с разговорами о судьбах государства. Разговоры были далеко не пустыми. Конан вскорости понял, что по крайней мере жречество видело в ней правительницу, способную быстро упорядочить деятельность городских властей и предотвратить возможные усобицы в городе. По крайней мере до тех пор, пока не достигнет совершеннолетия наследник мужского пола.

То, как отвечала им Эфрит, произвело на Конана немалое впечатление. Она держалась естественно и спокойно и очень разумно рассуждала о вещах немалой государственной важности. На ее щеках играл тот же счастливый румянец, что Конану довелось узреть рано утром, когда они были наедине. Киммериец от природы был далеко не простаком и видел, что иные придворные пытались задурить голову молодой девушке и склонить ее к неверным решениям, чреватым опасными последствиями. Несколько раз он был готов поспешить ей на выручку, но юная царевна снова и снова оказывалась не по зубам матерым, опытным интриганам. Конан понял, что она отлично справится без посторонней подмоги, и

успокоился за нее.

Из всех находившихся в зале один только Иблис, покинутый блестательным окружением, выглядел недовольным. Наконец и он слез с дивана и подошел к беседующим вельможам. При этом он прятал руки под полами щегольского, расшитого стеклярусом плаща.

Азрафель, тоже внимательно наблюдавший за ходом дворцовых переговоров, тихо сказал Конану:

– Похоже, царевну возведут на трон еще до полудня, а все благодаря нам! Странно, правда? Вот уж никогда не думал, что окажусь в фаворе у этого Правящего Дома...

– Точно, Конан, – весело вставил Исараб. – Маленькое приключение все-таки оказалось не таким опасным и трудным, как ты ожидал!

– Конан!.. – Царевич Иблис выкрикнул это имя так, что придворные разом умолкли. – Вот он, стигийский подсып, убийца моего батюшки! Да как ты посмел явиться сюда!..

Все глаза обратились на киммерийца, и тот на мгновение растерялся. А мальчишка еще и бросился на него, выхватывая из-под плаща длинный кривой кинжал.

Киммерийцу не составило большого труда увернуться от яростного насека. Исараб оказался не так ловок: царевич полоснул его по руке, тянувшейся к рукояти меча. Иблис же вновь повернулся к Конану и еще раз остерьенел бросился на него.

Конан так и не стал извлекать оружия. Он просто стукнул мальчишку кулаком по вооруженной руке. Его движение было настолько быстрым, что никто не успел уследить. Кинжал вылетел у Иблиса из ладони, задел его по голове и откатился прочь по полу.

Царевич ощупал свое ухо и обнаружил, что оно было порезано. Он поднес к лицу окровавленную руку и завизжал так, словно с него кожу сдирали. Придворные поспешили к нему – утешить наследника, а заодно приструнить. Только Эфрит осмелилась подойти к Конану и его товарищам, ругавшимся на чем свет стоит. Она крепко сжала руку киммерийца.

– Конан, послушай меня, – сказала она. – Тебе лучше уйти.

Он угрюмо кивнул:

– Это верно, лучше мне здесь не отсвечивать, пока все не уляжется. Хорошо еще, что никто особо не пострадал... Орет он, как резаный, но получил только царапину.

– Ты не понимаешь, – настойчиво проговорила царевна, и он заметил, что она сильно побледнела. – Кинжал отравлен. Это Нитокар намазала его

ядом и вручила своему отпрыску! Иблис теперь, скорее всего, умрет... и, боюсь, твой друг – тоже... – Она посмотрела на Исаиаба, который стоял с бескровным лицом и зажимал рану ладонью. – И тогда придворные потребуют твоей головы за убийство мальчишки...

Конан поймал себя на том, что уже прислушивается к шагам стражи за дверью. Он спросил:

– А ты как же, Эфрит?

– Я справлюсь, – сказала она. – Не страшись за меня: теперь у них нет других наследников, одна я. Но ты... – Хрупкие ручки царевны ухватили его за плечи, и девушка попыталась развернуть его к двери. – Беги, пока это еще возможно!.. – Эфрит со страхом оглянулась через плечо и добавила, понизив голос: – Когда я взойду на трон, я постараюсь оградить твоих друзей. Но тебе, Конан, жизни в Абеддрахе не будет... Беги же... беги, любовь моя!

Конан почувствовал, что она готова была зарыдать. Бросив в ее сторону прощальный взгляд, он поспешил прочь по коридору, увлекая за собой Азрафеля и Исаиаба. За дверью было уже полно стражи. При виде киммерийца и его друзей кто-то отскочил с дороги, остальных трое смельчаков попросту вынесли. Однако в прихожей их встретил дружный шорох извлекаемых из ножен мечей.

По счастью, единого командования по-прежнему не было. Конан окончательно смутил стражу, рванувшись в промежуток между двумя отрядами – судя по их форме, разного подчинения. Он держал меч наготове, но использовал его только для того, чтобы отбить клинки нескольких неразумных, вздумавших на него покушаться. После короткой стычки беглецы выскочили на ступени. Внизу в ожидании толпился народ. Добрый пинок отправил катиться по лестнице последних двоих вооруженных жрецов, пытавшихся заступить Конану путь. Не останавливаясь, киммериец потащил вниз спотыкавшегося Исаиаба. Азрафель прикрывал их отступление.

Конан направился прямо к колесницам, что стояли без дела у подножия лестницы. Достигнув ближайшей, он проворно запрыгнул внутрь, схватил за шкирку осталбеневшего возничего и попросту выкинул его вон. Пока следом за ним забирались его друзья, Конан успел подхватить вожжи и кнут, и четыре вороных мерина, впряженных в колесницу, заволновались, навостряя уши. Киммериец заорал на них, щелкнул кнутом – и перепуганные звери рванули вперед, сквозь поспешно расступавшуюся толпу. Набиная скорость, колесница помчалась по главной улице Абеддраха к южным воротам, за которыми начинался большак...

* * *

Некоторое время спустя на загородной дороге можно было видеть одинокую колесницу, пробирающуюся по грязи, оставленной недавним разливом. Возничий, черноволосый великан, все оглядывался, высматривая погоню, но так ничего и не увидел. Свистнув коням, он натянул вожжи, и еще через некоторое время повозка вкатилась во двор гостиницы Осгара.

— Эй, конюхи, живо закройте и заприте ворота! Зефрити, где ты там! Позови кого-нибудь на помощь, у нас раненый!

Объехав двор по широкому полукругу, Конан остановил отдувающихся коней, привязал вожжи, спрыгнул вниз и опустился на колени подле Исараба.

Жилистый, крепкий шемит совсем обмяк. Его голова поклонилась на коленях у Азрафеля. Оливково-смуглое лицо посерело, и рука, продолжавшая слабо кровоточить, распухла до самого плеча, а вблизи раны приобрела нехороший зеленовато-лиловый цвет. Когда Конан попытался осторожно ощупать руку, из груди Исараба вырвался сдавленный стон. Его голова перекатилась на сторону, глаза выпучились от боли.

— Держись, дружище, — сказал ему Конан. — Сейчас отнесем тебя внутрь, приложим что-нибудь к царапине... На тебе, помнится, худшие раны заживали как на собаке...

— Нет, Конан... — прошептест Исараб. — Я чувствую, как по жилам расползается яд... огненные змеи подбираются к сердцу... — Он задыхался, голос сделался жалок и слаб. — Я скоро буду так же мертв, как старик Ибнизаб. Одна просьба... только не надо меня бальзамировать! — Умирающий закашлялся и с трудом перевел дух. — Бросьте меня в Стикс, и все. Чтобы не добрался никто вроде Хораспеса...

— Хорошо, старый друг, — торжественно кивнул киммериец. — Так мы и сделаем.

Зефрити успела позвать пожилую служанку, и та выбежала во двор, неся баночки и флакончики с целебными мазями. Ей хватило одного взгляда на лицо Исараба, чтобы понять: ничего сделать было нельзя. Женщина беспомощно переминалась в сторонке, пока Конан не махнул на нее рукой — уходи, мол.

— Конан... Я тебе кое-что должен сказать... — Умирающий собрался с силами и сунул здоровую руку за пазуху. — Я бы тебе, наверное... так и не отважился сознаться... но теперь мне все равно. Возьми... оно твое.

— Да брось ты, Исараб, — сказал Конан. — Отдохни лучше.

Но шемит продолжал упрямо возиться и наконец вытащил наружу кожаный мешочек со сливу величиной, висевший на шнурке, надетом на шею. Он принялся неловко теребить мешочек одной рукой, изгибая шею, чтобы видеть. Тяжелое дыхание вздымало костлявую грудь.

– Давай помогу, – сжался Конан и распутал завязки.

Что-то сверкнуло яркой синевой, мешочек раскрылся, и наружу выкатилось золотое кольцо со вделанным в него гигантским сапфиром – Звездой Хоралы.

– Когда мы встретили тебя в пустыне, перстень был уже у меня, – с трудом выговорил Исараб. – Я украл Звезду у того хорька, за которым ты гонялся. Я обворовал его, когда однажды в полдень он спал под кустом... Я нашупал перстень за подкладкой его седельной сумки и вытащил, а взамен подложил обломок кварца... Наверное, он так и не успел хватиться покражи, а?..

Исараб держал переливчатый камень на бессильной ладони. У Азрафеля при виде сверкающего чуда буквально отвисла челюсть. Зефрити придинулась поближе, ее взгляд загорелся жадностью. Даже у Конана изумленно округлились глаза.

– Значит, – сказал он, – все это время ты таскал перстень с собой? Да ты хоть знаешь, что всех нас и купить и продать за него мог?..

Исараб издал невнятное кваканье, которое при других обстоятельствах сошло бы за смех.

– Ты сам сказал, что камушек стоит целой комнаты, набитой золотыми монетами... Вот я и задумался, а что же мне с ним делать? Обычно я сбывал добычу Осгару за бесценок... А тут ухватил кусок, который не проглотить...

Исараб остановился перевести дух, и это далось ему немалым трудом. Его рука безвольно упала, Конан взял с обмякшей ладони синий кристалл и поднял его так, чтобы умирающий мог видеть.

– И потом, – прошептал Исараб, – богатство – это ведь не самое главное... Я воровал по привычке... ради удовольствия... и за компанию...

Его грудь поднялась и опала в последний раз, тяжелое дыхание прекратилось. Исараб умер. Какое-то время мертвые глаза еще отражали сияние Звезды.

Конан приложил ухо к груди старого товарища, потом заботливо опустил ему веки. Он помог Азрафелю уложить тело на колеснице и поднялся на ноги. Камня уже не было видно: Конан успел незаметно спрятать его в один из потайных воровских кармашков, вшитых в одежду. Выпрямившись, он оглянулся на своих уцелевших соратников по ремеслу,

которых и осталось-то всего двое.

— Похоже, — сказал он, — больше мне тут нечего делать. Чего доброго, скоро набежит стражи и станет меня повсюду искать! Я, кажется, еще один сучок на царском древе нечаянно обрубил... — Он рассмеялся, громко, но не особенно весело. — Вот только вас, живущих здесь, не стоит подвергать опасности. Я заберу с собой колесницу и таким образом уведу погоню, если она вообще будет. А по дороге опущу нашего приятеля, согласно его воле, в какой-нибудь канал с быстрым течением...

— Отлично, Конан! Только, чур, я с тобой! — Зефрити в светлой бархатной накидке, открывавшей одно плечико, махнула рукой служанке: — Эй, Хама! Собери-ка быстренько что-нибудь из моих лучших вещей!

Девушка убежала, а стигийка принялась ластиться к Конану, обжигая его зноным взглядом, в котором таилось обожание:

— Где-нибудь в Офире ты продашь свой камень, и мы вдвоем заживем по-царски! То-то разинут рот хайборийцы...

— Ну уж нет!.. — хрипло и трепетно прозвучал голос Азрафеля. — Останься, Зефрити! Я люблю тебя! А ты, Конан, если собираешься ее увезти, сперва прикончи меня! Слишком долго я страдал, глядя со стороны!...

Юный шемит был отлично сложен, крепок и мускулист, но рядом с Конаном он выглядел щедушным подростком. Он и сам отлично понимал, что обречен, — лицо побелело, руки так и дрожали. Однако он крепко сжимал рукоять висевшего на поясе меча и отступать не собирался.

— Вот что, вы, оба, — сказал Конан и, выпутавшись из объятий танцовщицы, отступил на шаг от нее прочь. — Зефрити, я тебя с собой, сколько помнится, не приглашал. А ты, Азрафель, — он повернулся к юноше и похлопал по рукояти своего меча, — если хочешь оспорить у меня камень, тогда давай. Но драться из-за девчонки...

— Конан!.. — Зефрити снова прижалась к нему. — Неужели ты меня бросишь? После всего, что между нами было?.. — Она прямо-таки повисла у него на руке. — Осгара больше нет, я наконец свободна! Что мне тут делать?

— Если ты совсем свободна, Зефрити, — сказал Конан, и в его голосе прозвучал холодок, — так освободись заодно и от меня. Как-то мне не верится, что ты мне будешь верна больше, чем Осгару!.. — И он вновь стряхнул ее, не забывая присматривать за Азрафелем, который, впрочем, так и не вытащил меча из ножен. — Во имя Крома, женщина!.. Ванир, конечно, был изрядным мерзавцем, но он тебя любил! И заботился о тебе до последнего! Я, в отличие от него, не какой-нибудь влюбленный кобель:

свистни – прибежит, пихни – отойдет! Да и гуляю я все по таким дорожкам, где подобные игры слишком опасны!

– Конан, как ты жесток!.. – Стигийка прижала руки к лицу, ее плечи затряслись от рыданий. – Пока Осгар был с нами, ты не больно-то стеснялся, похищая меня у него...

– Нет, Зефрити, я совсем не жестокий. Я очень даже добрый. Ты лучше посмотри на этого парня: ты значишь для него все, ты ему дороже самой жизни... если уж он не испугался ради тебя бросить мне вызов! Может, он будет терпимей к твоим выходкам, чем был бы я... но не так терпим, как Осгар – ради своего же собственного блага!

Конан крепко взял танцовщицу за руку и заставил отнять ладони от лица. Он не очень удивился, увидев, что на ее щеках не было ни следа слез. Киммериец легонько шлепнул ее, направляя прямо в объятия молодого шемита. Азрафель ждал с протянутыми руками, его золотая серьга ярко горела на солнце.

– Азрафель – парень с головой, и правительница города ему благоволит, – сказал Конан, влезая на колесницу. – Вдвоем вы сумеете удержать и приумножить все то, что накопил Осгар... или промотать, это уж как вам больше захочется. В общем, думайте сами. – И помахал им рукой: – Счастливо, Азрафель, удачи тебе! – Потом поднял вожжи и кнут и закричал слугам: – Эй, лежебоки, отворяйте ворота! Ехать мне далеко, и я тороплюсь!..